

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЕВ

МЕСТЬ СОЛНЦУ

Annotation

Новый роман мэтра российской фантастики, в котором космические спецназовцы России сталкиваются с пришельцами из будущего.

2078 год. Человечеству грозит катастрофа: Солнце с огромной скоростью теряет свою массу и вот-вот на Земле наступит ледниковый период. Виновник этого – искусственное солнечное пятно, созданное мегаинтеллектом из будущего. Исследовать его очень сложно: пятно затягивает в себя земные космолёты, и в нём их экипажи лишаются тел, а сознания зомбируются. Но русские спецназовцы способны не только воевать и ненавидеть, но и любить, и рисковать жизнью ради спасения других. Они могут найти выход из любого положения, а значит, у человечества есть шанс!

- [Василий Головачёв](#)

-
- [Локация 1](#)
- [Локация 2](#)
- [Локация 3](#)
- [Локация 4](#)
- [Локация 5](#)
- [Локация 6](#)
- [Локация 7](#)
- [Локация 8](#)
- [Локация 9](#)
- [Локация 10](#)
- [Локация 11](#)
- [Локация 12](#)
- [Локация 13](#)
- [Локация 14](#)
- [Локация 15](#)
- [Локация 16](#)
- [Локация 17](#)
- [Локация 18](#)

- [Локация 19](#)
 - [Локация 20](#)
 - [Локация 21](#)
 - [Локация 22](#)
 - [Локация 23](#)
 - [Локация 24](#)
 - [Локация 25](#)
 - [Локация 26](#)
 - [Локация 27](#)
 - [Локация 28](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Василий Головачёв

Месть Солнцу

© Головачёв В.В., текст, 2023

© ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Локация 1

Меркурий

Вид на равнину был так великолепен, что Верзилин застыл, вбирая в себя сияние пластов металлической корки, горных пород и слюды, простирившихся от сумеречной зоны Меркурия до не слишком далёкого округлого горизонта.

Когда-то считалось, что Меркурий всегда повернут к Солнцу одной и той же стороной. Однако ещё в конце двадцатого века выяснилось, что его период вращения вокруг оси равен пятидесяти девяти суткам, в то время как период вращения планеты вокруг светила достигает восьмидесяти восьми, поэтому поверхность Меркурия прогревается регулярно, температура на ночной стороне падает до минус ста семидесяти трёх градусов Цельсия, а на дневной поднимается до плюс четыреста двадцати семи, что превышает температуру плавления олова.

Поскольку диаметр самой близкой к Солнцу планеты едва ли не в три раза меньше диаметра Земли^[1], то и гравитация меньше примерно в таком же диапазоне, и обслуживающему персоналу станций на поверхности Меркурия приходится адаптироваться к такому состоянию, что, впрочем, не занимает много времени. Как правило, космолётчики-исследователи привыкают к лёгкости во всём теле за несколько дней.

Российская станция «Ирбис» была создана всего пять лет назад и располагалась на валу кратера Стравинского диаметром сто девяносто километров. Она имела три купола, объединённых переходами в красивый трилистник, и центральный шпиль, увенчанный десятком антенн разного профиля. Трилистник был окружён полем решёток радиотелескопа, и центральная башня играла в нём роль излучателя.

Кроме того, под кратером был выкопан огромный резервуар, заполненный жидким азотом, который служил антенной нейтринного телескопа.

В тот день, когда старший дежурный астрофизик Станислав Верзилин, специалист в области солнечного излучения, замер в

восхищении от развёрнутого в главном виоме ландшафта (случилось это третьего января две тысячи семьдесят седьмого года), на станции работало шестьдесят шесть человек, а если считать вместе с экипажем корвета «Гелий», то и все семьдесят пять.

Был вечер (по среднесолнечному времени, отсчитываемому от нулевого меридиана Земли), конец рабочего дня, сотрудники разошлись по отсекам станции отдыхать, и заступивший на дежурство Станислав имел полное право любоваться пейзажем, благо в центре контроля, расположенном в башне, он в этот момент находился один, сменив прежнего дежурного.

– Добрый вечер, Станислав, – поприветствовал его кванк центра, являющий собой искусственный интеллект пятого поколения по имени Клавдий. – Как настроение?

– Прекрасное настроение, Клавдий, – очнулся Верзилин, деловито цепляя корону менара, с помощью которой мог общаться с компьютером мысленно. – Что у нас нового?

– Хотите прикол?

– Дай мне сначала сводку по всем параметрам.

– Ловите.

Сбоку от вириала управления центром в общем поясе виома откололся квадрат диалогового окна с цифрами показателей солнечного ветра и магнитных полей.

– Вижу. Что за прикол?

– Это как раз по теме: северный квадрант короны по цепи пятен сигма-три-аш сто сорок семь. Странно, что факел появился в тот момент, когда вы вошли. Видите крючок? Температура шесть сто. А внутри – пятно в форме птичьего глаза. Кстати, сразу упала температура, почти на двести градусов.

– Птичьего, говоришь? – хмыкнул заинтересованный Станислав.

Дал увеличение, выводя пятно в центр виома.

Окружённое зёрнами глобул, оно действительно походило на глаз грифа, выглянувший из преисподней хромосферы Солнца. Диаметр пятна достигал не меньше четырёхсот сорока километров, хотя по сравнению с другими пятнами оно было небольшое и заметить его смог только специально настроенный комплекс инструментов.

– Так, посмотрим, – пробормотал Станислав, принимаясь обрабатывать поступающую по запросам информацию о состоянии

нового объекта.

Пятна на Солнце не появлялись просто так, им предшествовала подготовка в виде пучностей магнитного поля и падения массы лучевого переноса, поэтому внезапное рождение нового пятна, пусть и маленького по сравнению с масштабами светила, представляло интерес.

Ночь, хотя и условная в том отношении, что Солнце поднималось над сверкающим горизонтом гигантским пламенным шаром, окутанным космами протуберанцев, прошла для Верзилина незаметно. Он всё больше увлекался изучением «птичьего глаза» и всё больше убеждался в том, что тот не укладывается в рамки общепринятых теорий. Мало того, со станцией связались американские и китайские исследователи Солнца, базы которых располагались по соседству, и мнения всех специалистов сходились в одном: феномен с таким набором параметров не должен был сформироваться на родном светиле. А самым интересным следствием его появления было резкое падение температуры в районе образования пятна, там, где оно проклюнулось.

Тогда Станислав не выдержал и разбудил начальника станции, доктора наук Величко, и доложил ему об открытии, не глянув на часы. А было ровно шесть часов утра по независимому времени.

* * *

Капитан корвета «Гелий» Родион Поддубный умывался в своём одноместном номере станции, спрятавшемся в жилой зоне одного из лучей «трилистника», когда ему позвонил Величко и попросил по возможности «на рысях» прибыть в центр контроля. Недоумевая по поводу причин спешки и предполагая недоброе, Поддубный собрался за четыре минуты и в семь часов утра объявился в зале центра, где уже собрался учёный народ в количестве пяти человек. Среди них был и Величко, пятидесятилетний анахорет с бледным интеллигентным лицом, чёрными пронизательными глазами и чёрной, без единого седого волоска, шевелюрой.

Через несколько секунд стала известна причина вызова: надо срочно доставить группу исследователей в корону Солнца, в район, где

обнаружено необычного вида пятно, обладающее сильнейшим – в сто раз больше фона поверхности светила – магнитным полем.

На выяснение всех обстоятельств столь спешного вылета ушло пять минут. Давал задание лично Евгений Величко, обладавший умением убеждать сотрудников базы и с помощью лаконичной завершённости речи увлечь их важностью решения возникших проблем.

– Всё поняли, Родион Егорович? – закончил Величко.

– Так точно, Евгений Павлович! – вытянулся Поддубный.

– С вами пойдут специалисты Горелов и Туманян. Инструкции по обследованию объекта получите от них. Есть подозрения, что к объекту полетят и американцы, поэтому действовать жёстко, но в рамках Конвенции о запрещении военных действий в космосе.

– Мы готовы. Разрешите идти?

– Доброго пути.

Поддубный повернулся через левое плечо и вышел.

Через десять минут он уже был на борту «Гелия».

Корвет являл собой чудо инженерной мысли конца двадцать первого века. Выполнен он был по трансформным технологиям с использованием параметрического дизайна и на стартовом поле под валом кратера выглядел красивой другой переходящих друг в друга наплывов «жидкого металла» и хрустала.

Времена оставались сложными: гибридная война Запада и США с Россией, начавшаяся в начале века, по сути, так и не закончилась, разве что плавно перетекла из горячей фазы в кибервойну и технологическую гонку вооружений, а санкции с России так и не были сняты до конца. Руководству страны приходилось напрягать усилия, чтобы выдерживать конкуренцию на всех фронтах, и друзья государства в виде армии, флота и космических сил приобретали всё более значимую роль. Тем более что всё чаще в Солнечной системе орудовали частные военные компании, не брезгающие пиратскими налётами на грузовые платформы. Поэтому космические корабли теперь строились с учётом активной защиты, и даже малые суда дедвейтом до тысячи тонн хорошо вооружались. На борту «Гелия» стояли батареи «Солнцепёка», новейшего комплекса РСЗО, ракеты которого достигали скорости до ста километров в секунду, а также лазерные системы «Пересвет» и скорчер – электрический излучатель

мощностью в десять мегаватт. Вследствие же того, что корвет обслуживал российские базы на Меркурии и станции вблизи Солнца, его силовая защита позволяла ему приближаться к светилу очень близко, а при необходимости и окуналась в фотосферу звезды.

В четверть восьмого корвет пушинкой оторвался от стартовой площадки, включив антигравы, поднялся над изломанной скорлупой Меркурия и набрал скорость, направляясь точно к Солнцу, накрытый пузырьком защитного поля. Орбита планеты не была круговой, и в данный момент её и светило разделяло расстояние в пятьдесят два миллиона километров. При крейсерской скорости в десять тысяч километров в секунду корвету требовалось всего час пятнадцать, чтобы достичь Солнца, но Поддубный не хотел идти так долго и включил шпуг – систему двойного ускорения, чуть ли не вдвое сокращавшую время в пути.

Однако это не помогло. Когда уже подлетали к району расположения цепочки пятен на свето-плазменной поверхности светила, от беспилотной российской станции «Перун» стало известно, что первыми к объекту прибыли американцы на шаттле «Форвард», недавно привезшем смену на их базу «Бёрджесс», расположенную вдвое ближе, чем Меркурий.

– Зашквар! – прокомментировал ситуацию навигатор «Гелия» Саша Мизулин. – Успели-таки! Что будем делать, командир?

Поддубный помолчал, переживая неприятный момент.

Шесть членов экипажа, запакованных в ложементы вокруг центральной колонны виом-обзора, молча смотрели на него, повернув головы. Кресло капитана было чуть выше, и он мог видеть всех подчинённых. Ещё трое членов экипажа располагались в отдельных капсулах в недрах корабля, отвечая за свои технические зоны. Двое специалистов, о которых говорил Величко, тоже сидели в отдельных каютах, но могли связаться с рубкой в любой момент.

– Приблизимся, – сказал наконец капитан, – зависнем на высоте тысячи над факелом, пошлём дрон.

– Может, сделаем вид, что мы тут давно?

Поддубный поморщился.

– Ни к чему эти подставы.

– Да это я с досады, – виновато объяснил своё предложение Мизулин.

– Поехали.

Корвет устремился к цепочке пятен.

Так как Солнце вращалось вокруг оси со скоростью почти двух километров в секунду – на уровне фотосферы, надо было точно рассчитать сближение с ней и только тогда идти к цели. Но кванк корабля по имени Гелик, искусственный интеллект, легко справился с задачей, направив корвет к району с пониженной температурой.

Включилась поляризационная система фотозащиты. Виом, в настоящий момент представляющий собой стену из яркого пламени, потемнел, теряя накал до вишнёвого и багрового свечения.

Прошли хромосферу. Стали видны непрерывно меняющие форму гранулы конвективных ячеек на её «дне», каждая размером от тысячи до полутора тысяч километров. Приблизилась цепочка «настоящих» пятен, кажущихся дырами в солнечной плазме, пробитыми какими-то гигантскими пулями. Температура внутри каждого пятна была на тысячу, а то и на две тысячи градусов ниже фоновой, и края их казались цепочками острых игл.

Но не таким было открытое Верзилиным «малое» пятно, имевшее чёткие очертания. Его форма близилась к идеальному кругу, и лишь изредка по краям вспыхивали крохотные факельчики.

– Время оптимального погружения в данном районе составляет пятьдесят пять минут, – доложил компьютер, выдав очередь цифр. – Расход энергии – десять в седьмой.

– Держать базу! – напомнил Поддубный.

Это означало, что экипаж был обязан следить за изменениями полевой обстановки как снаружи, так и внутри корабля.

Экипаж ответил дружным: «Есть держать базу!»

Корвет снизился.

– Шаттл пошёл на посадку, – доложил Гелик.

– С ума они сошли, что ли?! – с недоумением воскликнул навигатор. – Какая посадка?! Это же просто слой плазмы!

– Даю видео.

В багровом поле фотосферы появилась светящаяся окружность нового диалогового окна, выделив район солнечной «поверхности» вокруг пятна. Скачком пятно увеличилось, занимая весь круг, потом ещё раз и ещё. Стала видна более тёмная, почти чёрная пластина пятна.

Космолётчики с удивлением примолкли, разглядывая образование, мало похожее на «дыры» в атмосфере Солнца, называемые солнечными пятнами. Перед их глазами соткался частокол острых шпилей разной высоты, образовавших нечто вроде неровной щётки. Только размеры этой «щётки» были в миллион раз больше своего земного аналога!

– Зашквар! – пробормотал Юра Морозов, кванконик корвета. – Я один это вижу?!

– Гелик, параметры!

– Получите, – ответил компьютер.

По квадратам оперативных экранов поплыла вереница символов и цифр: Гелик передал показания датчиков.

Температура «щётки» оказалась ещё на тысячу градусов ниже, чем фиксировали дистанционные измерители земных комплексов, а высота отдельных «ворсинок» достигала не менее десяти километров.

– Это не пятно, – бросил возбуждённый Мизулин. – То есть это образование вообще не имеет отношения к солнечным пятнам.

– Но оно всё-таки темнее, – сказал Морозов.

– Потому что его температура не больше двух тысяч градусов, а магнитное поле тем не менее больше, чем у любого пятна

– В сто раз! – хмыкнул оператор защиты корвета Щупов.

– Если это не солнечное пятно, то что?

– Искусственное сооружение! – со смешком сказал навигатор.

Разговор в рубке стихли. Космолётчики с удвоенным вниманием принялись рассматривать «щётку».

– Вижу шаттл! – доложил Гелик.

– Дай картинку.

Вариация окон виома на фоне «щёточного» частокола показала серебристую капельку американского корабля. В пламени солнечной фотосферы заметить его в полосе видимого спектра было невозможно, и компьютер, опираясь на данные локаторов, просто нарисовал изображение «Форварда» на фоне «щётки».

– Они что-то увидели, – снова заговорил Гелик. – Даю запись перехвата переговоров.

В рубке раздался тихий шелест эфира, щелчки, посвистывания и человеческие голоса. Говорили на английском языке:

– Правее... прямо под нами...

- Дырка?
 - Колодец... диаметр тысяча... поле на узле сто семьдесят...
 - Идём ниже...
 - Потечёт защита...
 - Надо послать дрон...
 - Генри, выпускаем «птичку»...
 - Оттуда что-то выползает...
- Пятисекундная пауза.
- Год демент! Это гра... лятор... три мили... опуск...
- Ещё одна пауза.
- ...дить! Немедленно! Генри – маневрируй... сто... на верши...

стро!

Голоса пропали, и вместе с ним исчез фон передачи, порождённый сильнейшим штормом электромагнитных полей солнечной фотосферы.

- Увеличь! – напрягся Поддубный.

Капля американского шаттла выросла в размерах. Было видно, как вокруг неё вьются чёрные струйки, объединяясь в решётчатый кокон.

- Связь!

– Пытаюсь, – ответил Гелик, бросая в недра Солнца гравитационный импульс.

Через несколько секунд пришёл ответ на английском:

- Кто говорит?!
- Корвет «Гелий», российское ведомство, – ответил Поддубный.
- Помогите выбраться! Нас держит какая-то сила, не даёт уйти!
- Врубайте шпуг...
- Отказала кванконика! Защита начинает глючить!
- Держитесь, идём! – Поддубный сделал жест пальцем затихшему экипажу.

– Форсаж! Гелик, протокол ВВУ!

- Есть протокол ВВУ! – отозвался компьютер.

Корвет спикировал с высоты в тысячу километров к пятну, в глубины которого непонятная сила утаскивала американский космолёт. Вокруг просияли полотнища корональной вспышки, окружающие солнечное пятно. Заверещали датчики полей, предупреждая космолётчиков о всплеске электромагнитного поля. Изображение «щётки» начало передёргиваться судорогами, как голографическая картинка.

Капля шаттла приблизилась. Корвет приготовился состыковаться с шаттлом, но чёрная сеточка, оплетавшая американца, внезапно накрыла российский корабль, и видеосистема отказала: пояс виома рубки превратился в стеклянную стену.

– Командир! – крикнул навигатор...

* * *

Комиссар Космической погранслужбы России Баринов получил раскладку происшествий в районе Меркурия в тот же день, когда на Солнце пропали два корабля: российский корвет «Гелий» и американский шаттл «Форвард». Комиссар в это время начинал офлайновое совещание с руководителями подразделений, контролирующих пространство в радиусе миллиарда километров от земного светила, и с непроницаемой миной выслушал доклад компьютера Российского Космического Союза (РКС).

Кроме происшествия с пропажей кораблей были отмечены четыре попытки подойти близко к Солнцу других планетолётов с экспедициями из разных стран, в основном – из Индии и Кореи. Все корабли прошли контроль международных пропускных пунктов как обеспеченные защитой и имеющие допуски Совбеза ООН, поэтому в дальнейшем их не искали. Между тем все четыре корабля приблизились к Солнцу на минимальное расстояние, и дальнейшее их положение осталось неизвестным. Мало того, Совбез ООН не объявил тревогу и вообще как бы забыл о существовании экспедиций, а космические агентства стран, чьи исследовательские платформы исчезли, также не заявили о своей обеспокоенности происшествием.

Баринов связался с секретариатом ООН в Новой Зеландии, поговорил с генсеком организации Пинкисевичем и закончил разговор словами:

– Понял, координатор! Будем работать.

После этого он начал совещание в режиме удалённого доступа, однако ни словом не обмолвился о происшествиях. Вернее, лишь упомянул пропажу корвета и сообщил, что причинами исчезновения «Гелия» занимается ФСБ.

Локация 2

Земля. Симеиз. Годом позже

Не хотелось вылезать из апертуры радиотелескопов Симеиза, разглядывающих дальний квадрант созвездия Лебедя, где была найдена ещё одна чёрная дыра, но компьютер был настойчив. И Мелентий Премилов, старший оператор комплекса, щупленький очкарик тридцати двух лет от роду, кандидат астрофизических наук, недовольно вернулся в жизнь, сняв шлем дополненной реальности.

Он сидел в зале обсерватории, куда сводились все информационные линии наблюдений за ночным небом, один, в тишине, не обращая внимания на общий экран зала, превращавший купол в сплошной звёздный узор. А вызывал его искин комплекса по имени Смотрящий за Вселенной. Мелентий называл его короче – Смотряк.

– Чего тебе, дружище? – недовольно спросил он.

В небольшом операционном диалоговом экранчике напротив проявилось лицо мужчины с длинными седыми волосами – портрет Смотряка, каким его сделали конструкторы ИИ.

– Добрый вечер, Мелентий, – сказал искин ровным голосом; он умел и шутить, и смеяться, и показывать другие чувства, вписанные в программу поведения, но с Мелентием разговаривал всегда подчёркнуто серьёзно. – Сравнительные данные не совпадают с годовой статистикой.

Мелентий не сразу сообразил, о каких данных идёт речь.

– Объект?

– Солнце.

– Я не занимаюсь аналитикой Солнца.

– Данные поступили минуту назад, а вы дежурите. Посмотрите, пожалуйста, есть о чём думать.

– Давай, – неохотно согласился оператор.

Экран монитора перед ним с эффектом объёма воспроизвёл шар земного светила, покрытый обманчиво медленным, кипящим покрывалом плазменных ячеек, кое-где пронизанным протуберанцами и группами пятен. Поляризационные фильтры системы обзора

позволяли смотреть на Солнце без очков, и глаза астрофизика невольно загорелись восхищением: шар был великолепен!

Справа высыпались колонки цифр – основные физические характеристики звезды: диаметр, масса, светимость в эргах, объём, сила тяжести на поверхности, скорость вращения, состав атмосферы и верхних слоёв. Число, показывающее массу Солнца, мигало красным.

– Не понял. Что тебе не нравится?

– Масса Солнца изменилась.

– Естественно, она и должна меняться каждую секунду согласно пекулярному переносу.

– Изменился темп сброса излучения. Месяц назад, после полугодовых итогов, он был на порядок меньше.

– На порядок?! – не поверил Мелентий, впиваясь взглядом в показания контроля.

– Отчёт перед вами.

Действительно, по выводу системы мониторинга солнечного излучения выходило, что земное светило стало терять массу намного быстрее, чем позволяла стандартная модель ядерных процессов на звезде, по сравнению с такими же параметрами месяцем раньше. И процесс этот не изменялся в течение уже двух последних часов.

– Что за бред?! Можешь объяснить?

– Кто-то сосёт наше солнышко, как телёнок корову. – В голосе искина послышались нотки сарказма.

Мелентий снова удивился, теперь уже тону собеседника. До этого момента Смотряк не отваживался разговаривать с ним в шутовском тоне.

– Какую корову?! – не понял ошеломлённый оператор.

– Не знаю, – бесстрастно ответил искин. – Большую.

Заинтересовавшись, Мелентий быстро сравнил данные наблюдений за Солнцем за последние пять лет.

Масса светила, рядовой жёлтой звезды типа G2, равнялась двум миллиардам миллиардов миллиардов миллиардов тонн и убывала в связи с излучением на одну миллиардную долю процента в год^[2]. Вернее, должна была уменьшаться с такой скоростью. Но Смотряк забеспокоился не зря: за последний год скорость потери массы действительно возросла почти на порядок, и это обстоятельство не могло не быть пропущено искусственным интеллектом Симеизского

астрофизического центра, анализирующего состояние ближайших к Земле звёзд. Одной из них было Солнце.

Молодой астрофизик запустил систему мониторинга солнечной активности по минутам (она получала информацию от компьютеризированных систем спутников на орбите Меркурия, ближайшей к Солнцу планеты) и связался с Валентином, соседом «по палате», сидевшим в другом зале. Захотелось разобраться в проблеме до конца, несмотря на то что она находилась вне поля его интересов.

Конечно, следовало сразу созвониться с учёными, занимавшимися Солнцем непосредственно, однако Валентин, человек мудрый и дальновидный, работал на многих обсерваториях России и мира, знал много и мог посоветовать коллеге, что делать, хотя проблемами Солнца он тоже не занимался, исследуя свой участок неба в направлении на Стрелец А – центр Млечного Пути.

– Не спишь? – спросил Мелентий, увидев в очках связи лицо товарища.

– Думаю, – ответил астроном, узколицый, худой, с модной полубритостью на щеках. – Тут одна проблемка нарисовалась, в Андромеде.

– У меня тоже нарисовалась.

Мелентий рассказал приятелю о сообщении искина.

– Ну и что? – спросил Валентин. – Ничего особенного, совпали какие-то циклы солнечной активности, восьмилетние с двадцатилетними и ещё какими-нибудь, вот оно и похудело. Забей!

– Ну спасибо за совет! – фыркнул Мелентий. – Тут серьёзные дела разворачиваются, а ты – забей! Да и не совпадают в данный момент никакие солнечные циклы, я проверил. По данным мониторинга, сброс массы просто потрясающий!

Валентин помолчал.

– А что говорят солнечники?

– Я сначала к тебе решил обратиться.

– Странно это всё. Но если спецы молчат, это вовсе не значит, что они ничего не знают о процессе.

– Хочешь сказать, что они забили, как ты мне советуешь? – хмыкнул молодой астрофизик.

– Удивительно другое: почему искин забеспокоился и обратился к тебе, а не напрямую к солнечникам.

– Смотряк на этот вопрос ответил, что обратился ко мне из-за того, что я дежурный.

– Тогда делай всё по инструкции: запиши донесение Смотряка в журнал, позвони спецам по Солнцу, тому же Лещинскому или напрямую Доброву, и... – Валентин хихикнул, – забей!

Мелентий невольно рассмеялся.

– Ладно, так и сделаю. Ну а сам-то что думаешь?

– Чёрт его знает, неожиданное приходит неожиданно, как утверждают философы. Может быть, ты сделал какое-то открытие, с чем и поздравляю.

– Не я – Смотряк, – простодушно возразил Мелентий.

– Но зацепился за цифры ты?

Мелентий поиграл мышкой кванка, кивнул.

– Доброй ночи.

Огненный шар Солнца в апертуре экрана повернулся, и на человека глянули два пятна на его экваторе, похожие на зрачки нечеловеческих глаз.

* * *

Сообщение об открытии странного похудения Солнца облетело весь астрономический мир со скоростью молнии. Заинтересовалось явлением и Агентство космических исследований России, хотя и не первым, несмотря на то что открытие сделал сотрудник Симеизской обсерватории Мелентий Премилов. Такова загадочная природа русского человека: долго запрягать, а потом с гибельным восторгом гнать лошадей, чтобы опередить ускакавших вперёд конкурентов.

В Московском центре астрофизических проблем, расположенном на Берсеневской набережной, состоялось совещание специалистов, изучающих земное светило, естественно, на удалённом доступе, что давно вошло в норму. Компьютерные системы видеосвязи позволяли легко общаться людям на разных континентах в режиме реального времени. Таким образом, в прекрасно оборудованном, хотя и небольшом, зале заседаний и конференций Центра собрались за одним столом двадцать шесть человек с докторскими и кандидатскими степенями, хотя физически присутствовали только трое: директор

Центра академик Добров, его заместитель, специалист в области изучения планет Солнечной системы, доктор физико-математических наук Смоленский и Парфентий Миранда, глава Плесецкого центра экспериментального оперирования в космосе (ЦЭОК), кандидат астроинженерных наук и ветеран КОСПАС – Службы космического спасения. Остальные специалисты в данный момент находились на своих рабочих местах, а то и вовсе оторвались от отдыха, если учесть служащих ЦЭОК на восточных рубежах страны, на Камчатке и на Сахалине.

Главный доклад сделал начальник Симеизской обсерватории Шошин. Ему пошёл девяносто пятый год, но это был ещё крепкий старик с благородной сединой в «эйнштейновской» шевелюре и лицом священника. Говорил он медленно, взвешенно и в первую очередь похвалил сотрудника обсерватории Мелентия Премилова, что говорило в пользу благих намерений этого ветерана дистанционной космической разведки, не забывающего о своих подчинённых.

После его речи начались выступления учёных, вспомнивших странные происшествия на Солнце год назад, когда было открыто необычное солнечное пятно и полетевшие изучать его американский и российский корабли просто исчезли, не успев даже послать сигналы SOS. Найти их не удалось до сих пор.

Воспоминания неожиданно переросли в жаркие споры о том, что делать в данной ситуации. С одной стороны, за Солнцем велись круглосуточные наблюдения как с Земли, так и с поверхности Меркурия, на котором были телескопы разных систем, а также с помощью группировки станций, расположенных в непосредственной близости от светила.

Досталось и службе мониторинга земного светила, которая обязана была следить за его состоянием и реагировать на изменения его активности. Оказалось, что компьютеры каждый месяц исправно докладывали руководству Астрофизического совета об уменьшении светимости Солнца, однако они почему-то «ложились под сукно», как съязвил старейший российский специалист по Солнцу стодвухлетний Леонид Кудрявцев. То есть о «похудении» светила знали только искины Центра да те таинственные деятели, которые прятали доклады.

– Федеральным службам надо разобраться, кто виноват и в чём дело, – предложил Шошин, – и определить виновных в сокрытии

результатов мониторинга.

Идею подхватили и остальные участники совещания, усмотревшие в происшедшем «конспирологический заговор» неведомых недобрых сил. Тем более что в Сети уже появились снимки Солнца с группами пятен, которые, по мысли уфологов, выглядели «неестественно», что и заставило специалистов заговорить об их «искусственном происхождении». После этого в зале совещаний зазвучали голоса молодых астрофизиков, предлагающих направить к Солнцу специальную экспедицию.

Победила именно эта точка зрения – о посыле экспедиции, и мешали вынести общее решение всего два обстоятельства: первое – выбор района с пятнами, что требовало дополнительных исследований, второе – отсутствие свободной для рейда техники.

Зонды, защищённые от солнечного излучения, уже существовали. До фотосферы Солнца, то есть чуть ли не до самой кипящей ячеистой поверхности светила, опускались даже американские шаттлы, китайские «синастры» и российские корветы. А на стапелях Калининградской верфи уже готовился к запуску в космос «солнцеход» – модуль, способный погружаться даже до глубин конвективной зоны – больше десяти тысяч километров.

Предложение о формировании экспедиции прокомментировал директор ЦЭОК. Парфентий Миранда был массивен, лыс, обладал бугристым черепом и мощными бровями.

– Не спешите искать зелёных человечков на Солнце, – сказал он с иронией, оглядев аудиторию. – Сначала надо проанализировать феномен и удостовериться в его существовании. Кроме того, не мешало бы вспомнить о бритве Оккама^[3] и найти естественную причину эффекта.

– Но ведь наши модули уже были на Солнце? – напомнил кто-то из присутствующих молодых учёных.

– На границах хромосферы, – сказал Миранда, – сейчас работают два десятка разных баз.

– А «солнцеход» может опускаться в конвективную зону.

– Что из этого следует?

– Его можно будет послать для проверки наших тезисов, – не отставал молодой человек. – В качестве ходовых испытаний.

– Допустим, – кивнул Миранда.

– Тогда я согласен лететь!

Зал ответил овациями и смехом.

Но приступить к немедленному формированию экспедиции помешали как необходимые дополнительные измерения солнечной активности, так и раскачка российских чиновничьих структур, мало заинтересованных в развитии науки из-за отсутствия прямого личного обогащения. Прошло несколько дней, прежде чем двадцать девятого сентября запрос на проведение конкурса программ экспедиции наконец-таки дошёл до правительства страны. Результаты анализа похуждения Солнца действительно требовали инструментального подхода к изучению «эффекта коровы», как уфологи стали называть открытие, полагая, что некие пришельцы подцепили к солнышку шланг, как будто это была корова, у которой надо надоить молока. Вопрос, какое «молоко» при этом доили инопланетные «дойрки», так и остался открытым. Похоже было, что выкачивали солнечную плазму – смесь почти чистого ионизированного водорода и гелия. Но процесс продолжался и требовал объяснений.

Заторопилась и Федеральная служба безопасности России, узнав, что многие богатые страны планируют свои экспедиции к Солнцу: в первую очередь Китай, а за ним Индия и Европейский Исламский Союз во главе с Францией. После недолгого совещания у президента страны к решению проблемы посылка учёных к Солнцу присоединились редкие оставшиеся бизнес-структуры, лояльные государству, и дело пошло быстрее.

Уже через два дня модуль солнцехода был запущен в космос, провёл испытания и сел на Плесецком космодроме, чтобы взять на борт делегацию учёных. Имя ему дали гордое – «Победитель огня», а управлял кораблём искусственный интеллект, кванк по имени Страга.

Локация 3

Земля. Россия

Внезапный вызов к начальству ничего хорошего никогда не сулил, но Флора Дрёмова, командир группы особого назначения ЦЭОК (звание – кос-майор), вызову обрадовалась. Причина у неё была, однако делиться ею со своими подчинёнными и приятельницами она не стала. Свой интерес к развивавшейся в последние дни проблеме с «дойкой» Солнца она тщательно скрывала. Поэтому заявила она пред светлые очи полковника Лаврентия Климука (глаза у него действительно были необычайно светлыми, словно сделанными из прозрачных кристаллов хрусталя) в режиме удалённого доступа, естественно, точно в назначенное время: было ровно десять часов утра первого октября.

Пятидесятилетний Лаврентий Павлович Климука, начальник бригады обеспечения безопасности Центра, до этого служил в Косконе, контрразведке ФСБ, но после трагедии на Марсе, где он едва не погиб, провалившись в сеть подземелий красной планеты, перешёл на службу в ЦЭОК и за несколько лет превратился в гаранта безопасности экспедиций, планируемых Российским Космическим Союзом. Субтильного телосложения, невысокий (метр восемьдесят – не рост для мужчины, как считалось в мире), сухощавый, с гладким морщинистым лицом, он тем не менее обладал жёстким характером, и сослуживцы его побаивались. Он мог и выругаться, и послать не справившегося со своими обязанностями бойца очень далеко.

Обычно он не начинал речь с прелюдий и сразу предложил Флоре возглавить группу спецназа, которая должна была сопровождать экспедицию на Солнце.

Если честно, она давно ожидала, что на неё падёт выбор начальника, предложившего командовать отрядом, потому что предприняла кое-какие шаги для обеспечения этого назначения. Тем более что в данный момент Флора занималась рутинной работой на Луне, обслуживая российскую базу «Селена-2», и надеялась, что на неё обратят внимание. Вызов подтвердил надежды, и она с превеликим удовольствием согласилась.

Флоре исполнилось тридцать лет. Высокий рост (метр девяносто пять) и развитые плечи превращали её если не в баскетболистку, то в волейболистку. Сотрудники ЦЭОК редко видели на овальном лице женщины улыбку, но и отвести глаз от него было трудно, так как Флора являла собой образец красоты, достойной любого подиума. И точно так же на мужчин Центра действовала фигура безупречных линий, данная ей природой: никакими биоизменениями она не пользовалась. Однако характер у «железной леди», как её нередко называли, не давал шанса ни одному сотруднику ЦЭОК приблизиться к ней хотя бы на «расстояние дружеского приветия». Она не прощала ни попыток ухаживания, ни попыток знакомства, ни тем более ошибок подчинённых. Хотя при этом никто не жаловался, а многие не только уважали, но и обожали своего командира.

О личной жизни кос-майора знали только то, что она не замужем, и это было всё, что можно было выяснить из присутствия Флоры в соцсетях. Она ничего не выкладывала ни на одной платформе общения. Лишь один человек мог похвастаться тем, что он видел на губах Флоры улыбку. Но это был сам Лаврентий Климук, с которым она познакомилась ещё в космической разведке. Полковник и сам улыбался редко, показывая неожиданные тёплые ямочки на щеках, но это случалось архиредко, в исключительных случаях, если кому-то вдруг удавалась шутка. Впрочем, никто не был свидетелем проявления эмоций и Флорой. Ей достаточно было просто посмотреть на человека, чтобы тот взял под козырёк и побежал исполнять любое распоряжение майора.

У женщины были чёрные блестящие волосы, и ей хорошо бы подошла современная причёска типа «тайфун», однако никаких новомодных причёсок она не носила, в отличие от многих девушек на службе, нередко украшающих головы тату-узорами или «фонтанами» самых фантастических форм, и предпочитала обычную смарт-стрижку типа каре.

Второго октября она с группой из семи спецназовцев прибыла на Плесецкий полигон, где их познакомили с экипажем солнцехода и учёными, назначенными в исследовательский отряд.

Командира корабля Олега Соловьёва Флора знала хорошо. До своего назначения на солнцеход Олег работал в СПАС-центре на Венере и участвовал в спасении индийской экспедиции, попавшей под

выброс серного вулкана. Знала она и навигатора корабля Степана Нагорного, с которым встречалась год назад на Меркурии, где строилась российская станция. Остальные члены экипажа знакомы ей не были. Группу провели по отсекам модуля, по сути, представлявшего собой космический корабль с улучшенной защитой, управляемый новейшим кванком по имени Страга.

К этому времени в мире произошла третья техническая революция, основанная на создании материалов с заданными свойствами – их часто называли «жидким металлом», – что позволяло создавать роботов любой формы и строить сооружения в космосе любой сложности, да ещё и пользоваться технологиями 3D-печати. Стали применяться и технологии параметрического дизайна и фрактального выращивания, что сказалось на геометрии космических объектов. «Победитель огня» выглядел как своеобразный кентавр, имеющий торс, а вместо ног – четыре «плавника», поддерживающие сложный корпус. И при этом он был невероятно красив, вызывая дрожь восхищения и удивления у зрителей, не понимающих, как такое сооружение размерами с авианосец может казаться совершенным.

Внутренние интерьеры солнцехода в общем техническом предназначении были Флоре знакомы. Она летала на всех видах транспорта, в том числе на баржах, доставляющих полезные ископаемые с астероидов (одним из самых ценных видов был обыкновенный лёд), на яхтах и на военных кораблях от корвета до эсминца и крейсеров, имеющих все удобства для экипажей, а не только для пассажиров. Российские суда строились с учётом комфортной работы для всех людей на их борту, и практически все внутренние интерьеры космических сооружений России мало отличались друг от друга.

Тем не менее Флора и её бойцы обследовали солнцеход «от кия до клотика» – по образному выражению старпома «Победителя огня» Ивана Пархоменко, чтобы знать все его скрытые особенности. После этого всех подсоединили к сети интеркома модуля, и они могли общаться с экипажем солнцехода, а также с начальником экспедиции, доктором астрофизики Сулейменом Ковальчуком, и с капитаном «Победителя».

Торжественных проводов не планировалось. Экспедиция собиралась не ради «торжества лагеря ШОС в деле покорения

космоса», а для решения конкретной задачи. Но эта задача касалась всех жителей Земли и Солнечной системы, поэтому ею заинтересовались многие космические структуры разных стран. В ЦЭОК стало известно о подготовке индийской и китайской экспедиций, и президент России дал указание поспешить.

«Победитель огня» стартовал с Плесецкого космодрома в двенадцать часов по местному времени. Космические корабли давно перестали пользоваться химическим топливом, используя антигравитационные технологии, и старт модуля не произвёл среди редких провожающих особого впечатления. Обменявшись репликами, Лаврентий Климук и Парфентий Миранда вернулись в центр управления.

– У вас нет настроения, Лаврентий Палыч? – заметил Миранда, когда оба зашли в кабинет директора.

– Конечно нет, – буркнул Климук. – Не могу представить, кто может откачивать солнечную плазму такими темпами и зачем. Это какие же могучие технологии должны иметь инопланетяне?

– Инопланетяне ли, вот вопрос.

– А у вас есть другие варианты?

– Нет.

– Может быть, мы ошибаемся, а на деле проявился какой-то ранее неуловимый эффект? И никаких зелёных человечков нет?

– Хотелось бы верить, – вздохнул Миранда.

Локация 4

Солнце

Когда Гриша Лютаев предложил Терентию присоединиться к группе, собравшейся в путешествие по Солнечной системе на яхте «Синтрейл», молодой биохимик вздохнул с облегчением. В противном случае ему пришлось бы выдумывать другой способ попасть на борт яхты, а приглашение приятеля сразу решало проблему. О том, что он собирается отдохнуть подальше от Земли, Терентий напоминал Грише не раз, попросив выбрать место по душе, и креативная идея соседа по жильству – квартиры обоих располагались в одном и том же доме, на одном и том же этаже – подходила по всем параметрам. По планам турагентства яхта «Синтрейл», принадлежавшая известной египетской турфирме «Меркава», славившейся комфортным обслуживанием по формату «всё включено», должна была пройти маршрутом «Луна – Венера – Меркурий – Солнце» – и последний пункт её вояжа интересовал Терентия больше всего. Задание разобраться с земным светилом он получил ещё год назад, и теперь появилась возможность исполнить приказ начальства.

Ему исполнилось двадцать восемь лет. Это был крупнотельный добродушный увалень, с виду и по манере поведения никогда не занимавшийся спортом. Терентий окончил биофак Дальневосточного универа (ДВУ) и уже три года работал в Магаданском восстановительном центре, разводившем мамонтов и морских обитателей, исчезнувших в результате деятельности человеческой «цивилизации». После того как люди научились менять себе утраченные или больные органы на здоровые, стало модно выращивать вообще не присущие телу человека, такие как третьи руки, глаза, кошачьи уши и многое другое. Терентий же ещё в универе увлёкся биоскринингом – разновидностью киберспорта и даже стал чемпионом края по биолангу, победив в самом престижном виде этого спорта – нанохакинге, опиравшемся на скоростное выращивание биомехов с помощью нанотехнологий. Разумеется, он прекрасно владел цифрогоном и мог подолгу работать с кванками в режиме «один на один».

В отличие от Гриши Лютаева, с которым Терентий дружил уже лет десять, он не хотел усовершенствовать организм ни с физиологической точки зрения, ни с биометрической, хотя под нажимом руководства вшил себе кое-какие гаджеты: «вшинник» – устройство пси-защиты, нанорезерв в позвоночнике и кое-что потоньше. При росте в метр девяносто шесть он вполне мог заниматься спортом, к примеру волейболом, но спорт его никогда не интересовал, хотя природа подарила Терентию неплохую фигуру, которую портили только слишком толстые (на взгляд Гриши) ноги. Гриша предлагал ему «отцифровать» не только икры, но и брюшной пресс, а потом, когда Терентий сказал ему, что не собирается участвовать в ЛГБТ-оргиях, – хотя бы нос, придав ему «греческий» контур, но Терентий отказался и от этого. Сам Гриша изменил не только нос, но и брови, и уши, и даже нарастил крутые мускулы, но девушек это привлекало ненадолго. У Гриши был слишком лёгкий характер, и его легкомысленность надоедала им быстро.

Что касается женского пола, то девушка у Терентия была – сотрудница центра, – однако она в последнее время увлеклась биопротезированием, заменила себе лёгкие для долгого пребывания под водой (она занималась дайвингом), затем объявила Терентию, что, если он не сделает то же самое, они расстанутся, и чувства парня поостыли.

Сбор тургруппы состоялся утром по времени Мурманска двадцать первого февраля. К этому времени Терентий взял положенный ему за год труда отпуск, сдал свою работу начальству и ощутил прилив бодрости и позитивной энергии в предчувствии интересного путешествия.

Всего в группу вошло двадцать человек, из них восемь – женщины разного возраста. Терентий удивился, когда узнал возраст старшей туристки – немки Эльвиры Бернштайн: ей исполнилось восемьдесят лет. Но выглядела эта любительница острых ощущений вполне здраво, до деменции, поразившей Германию в середине века, ей было далеко, и вела себя фрау Эльвира, как называл немку гид – живой трапписта (не искин) Жозе Мануэль Бартоломео, совершенно адекватно.

Но были в группе и представительницы женского пола намного моложе и симпатичнее. Одна из них, Галима Шарли, была

француженкой в четвёртом поколении (её предки в начале двадцать первого столетия пересекли Средиземное море и нелегально поселились в Италии, откуда чуть позже переехали во Францию, которая к две тысячи пятидесятому году превратилась не просто в прибежище беженцев из Азии и Африки, а вообще стала Евроисламским патриархатом). Галима приглянулась Григорию, и он даже попытался завязать с ней знакомство. Пока яхта добиралась с французского космодрома Кура до Луны, приятель Терентия успел представиться дамам (с Галимой летела «настоящая» француженка Вивьен), рассказать несколько историй из своей богатой приключениями жизни – и надоел им до такой степени, что девушки начали сторониться «казаха», каким он им представился.

В этом вопросе Терентий вполне понимал Гришу. Несмотря на потепление отношений между европейцами и россиянами (больше половины санкций в отношении России так и остались преградой для дружбы), холодок между народами Европы и России сохранялся: русским туристам часто напоминали об их «агрессии», потому что после Украины пришлось дефашизировать и страны Прибалтики, что заставило НАТО пойти на попятную, дезавуировав провокационные заявления сошедших с ума европолитиков.

На Луне яхта «Синтрейл» не задержалась. Туристы осмотрели пару кратеров, имеющих пещеры под ними, явно проложенные гостями Солнечной системы тысячи лет назад, и полюбовались на музей под открытым небом, сооружённый американцами в районе посадки единственной реальной экспедиции корабля «Аполлон-17» в тысяча девятьсот семьдесят втором году. Остальные якобы «посадки» оказались постановочными съёмками, призванными убедить мировую общественность в превосходстве американской «нации».

После часового путешествия туристов на луноходе вокруг музея, в течение которого почти все восхищались «высокими технологиями» лжи США, яхта отправилась дальше, к Венере, второй планете Системы.

Разумеется, Терентий, как многие образованные люди, знал характеристики планеты, выделяющие её среди остальных спутников Солнца, но ещё ни разу на поверхности Венеры не бывал. Станции и базы на ней появились ещё в середине века, однако высокая

температура толстой углекислой атмосферы Венеры (до четырёхсот пятидесяти градусов Цельсия), частые кислотные ураганы и сернистые вулканы заставляли исследователей подходить к проблеме обеспечения безопасности очень серьёзно, и туристов до семьдесят пятого года на планету не пускали. Но после создания земными учёными и инженерами сети метро – мгновенного транспорта (термин «метро» подходил для него как никакой другой) – на всех планетах Системы начали как грибы расти отели и развлекательные центры. Особенно преуспели в их создании китайцы и турки, которые ещё десять лет назад успели запустить на орбиту вокруг Венеры гостиницу «для экстремалов» под названием «Турмажор».

Яхта причалила к сложному кристаллу гостиницы, туристы пересели на борт модуля «Пакмак», не боящегося ни ураганов, ни кислотных дождей, ни других космических катаклизмов, и модуль окунулся в закрытую от солнечных лучей толстым слоем облаков шубу атмосферы Венеры, в которой ещё сорок лет назад была открыта бактериальная жизнь.

Маршрут венерианского турмодуля пролегал мимо двух вулканов и дотянулся до горного кряжа, имевшего название Урановая Голконда (здесь были найдены урановые руды) – в соответствии с названием местности писателями Стругацкими. Налюбовавшись на тусклые жёлто-коричневые ландшафты, блестящие полосами слюды, группа вернулась в отель. На следующий день, двадцать четвёртого февраля, яхта отправилась к Меркурию.

Так как это был прогулочный рейд и туристы никуда не торопились, развлекаясь на борту «Синтрейла» видеоиграми, алкоголем и созерцанием космических просторов, то к ближайшей от светила планетке яхта прибыла только двадцать шестого февраля. И гид похода Жозе Мигель Бартоломео сразу предложил отправиться к Солнцу, не финишируя на Меркурии.

– Появилась новая инфа, – возбуждённо сказал он, собрав всех в зале визинга яхты. – На Солнце обнаружены необычные пятна, подозреваемые в искусственном происхождении, и мы можем полюбоваться на одно из них. Только придётся доплатить за изменение маршрута. Возражения есть?

Возражений не было. Молодые туристы, которых было большинство, согласились на все условия. Пришлось и Терентию с

Гришей присоединиться к ним, чтобы не выглядеть если не трусами, то лохами.

Совещались в зале визинга, сидя в удобных уютных креслах, поэтому всем казалось, что они в полной безопасности, беспокоиться не о чем, и о последствиях никто не думал. Но гид всё же спросил, убедившись в положительном решении группы лететь «прямо на Солнце»:

– Нас могут не подпустить близко, риск велик, поэтому прошу всех подписать протокол качества безопасности.

– СРАМ? – рассмеялся Григорий.

– СРАМ, – с улыбкой кивнул Жозе Бартоломео.

Аббревиатура означала статью инструкции под названием «сведение риска к абсолютному минимуму», и соблюдать её рекомендации должны были все путешественники.

– Подпишем! – сказал Гриша, не оставлявший надежды на взаимность со стороны француженки. – Лишь бы команда яхты не спасовала.

– Капитан дал добро.

– Ну, тогда всё в порядке. Сюда кто-нибудь залетал из туристов?

– По моим сведениям, никто.

– Тем более надо поставить официальный рекорд.

Помещение заполнили весёлые возгласы пассажиров, неожиданно получивших доступ к ещё одному развлечению.

– Только прошу надеть «кокосы», – добавил Жозе Бартоломео.

– Не обязательно, – отмахнулся Гриша, видя, что его бесшабашная реакция нравится Галиме. – Яхта защищена не хуже военных кораблей.

Неизвестно, подействовали ли на туристов его слова, но переоделись в компенсационные костюмы спасателей (так расшифровывалась аббревиатура «кокос») далеко не все путешественники. Во всяком случае, ни Григорий, ни француженки, ни фрау Эльвира надевать защитные спецкостюмы не стали.

Терентий же, привыкший к трудовой дисциплине работающего живую центра в Мурманске (плюс некоторые внутренние причины), переоделся. С минуту уговаривал приятеля сделать то же самое, потом отстал.

«Синтрейл» включил шпуг, развив скорость до трети скорости света, приблизился к Солнцу и завис на орбите исследовательских станций через два часа. Так как после объявления гида и отказа от посадки на Меркурий яхту не остановили, Терентий сделал вывод, что соответствующие органы Солнечной системы, отвечающие за безопасность космоплавания, не увидели нарушений в этом маневре. До солнечной хромосферы оставалось около пятисот километров, ниже опускались только беспилотные аппараты, но и этого расстояния вполне хватало, чтобы оценить масштабы звёздных процессов. С Земли родное солнышко казалось небольшим ярким пузырьком размером с дыню, с поверхности Меркурия – сферой пламени диаметром с жюльверновский воздушный шар, однако с расстояния в полтысячи километров это была просто стена кипящей гранулированной плазмы, смотреть на которую без светофильтров было невозможно.

В зале визинга наступила тишина.

Туристы с благоговейным восхищением рассматривали поверхность звезды, давшей жизнь человечеству, и молчали, изредка обмениваясь тихими репликами.

Система обзора яхты отлично справлялась с потоками света, притушив накал хромосферы Солнца, и даже выделила на нём детали: факелы, петли, протуберанцы и пятна. Пятен было много, и Терентий почувствовал смутное беспокойство от этой россыпи «веснушек». Подумал: как лицо больного корью, прямо настоящая сыпь. Хотел обратить на это внимание Гриши, но заговорил гид:

– Есть предложение спуститься ниже, прямо к самым подозрительным пятнам. С небольшой доплатой. Возражения будут?

– А нас не погонят отсюда? – спросил кто-то из мужчин постарше. – Мне говорили, что зона охраняется пограничниками, а у пятен работают экспедиции.

– Мы им не мешаем, капитан гарантирует безопасный крюк. Но придётся доплатить.

– Доплатим, – донеслись голоса.

– В таком случае поехали.

Яхта развернулась носом к пламени и начала спуск.

Яхтой управлял экипаж турецкого космолота в составе одиннадцати человек, не считая трёх живых стюардов, обслуживающих наравне с ботами пассажирскую палубу. Капитаном корабля был тридцатисемилетний Кобол Чаужоглу, опытный космен, облетавший чуть ли не всю Солнечную систему вдоль и поперёк. Способности гида уговаривать подопечных доплачивать за новшества и смену маршрута он знал хорошо, поэтому не чувствовал дискомфорта, получая от усложнения плана полёта не только эстетическое удовольствие, но и дополнительную цифровалюту.

Нырнуть в солнечную атмосферу яхте разрешили только со второго раза, когда он пообещал дежурному ооновского Космобеза «отблагодарить» его, и «Синтрейл» наконец окунулся в хромосферу светила и двинулся к группе «подозрительных» пятен, над которыми действительно висели четыре беспилотных «Пакмака», то и дело десантирующие дроны помельче в недра Солнца.

По закону соблюдения открытости космоса земные космические суда должны были поддерживать все доступные виды связи постоянно, поэтому экипаж яхты мог слышать рабочие переговоры в районе Солнца. Радиосвязь здесь вследствие мощных перепадов магнитных полей работала плохо, гравитационные волны из-за большой массы Солнца тоже искривлялись произвольным образом, и компьютер яхты включил интерком в диапазоне нейтринных потоков. Стали слышны тихие реплики специалистов на бортах кораблей и свисточки сверхскоростных бесед беспилотных аппаратов.

– Помягче, Валик, – услышал капитан яхты передачу на русском языке.

Ему ответили:

– Стараюсь.

Потом заговорили на английском, позже на китайском и снова на английском: к цепи пятен было послано не меньше пяти специальных модулей с ядерной защитой, и учёные обсуждали свои проблемы. Кто-то сыпал цифрами – очевидно, читал донесения дронов, кто-то пел, кто-то шутил, но были слышны и осторожные советы не подходить куда-то слишком близко. Не только туристы никогда не бывали в такой близости от Солнца, но и специалисты тоже, поэтому их чувства, укладываемые в диапазон от восторга до страха, можно было понять.

Яхта окунулась в хромосферу светила, и зал полностью погрузился в световой шторм: миновали нечто вроде гигантского факела диаметром, наверно, больше Юпитера. Корабль тряхнуло. Послышались вскрики и шутки.

– Здорово, да?! – повернулся к Терентию Гриша. – Мы плывём в океане пламени!

– Вообще-то мы зря рискуем, – ответил Терентий рассудительно. – Могли бы просто послать дрон.

Григорий рассмеялся.

– Кто не рискует, того не любят девушки. Как вам пейзаж, Галя? Безумно красиво, правда?

– Страшно! – покачала головой француженка.

– Ничего, через пять минут вернёмся, – поспешил успокоить девушку гид. – Посмотрим на пятна – и обратно.

Яхта нырнула сразу на тысячу километров.

Система видеобзора «Синтрейла» скорректировала яркость изображения, и под кораблём в оранжево-золотой каше солнечных гранул протаяла дыра в форме многолучевой звезды. Диаметр звезды, лучи которой непрерывно танцевали, то удлиняясь, то укорачиваясь, достигал четырёхсот километров, и когда компьютер показал часть объёма провала багрового цвета, стало видно, что это не дыра, а нечто, напоминающее поверхность щётки. Её шипы тоже всё время шевелились, вырастая или уменьшаясь, отчего казалось, будто странное образование дышит.

– Похоже на заросшее травой поле для гольфа, – сказал Григорий. – Только трава пожухла.

– Это не трава, – заметил сосед Гриши, бородатый седой бельгиец по имени Ванхузе. – Скорее всего, потоки плазмы.

– Или магнитные силовые линии, – добавил кто-то.

– Вообще-то магнитные линии изгибаются петлями, – авторитетно заявил гид. – А эти торчат как ворсинки щётки. Капитан, что скажете?

– Судя по переговорам исследователей, – ответил Кобол Чаужоглу, – они сами не знают, что это такое. Всё, что я понял, – пятна такими не бывают.

– Чтобы сказать это, не обязательно надо было лететь на Солнце, – язвительно проговорил Ванхузе.

– Непонятная штукавина, – сказал другой бородач из группы, мрачноватого вида. – Я таких пятен не видел.

– Ещё они говорят, что объект похож на мембрану и что таких пятен по всему Солнцу насчитывается уже больше сотни.

– Мембрана размером с Юпитер? – скептически сказал Григорий. – Ну и воображение у спецов.

– Много мы знаем о мембранах, – проворчал бельгиец.

– Послушайте, – пришла идея к Грише, – почему бы нам не спуститься пониже и не полюбоваться на эту... гм, мембрану вблизи?

– Я за! – вскинул руку парнишка в жёлтом комбинезончике, говорившем, что он полигендер.

– Я тоже, – неожиданно поддержала его фрау Эльвира.

– Не возражаете, господа?

Реплики сидящих в зале показали, что туристы согласны сделать ещё один шаг в пламенную бездну.

– Жозе, команду!

– Капитан, народ просит зрелищ! – подхватил гид.

– Вообще-то нам уже поступил сигнал, – сообщил Кобол Чаужоглу. – Могут оштрафовать на кругленькую сумму.

– Мы оплатим! – объявила немка.

– Они оплатят, – сказал гид.

– А меня могут лишить лицензии.

– Капитан, раз уж мы зашли так далеко, давайте нырнём буквально на пару минут и тут же вернёмся на безопасную орбиту.

Повисла пауза. По-видимому, Чаужоглу испрашивал разрешения у служб безопасности доставить туристам радость нового приключения. Потом раздался его голос:

– Приготовьте съёмочную аппаратуру. Идём вниз пятнадцать минут, пять минут висим и возвращаемся.

Раздались аплодисменты. Туристы достали мобильные «ксияоми», собираясь устроить сеанс селфи на фоне солнечного пятна.

Не сделал этого только Терентий, которому стало не по себе.

Из рубки в зале визинга включили внешнее аудиосопровождение, и зал заполнили странные звуки: гул, визги, очереди стуков, вопли и даже чуть ли не человеческие голоса.

Яхта достигла высоты ста километров над плывущей поверхностью «щётки», замерла, покачиваясь.

Внезапно в зал ворвался густой хриловатый баритон:

– Корыто с бортовым номером «сто тринадцать», куда лезете?! – говорили на русском языке. – Быстро назад! Зона закрыта для всех видов транспорта, кроме специального! Вас нет в журнале пропуска!

– Нас никто не предупредил, – ответил незнакомцу капитан Чаужоглу на турецком языке.

Очевидно, он врал, но ему и не оставалось ничего иного, потому что любое признание в данной ситуации имело нехорошие последствия. А подзаработать на туристах, согласных тратить цифровую валюту на адреналиновые переживания, он был не прочь.

– Немедленно возвращайтесь! – взревел какой-то начальник, обеспечивающий безопасность зоны контроля. – Даю десять секунд! Отсчёт пошёл!

– Сейчас, сейчас, уходим, – перешёл на русский Чаужоглу, хотя яхта всё ещё продолжала опускаться. – Надо было вывесить предупреждающие знаки вокруг Солнца.

– Что вы сказали?! – изумился собеседник. – Шутите?! Это вам не астероид и даже не планета! Зонд, кстати, предупреждает все приближающиеся аппараты! Кто там у вас главный на корыте?! Сопровождающий маршал или кто ещё?!

– Полковник туристической службы транспортной безопасности Жозе Бартоломео, – откликнулся гид дребезжащим голосом.

Терентий с интересом посмотрел на смуглолицего парня, который явно говорил неправду: транспортные маршалы никогда не получали звание полковника.

– Вас что, не инструктировали перед туром?! – продолжал сотрудник контроля зоны. – Вокруг Солнца объявлена зона кодового доступа!

– Мы всего на минуту...

– Дьявол! Вас же на пару лет сошлют на марсианские рудники!

Гид вспотел.

– У меня на руках карт-бланш Всесолнечного Турсоюза...

– Да какой ещё карт-бланш?! Убирайтесь!

– Капитан... – начал Бартоломео, собираясь дать команду Чаужоглу всплывать, но не договорил.

Из недр исполинской «щётки» вырвалась вверх чёрная струйка, распалась на отдельные нитки, образовавшие сеточку, и та

стремительно опутала начавший подниматься корабль.

Туристы с криками повскакали с мест, бросаясь из зала в коридор, создали пробку в проёме двери.

Григорий подскочил к француженке, схватил за руку:

– Бежим, Галочка!

Поднялся и Терентий, раздумывая, что делать. То ли бежать вслед за всеми в жилой сектор яхты, то ли оставаться в зале.

Сеточка чёрных линий между тем превратилась в подобие гигантской авоськи и понесла яхту вниз, вонзая в чащобу «ворсинок». Рывок был так силён, что с инерцией не справился даже гравитационный нейтрализатор.

Толпу туристов буквально вынесло в коридор. Закричали женщины, кто-то из мужчин выругался.

Терентия тоже зашвырнуло в погасший виом обзора, но на нём был «кокос», компьютер которого самостоятельно включил системы защиты, нарастил шлем и не дал владельцу разбиться о стойку бара. Тем не менее, когда молодой человек пришёл в себя, в зале уже никого не было, не считая вцепившихся в столики сервисных роботов. Терентий включил антиграв, прыгнул к двери, и в этот миг в стене зала разверзлась трещина, в которую ворвался огненный вихрь...

Локация 5

Солнце: хромосфера

Дневная звезда, как принято называть Солнце, тяжелее Земли в триста тысяч раз. Несмотря на гигантское гравитационное поле, делающее внутреннее ядро Солнца достаточно плотным, плотнее любого металла, вследствие огромных размеров оно остаётся газовым шаром. Поэтому Солнце и другие звёзды, в общем-то, не имеют твёрдой поверхности. То есть поверхность Солнца – это свет. Но люди привыкли пользоваться привычными стандартными терминами и назвали «поверхностью Солнца» его фотосферу, где фотоны, испущенные из ядра звезды^[4], начинают двигаться свободно, не завихряясь в более плотные ячеи и гранулы. На этом ярком сетчатоячеистом фоне хорошо видны отдельные пятна, сравнимые по размерам с Луной, а то и с Землёй, и группы пятен с температурой на двести-триста градусов Цельсия меньше температуры фотосферы. Именно к ним в первую очередь и начали присматриваться земные астрономы, а затем и члены экспедиции, получившие предварительные расчёты земных институтов.

«Победитель огня» вышел на орбиту вокруг Солнца через два дня после старта. Военному фрегату на это потребовалось бы всего три часа, но модуль не предназначался для гонок по Солнечной системе. Максимальная скорость, которую он мог набрать, равнялась половине скорости света.

На Меркурии решили не садиться. Станции, работающие на поверхности этой ближайшей к светилу планеты, ничего особенного в его поведении не отметили и подсказать какие-то ориентиры для базовой точки на орбите не могли. Капитан посоветовался с начальником экспедиции, какую высоту занять, и модуль подлетел к Солнцу ближе чем на два миллиона километров, окунувшись в его хромосферу. С этой высоты пятна на поверхности звезды были видны прекрасно.

Первыми же исследовать решили группы пятен ближе к южному полюсу Солнца, имевшие вид следов пуль, оставленных на шаре

неким гигантским пистолетом. Всего же таких следов на светиле, вокруг которых температура солнечной плазмы падала на тысячу и больше градусов, насчитывалось две сотни, и к некоторым из них уже прилетели исследователи из других институтов Земли: Индии, Китая и США. Никогда ещё человечество не сталкивалось с феноменом «солнечных веснушек», понижающих температуру Солнца с непонятной целью. Высказывались разные мнения на этот счёт, но преобладала одна точка зрения: некий неведомый исполин просто откачивал плазму Солнца для своих нужд, что сопровождалось и падением температуры.

В связи с прогнозируемыми бедами Совбез ООН объявил земное светило зоной особого внимания, и к нему слетелись как пограничники, отвечающие за безопасность Солнечной системы, так и спасатели, потребность в которых резко увеличилась в связи с попытками многих молодёжных групп и туристов посетить зону. Первыми пострадавшими стали американские исследователи и российские спасатели год назад, когда было открыто первое «псевдопятно». Их корабли, опустившиеся на «щётку» пятна, просто исчезли. За год же после этого были пресечены десятки попыток полюбоваться на феномен вблизи со стороны частных туркомпаний и просто любителей экстрима, хотя несколько кораблей с экспедициями частных бизнес-компаний так и пропали без вести. Интерес к феномену «дойки Солнца» не пропадал и нынче, поэтому «Победитель огня» в данный момент действовал строго по инструкции СРАМ, готовый выполнить полученное от спецслужб России задание выяснить устроителя аттракциона с «дойкой».

Несколько часов солнцеход просто наматывал витки вокруг Солнца, выслушивая доклады наблюдателей двух десятков станций, вращающихся на разных орбитах.

Если температура поверхности на светиле, со всеми оговорками, равнялась почти шести тысячам градусов Цельсия, то температура хромосферы достигала миллионов градусов, что следовало учитывать при маневрах и при включении систем датчиков, анализирующих все параметры Солнца.

На обследование ближайшего района с пятнами, получившего приоритет из-за их необычных конфигураций, ушло не больше часа. Компьютер солнцехода даром времени не терял, самостоятельно

связываясь со всеми наблюдателями и астрофизическими центрами, чтобы определить главное пятно, подходящее под определение «консолидатора пятен», то есть центра управления всей структурой «агрегатов дойки плазмы», которые и должны были отсасывать плазму и куда-то её сбрасывать.

Физики на борту «Победителя огня» всё это время спорили до хрипоты, приводя аргументы в пользу той или иной гипотезы, но в конце концов все начали склоняться к единому мнению: неизвестный науке феномен, отзывающийся потерей массы звезды не по традиционным теориям, является комплексом искусственных сооружений, принадлежащих какой-то неизвестной цивилизации.

Пока солнцеход маневрировал, прицеливаясь к пятну, начальник экспедиции Сулеймен Ковальчук, специалист в области термоядерных реакций, снова созвал совещание, чтобы обсудить возникшие в связи с отсутствием результата проблемы. Приближался момент посылки на Землю отчёта о проделанной работе, а похвастать было нечем. К тому же напрягали гости: к Солнцу на корабле «Талиянг ян шу» (в переводе – «Солнечный крот») прибыла вторая китайская делегация, попросившая российских учёных поделиться информацией. Ковальчук бодро сообщил китайцам об отсутствии позитива, и «Солнечный крот» скрылся из виду. Что собирался делать капитан модуля, осталось неизвестным. В свою очередь китайцы делиться данными с российскими физиками не стали, но их присутствие напрягало.

Совещание по интеркому длилось не больше пяти минут. В конце концов решили не спешить с посадкой на пятно и продолжать обследование района пятен, напрягая всю имевшуюся на борту аппаратуру. И тут идею подал Илья Остроумов, наблюдавший за дискуссией из своей каюты.

– Товарищи академики, – сказал он, – разрешите маленькое уточнение?

– Без церемоний, товарищ майор, – сказал Ковальчук, нравившийся Флоре за мягкость и внимательность к коллегам.

– Возможно, я чего-то не понимаю в теории солнечного излучения, но раз температура на дне пятен понижена, эффект утечки энергии существует.

– У вас появились сомнения? – хмыкнул Римас Цилинский, физик из сибирского филиала Академии наук.

– Хочу предложить объяснение.

– Причина этого эффекта основана на вполне объяснимых физических взаимодействиях.

– А если мы ошибаемся? Что, если те, кто решил отсасывать плазму Солнца, просто решили использовать пятна в качестве порталов?

Система связи разнесла по отсекам реплики пассажиров, весёлые и не очень.

– Мы дистанционно изучили почти все системы пятен, – сказал Ковальчук, – и не заметили никаких порталов, сооружений и конструкций.

– Но что, если доильщики Солнца владеют технологиями, которые нами воспринимаются как естественные процессы? Никакие материалы на поверхности Солнца не выдержат таких температур, то есть для защиты аппаратов необходимо использовать полевые конфигурации. Точно так же используем силовые экраны и мы, укрывая свои конструкции от солнечного излучения.

По отсекам снова разнёсся разговор специалистов, принявшихся обсуждать слова Ильи.

– Коллеги, товарищи, не все сразу, – дружелюбно сказал Ковальчук. – Давайте дослушаем. Продолжайте, товарищ майор.

– Таким образом, мы просто не обращаем внимания на кажущиеся нам обычными процессы в пятнах. Мы уже решили, что если все пятна соединены в систему откачки плазмы, то где-то на Солнце должен находиться координационный центр этого безобразия. Кто-то обязан управлять всем процессом. Есть хотя бы намёки на существование такого центра?

Отсеками завладела тишина. Потом заговорил Цилинский:

– По всей поверхности Солнца разбросано двести тринадцать пятен, подходящих для признания их терминалами откачки плазмы. Мы как раз висим над группой пятен, где одно из них крупнее всех остальных. Может быть, это и есть центр?

– Координационный центр не обязателен, – добавил Ковальчук. – Каждый портал может управляться самостоятельно. Однако в случае непредвиденных осложнений или поломки агрегата должна сработать аварийная система, и для этого по-любому нужна наблюдательная миссия, контролирующая систему.

– То есть надо идти в фотосферу, – сказал озабоченно капитан «Победителя».

Новый взрыв голосов эмоционально возвестил об отношении учёных к речи капитана.

Флора, занимавшая в данный момент кресло в своей каюте, переключила линию связи на личный канал и показала Остроумову большой палец.

– Хорошая идея – с центром! Даже обидно, что она пришла в голову не мне.

– Шутите, командир? – смутился Остроумов.

– Ничуть, у нас появился шанс обнаружить-таки зелёных человечков, если они и в самом деле торчат в Солнце как скабка в пальце.

Илья засмеялся.

– Хорошо сказано – торчат, хотя я не знаю, что такое скабка.

– Заноза.

– Вы не филологический заканчивали, случайно?

– Упаси бог! У меня прабабка преподавала русский в иранском универе.

– Иранском?

– Иранцы молодцы, первыми поняли, что надо изучать не только китайский язык, но и русский.

– Кто бы спорил. Кстати, эффект похудения Солнца проявился давно, аж целый год назад, почему астрофизики не забили тревогу раньше?

– Хороший вопрос. Подскажи контрразведчикам.

– Сами сообщите, я не имею доступа в Коскон. Похоже, нам придётся нырнуть к пятну.

– Для того нас и посылали.

– Не мешали бы только коллеги.

Флора кивнула, отключая линию.

Чем занимались китайцы, чей корабль изредка появлялся в пределах прямой видимости гравитационных радаров, так никто и не узнал. Впрочем, это никого не интересовало, даже Флору, в чьи обязанности входило соблюдение инструкций по безопасности, особенно при контактах с земляками, изредка проявлявшимися отнюдь

не «родственные» и не дружеские чувства к себе подобным что на Земле, что в космосе.

Так как модуль имел и зал визинга, позволяющий восторгаться космическими панорамами, двери в него не закрывались ни днём, ни ночью. Во время полёта им пользовались все члены экспедиции, и Флора тоже не раз посещала этот небольшой зальчик с исчезающими стенами, хотя могла наблюдать за пространством, не выходя из каюты. Но масштаб видеореальности в зале был другим, что ценилось больше. Во всяком случае, вид Солнца с расстояния всего в одну двадцать пятую от меркурианского радиуса^[5] действовал на зрителей так, что им хотелось долго любоваться картиной, уютно сидя в креслах недалеко от бара.

Однако на этот раз долго любоваться не пришлось. Событие, произошедшее минуту спустя, заставило Флору и весь экипаж солнцехода позабыть о китайцах.

Внезапно по сети «спрута» – общей связи всех аппаратов, кружащих вокруг Солнца, – пришло известие о появлении над пятнами постороннего объекта, которым оказалась яхта туристического кластера Турции «Синтрейл», непонятно каким образом приблизившаяся к Солнцу ниже горизонта безопасности, то есть ниже уровня, который контролировали спецслужбы.

По переговорам командования погранзоны с экипажем яхты стало понятно, что её пропустили «живые» люди, операторы системы контроля, а не искины, не поддающиеся ни на какие уговоры и рекомендации вышестоящих структур. Из переговоров выходило, что яхта направилась как раз к тому пятну, которое выбрали российские специалисты в качестве объекта приоритетного исследования, и скрылась из зоны видимости спустя минуту после максимального сближения с пятном на высоте около трёхсот километров.

– Уроды! – выдохнул капитан солнцехода, лицо которого было видно в оперативном виоме каюты Флоры. – За это же под суд надо отдавать!

– Скиньте мне записи момента входа яхты! – попросила Флора.

«Кокос» она не снимала, что требовали инструкции в создавшемся положении, но сидела в номерном ложементе, свернув шлем, поэтому обратила внимание на виом каюты, показывающий Солнце во всех ракурсах.

Через две секунды операционное окно выдало женщине запись маневров яхты при вхождении в хромосферу светила. Стало понятно, что корабль шёл открыто, и это обстоятельство сыграло с ним злую шутку: контролировали этот район солнечной поверхности китайские зонды, которые, наверно, посчитали, что яхта имеет соответствующее разрешение на приближение к Солнцу. Вопрос, почему документы запросили поздно, да и то сделал это российский пограничный корвет, требовал отдельного изучения.

Флора проследила за ныркком яхты в фотосферу Солнца, вызвала Страгу:

– Это всё?

– Так точно, товарищ майор, – ответил компьютер.

Не успел солнцеход снизиться до фотосферы, как экипаж в рубке, а вместе с ним и командир спецназа получили нейтринную депешу с борта российского пограничного корабля «Азов», описывающего круги над Солнцем в радиусе двух миллионов километров.

– Внимание, экстренное сообщение! Туристическая яхта «Синтрейл» с двадцатью пассажирами прошла слой хромосферы и упала на «щётку» псевдопятна номер сто один! Кто там ближе всех?!

– Упала на щётку?! – озадаченно проговорил Соловьёв.

– Капитан, не тратьте время!

– Слушаюсь! Похоже, что ближе всех мы.

– Сможете спуститься форсажно и вытащить яхту оттуда?

– Мы в двенадцати мегаметрах...

– Да или нет?

– Да!

– Работайте! Вас подстрахует корвет «Крузенштерн». Докладывайте обо всех маневрах!

– Слушаюсь! – Флора метнулась к выходу из зала визинга, включая интерком.

Флора поняла, что пришла пора и её отряду показать свою состоятельность.

– Протокол ВВУ-К! Цель – спасение пассажиров яхты! Имею особые полномочия. Беру командование модулем на себя! Капитан, пикируем на пятно! Команда – занять места в катере!

– Есть пикировать на пятно! – бесстрастно ответил Соловьёв.

– Сколько времени потребуется на снижение и поиск?

– Пойдём вне СРАМа, это около получаса.

Флора накинула шлем и поспешила в транспортный отсек.

– Работайте, – повторила она слова капитана пограничного фрегата. – Мы подготовим технику.

Солнцеход рванул в пучину Солнца, как ныряльщик в воду.

Поскольку во время перелёта отряду Флоры нечего было делать на борту «Победителя», оперативники могли отдыхать и в зале визинга, но предпочитали сидеть по каютам в полной экипировке, что давало им дополнительное преимущество при внезапных изменениях обстановки. Помощник Флоры майор Илья Остроумов тоже находился в своём номере, и она вызвала его на бегу:

– Илья, все в транспортный отсек! Готовим «голем»!

– Идём! – ответил майор.

Флора проверила, опять-таки на бегу, свой спецкостюм вызовом компьютера и стрелой домчалась до отсека, где располагались все несомые солнцеходом аппараты и сервис-системы, всего за двадцать секунд.

Когда она ступила на пол отсека, все спецназовцы группы были уже там.

Поясной виом отсека был включён, и взорам бойцов была доступна пламенная панорама фотосферы Солнца, на которой виднелись синтезированные кванком корабля изображения пятен, магнитных петель и протуберанцев. В этом ракурсе пятна были уже не похожи на следы пуль, пробивших солнечную плазму.

«Победитель огня» завис над одним из них, на чёрном фоне которого мигнуло число 101, и послал вниз беспилотник, имевший такую же полевою защиту, что и сам солнцеход. Слово «завис» в данном случае не совсем отражало суть процесса ориентации в пространстве, пронизанном потоками фотонов разных диапазонов и жёстким рентгеновским и гамма-излучением. Существенно сбивали с курса и выбросы плазмы – протуберанцы и хромосферные вспышки. Но, кроме этого, надо было учитывать и вращение Солнца вместе с фотосферой со скоростью почти в два километра в секунду. Таким образом, «зависнув», модуль тоже должен был двигаться с такой же скоростью, чтобы оставаться над выбранным районом.

Беспилотный аппарат, запущенный операторами солнцехода, устремился в огненную пропасть, видимый только лучами локаторов,

но компьютер знал особенности человеческого зрения и нарисовал удобное для людей изображение: на алом фоне беспилотник казался золотым колечком, на котором сверкал «алмаз».

Картина приближающегося Солнца, передаваемая видеокамерами беспилотника, захватила оперативников. По мере движения дрона оно усиливало свечение, пока не превратилось в сплошную огненную стену кипящей светящейся «каши» или, скорее, в слой мерцающего перламутром песка, преградивший путь аппарату. Каждая «песчинка» этого песка представляла собой гранулу плазмы размером от тысячи до полутора тысяч километров, среди которых стали появляться более мелкие и яркие детали, колечки и «прыщи», представляющие собой выбросы плазмы с более высокой температурой. Пятна, указывающие на зоны с пучностями магнитного поля, наоборот, имели температуру ниже средней температуры фотосферы и выглядели как птичьи зрачки. Спустя пару минут аппарат показал одно из пятен в приближении, и зрители увидели «зрачок» в обрамлении устремлённых к его границе «колбочек»: так выглядела «радужка зрачка», похожая на круг зёрнышек дольки апельсина. Это были струи плазмы, терявшие температуру и тонувшие в дыре. Однако это было «настоящее» солнечное пятно, действительно представлявшее собой понижение в слое плазмы, накрытое пучком магнитного поля, и не оно интересовало космолётчиков.

«Зрачок птичьего глаза» сместился в сторону, стало видно пятно с номером 101, поверхность которого напоминала колоссальную «щётку». Когда до неё оставалось всего триста километров, пятно можно было рассмотреть во всех подробностях. В диаметре оно было невелико – всего около пятисот километров, впадина пятна просматривалась до глубины в четыреста, и было видно, как в этом странном кратере кипит «молоко»: пузырьки плазмы, накрытые слоем «тумана».

Зрелище было необычное, и Флора невольно «зависла», рассматривая «родинку на щеке Солнца». Нельзя было сказать, что она видела солнечные пятна впервые, тем более что перед полётом отряду пришлось проштудировать весь материал о родном светиле. И всё же прямой взгляд на поверхность Солнца был несравним с записью. Вблизи оно выглядело намного эффектней.

К ней быстро подошёл Остроумов, коренастый крепыш с волной белых волос, крылом падающей на левое ухо. В руках майора мигал огоньками универсальный вириал управления всей техникой отсека.

– Ничего не вижу, – сказал он, глядя на «щётку».

Словно в ответ на его слова компьютер солнцехода показал на фоне «щётки» алую дырку.

– Это она? – сказал Остроумов, имея в виду яхту.

– Нет, это место, где она исчезла, – вежливо ответил кванк Страга.

– Не понимаю, как туристам удалось дойти до Солнца и преодолеть пограничные посты.

– Я тоже не понимаю, – сказала Флора.

– Может быть, им кто-то помог?

– Разберёмся.

– Надеюсь, нам не надо будет туда прыгать? Выглядит как кратер потухшего вулкана.

– Отнюдь не потухшего, температура на поверхности пятна всего на тысячу градусов меньше температуры соседних с пятном ячей.

– Зачем нас взяли в поход? Мы же спецы иного профиля, натренированные контактировать с конкурентами, а не с плазменными волдырями.

– Во-первых, тут скоро будет толчея экспедиций, посланных многими спецслужбами, – сказала Флора. – Заинтересовались проблемой и китайцы, и индийцы, и американцы. Во-вторых, кто-то же сосёт нашу солнцеликую «корову»? Есть шанс встретиться и выяснить, что они затеяли.

– Не было печали, как говорится. Ума не приложу, зачем зелёным человечкам солнечная плазма! В галактике полно других звёзд, более массивных и ярких.

– Не уверена, что тут виноваты зелёные человечки. Может быть, они красные.

– Да хоть жёлтые с синим. На кой им необходимо солнечное «молоко»?

– Чтобы делать творог, – пошутила Флора.

Локация 6

Земля. Россия

Паника началась исподволь, с кабинетов высоких начальников спецслужб, на третий день после старта «Победителя огня» к Солнцу. Но не из-за того, что солнцеход отправила Россия, до сих пор не получившая «прощения» Евросоюзов за «вторжение» в Украину. Санкции против неё поддерживали далеко не все европейские государства, заинтересованные в продолжении торговых контактов. Накал политических страстей в Европе после победы России снизился, и упорствовали в противостоянии с ней только поляки, прибалты, румыны и чехи. Остальные делали вид, что России не существует, и тихо, можно сказать, из-под полы, торговали. Но в данном случае о тревоге заговорили силовые структуры не крохотных удельных княжеств, а таких крупных бизнес-государственных объединений, как Исламский Еврофранкский аншлюс, четвёртый германский рейх, сдувшийся наполовину, и Малобритания: на Земле началось стремительное падение температуры воздуха!

Впрочем, оно началось ещё год назад, после того как астрономы обнаружили на Солнце странное пятно с поверхностью в форме щётки, площадь которой была почти равна площади солнечных гранул: около полутора миллионов квадратных километров. Но тогда все службы, наблюдавшие за земным светилом, отметили лишь незначительное падение температуры в районе пятна и чуть позже зафиксировали снижение циркуляции земной атмосферы, не связав эти явления воедино. Однако после отправки нескольких экспедиций к Солнцу (КНР, США, Индия), а потом и старта «Победителя огня» вдруг обнаружилось, что пятен, подобных открытому год назад (тогда оно вскоре исчезло), много, около двухсот, рассыпанных по всей сфере Солнца, как веснушки по лицу человека, температура светила упала одновременно с падением его массы, изменились потоки солнечного излучения. И тотчас же забили тревогу экологи, заявив, что снизилась и температура верхних слоёв земной атмосферы.

Российские службы отработали раньше многих других, получив информацию, что называется, из первых рук.

Двадцать восьмого февраля председатель Правительства России вызвал к себе директора Федеральной службы безопасности Мазина, директора ЦЭОК Миранду и директора СПАС-центра Лаврентия Климука.

– Докладывайте, – предложил премьер, большеголовый, с модной плешью в форме стилизованного сердца надо лбом.

– Мы готовы объявить ВВУ, – сказал Мазин, низкорослый, с худым бледным лицом «ботаника».

– Что происходит, Викентий Иванович?

– Начинается новый ледниковый период, – сдержанно ответил Мазин.

Брови премьер-министра взлетели на лоб.

– Что? Ледниковый период?

– Вспомнил романы о катастрофах с изменением температурного режима на Земле. Не читали? Казанцева – «Пылающий остров», Беляева – «Продавец воздуха», японского писателя Комацу – «Четвёртый ледниковый период».

– Не читал.

– Если процесс с понижением температуры воздуха на Земле будет развиваться дальше, мы получим очередной ледниковый период.

Премьер-министр озадаченно пригладил пальцем брови.

– Вы считаете... процесс продлится?

– Очевидно, и связано это с тем, что на Солнце появились необычные пятна. Связь здесь прямая.

Герман Леонидович повернулся к висящему слева от стола плоскому монитору, напоминающему тонкий лист стекла.

Монитор ожил, образовав объёмный чёрный куб виома.

Внутри куба просиял золотой шар с красивым рисунком медленно плывущих петель протуберанцев. Затем на этом фоне проявились цветные звёздочки, связанные светящимися линиями: вокруг Солнца в настоящий момент кружило множество разнообразных аппаратов – от беспилотников до станций и больших кораблей, принадлежащих разным инстанциям. Больше всего звёздочек объединяла жёлтая сеточка, обозначающая принадлежность спутников к флоту Китая.

Впрочем, ничего удивительного в этом не было. Китайская экономика стала первой на Земле ещё в двадцатые годы, сбросив с пьедестала американскую, а чуть позже КНР обрела и

технологическую независимость, опередив после возвращения Таиланда все остальные страны по числу учёных, получивших баснословные гонорары за переезд в Китай и оставшихся там служить и жить.

Компьютер кабинета поворачивал шар Солнца с востока на запад и с севера на юг, и стало видно, что жёлтые огоньки горят у многих солнечных пятен, выделявшихся на изображении багровыми кляксами.

– Архип, новости есть? – произнёс Герман Леонидович, вызывая искина кабинета.

– Температура поверхности Солнца, – ответил кванк низким голосом, – падает в прежнем темпе.

– Криминал?

– Две попытки прорыва к пятнам: модуля ЧВК «Брюссель» и яхты «Синтрейл». Яхта исчезла. К пятну направился солнцеход под командованием Остроумова. Китайцы готовят к походу свой модуль, по данным разведки, они будут на Солнце через сутки.

– Докладывай обо всех инцидентах.

– Слушаюсь.

Премьер-министр повернулся к гостям.

– Есть соображения, товарищи безопасники?

Присутствующие переглянулись.

– Надо плотно «садиться на уши», – сказал Климук.

– Я бы пошёл ещё дальше, – сказал известный своим хладнокровием обладатель гранитного лица Миранда. – Надо срочно организовывать ВЧК.

– Что?! – удивился Герман Леонидович. – Какую ЧВК?!

– Не ЧВК, то есть не частную военную компанию, а ВЧК – Всероссийскую чрезвычайную комиссию. Ибо предвидится нечто гораздо худшее, нежели ядерная война, – глобальная паника!

– Она уже началась, – буркнул Мазин. – Мы это уже проходили в начале прошлого века, когда создали ЧК. Получили немало проблем и перегибов.

– Перегибы в те времена были неизбежны. При этом ЧК сыграла свою роль в разгроме эмиссаров из-за границы. Но я предлагаю создать ЧК с иной целью. Мы все знаем, как долго раскачивается Совбез ООН, когда нужно решать общую для всех стран проблему. Пройдёт немало времени, прежде чем будет согласован состав

международной комиссии и план действий, и будет поздно что-либо предпринимать, особенно с паникой. Земля начнёт замерзать, и люди кинутся в бега по Солнечной системе, спасаясь от похолодания. Представляете, что будет, когда СМИ подогреют страх и панику? На Земле сейчас обитает восемь с половиной миллиардов человек, а баз и поселений на других планетах и спутниках, способных разместить какое-то небольшое количество беженцев, может быть, до десяти миллионов, да и то не уверен, – очень мало. Нам позарез необходимо подготовить страну к ледниковому периоду, для чего и стоит снова создать ЧК.

– Я бы предложил иное, – сказал Климук. – Выяснить причину похуждения Солнца и ликвидировать её. Тогда и ледникового периода не будет. Наш солнцеход уже там, над пятнами, команда хорошая, майор Флора Дрёмова не раз выполняла сложные задания в космосе, и я ей доверяю.

– ЧК надо создавать без оглядки на спецназ, – качнул головой Мазин. – А команде Дрёмовой надо добавить хороших футураналитиков, способных просчитать варианты чужого вмешательства в работу нашего солнышка.

Герман Леонидович ощупал лицо директора ФСБ вопросительным взглядом.

– Вы считаете, что вся эта катавасия с Солнцем инспирируется извне?

– А вы нет? Наша цивилизация ещё не достигла даже первого уровня по шкале Кардашёва^[6], чтобы воздействовать на Солнце в таком масштабе! Ясно, что вмешались...

– Зелёные человечки! – иронически подхватил Миранда.

– Смешного тут мало, Парфентий Поликарпович. Именно что зелёные человечки, если под ними понимать пришельцев, которые и устроили нам весёлую жизнь с отсосом солнечной плазмы.

Миранда поморщился.

– Не надо обвинять меня в легкомыслии, Викентий Иванович. Я и сам переживаю не меньше вашего. Раз уж разговор зашёл о пришельцах, стоит привлечь к проблеме ксенологов и спецов по коммуникации. Может быть, они дадут дельные советы или найдут решение.

– Разумеется, мы пошлём майору Дрёмовой всех, кто поможет добиться результата.

– Хорошо, – сказал премьер-министр, с силой опуская ладони на стол, внутри прозрачной пластины которого вспыхивали и гасли новости, сортируемые по важности цветом, – я вас понял, товарищи. О создании ВЧК поговорим на Совбезе с президентом, а пока давайте и дальше работать в режиме скрытой тревоги, не объявляя приоритет протокола ВВУ, чтобы не волновать народ раньше времени.

– Народ и так узнает о происходящем, – махнул рукой Климук. – В наше время ничего невозможно скрыть от соцконтроля. Паника неизбежна.

– Ох, не накаркайте, Лаврентий Палыч! – покачал головой Мазин.

– Жду вестей, – сказал Герман Леонидович.

Локация 7

Солнце: в пятне

Тело было лёгким как пёрышко, ощущение складывалось, как после выхода в открытый космос без поддержки генератора антигравитации, и Терентий подумал, что после удара яхты о дно пятна его просто выбросило в космос.

Потом пришла другая мысль: он вспомнил, что находится не в открытом космосе, а на поверхности Солнца! Если куда и могло выбросить пассажиров яхты, то прямо в солнечную плазму!

Терентий открыл глаза и сквозь пелену слёз разглядел заросли чёрных чешуйчатых стволов, похожих на покрытый копотью бамбук, и багровое небо над их вершинами с яркими жёлтыми и чёрными разводами. Этот странный лес окружал лежавшего в спасательном «кокосе» человека со всех сторон, а то, на чём он лежал, напоминало толстый ковёр из переплетённых чёрных нитей.

– Гриша! – механически позвал Терентий приятеля, поднимаясь, как после долгого сна.

Никто не ответил. В ушах шумело, словно шёл дождь, стуча по листьям деревьев, изредка сопровождаемый электрическими разрядами.

Он огляделся, заметив наконец лежащий неподалёку предмет, напоминающий смятый дирижабль с дырой в боку. Дирижабль тоже что-то напоминал, и Терентий понял, что перед ним защитный модуль, в котором внутри яхты и располагался зал визинга.

Зашквар! Интересно, как он сюда попал?! Где остальные?! Где яхта?! Что вообще произошло после того, как на неё упала чёрная сетка?!

Память послушно выдала ответ на последний вопрос: яхту потащила в глубины Солнца непреодолимая сила! Закричали женщины, к ним присоединились бельгиец и два француза, все бросились к выходу из зала, создав пробку.

Капитан попытался успокоить всех, рявкнув: «Разошлись по каютам!», однако это не помогло, а лишь усилило панику. Чтобы не попасть под чей-нибудь локоть, Терентий отступил назад, дожидаясь,

пока попутчики не сбегут, направился в коридор и... что-то случилось потом, не уложившееся в общий контент запоминания. Корабль затрясло, послышались жуткие скрипы и удары, будто яхту волокло по камням, потом был полёт... хотя это Терентий помнил неотчётливо... и его накрыло чёрное покрывало...

– Гриша! Галима! Где вы?!

Электрический треск в ответ – и больше ничего. Да куда же вы подевались?!

Терентий сделал шаг, другой, третий, прислушиваясь к своим ощущениям, заглянул в дыру в боку дирижабля. Никого не увидел. Обслуживающая зал автоматика не работала, сервис-системы были выключены.

Тогда он занялся ландшафтом.

Сила тяжести в этом странном лесу была меньше земной чуть ли не в два раза, и это обстоятельство удивляло и тревожило больше всего. Гравитационное поле Солнца превышало земное в двадцать восемь раз, и попади человек на его поверхность, он был бы практически раздавлен, если не считать того, что сначала был бы сожжён. В таком случае что произошло на самом деле? Туристов действительно выдернула из яхты неведомая сила и забросила на другую планету?! Или всё объясняется проще? Когда яхта приблизилась к «щётке», из неё вылез манипулятор и втянул внутрь пятна, которое вовсе не пятно. Тогда что оно из себя представляет? Чью-то базу? Внутри Солнца?! Не может быть! Хотя почему не может? Если земляне создали аппараты, выдерживающие солнечную температуру, силу тяготения, давление и мощные излучения, почему то же самое недоступно для других? Ведь кто-то уже предложил идею о создании на Солнце терминалов, откачивающих плазму? В таком случае не провалилась ли яхта в терминал откачки, сконструированный некими существами из галактики?

Оставив модуль позади, Терентий углубился в «бамбуковый лес».

Чешуйчато-членистые стволы стояли почти вплоты, и двигаться между ними было непросто. Они вибрировали, создавая тихий гул, а их температура, если верить показаниям датчиков «кокоса», достигала тысячи градусов. Почти такую же имел и пружинистый ковёр под ногами, разве что он не вибрировал вследствие большой толщины.

Сделав круг, в центре которого торчал из губчатого ковра эллипсоид модуля, и каждую минуту вызывая Григория и гида, Терентий выбрал направление в сторону уменьшения частоты стволов, как ему показалось, и действительно вскоре выбрался на край понижающейся ложбины в форме эллипса. Остановился, обрадованный открытием: над кратером, в который превращалась ложбина в центре, висела яхта «Синтрейл»! Однако радость молодого человека померкла, когда он увидел, что яхта нанизана на чёрный ствол «бамбука», вырастающий из кратера. Ствол, как шампур в кусок свинины, входил в дно корабля и вылезал из горба «спины», утончаясь, метров на пятьдесят вверх.

– Прикол! – озадаченно проговорил Терентий, начиная спускаться в ложбину. Он имел в виду не только сам феномен «шампура», но и физический аспект: яхта была «приколота», как бабочка булавкой, разве что не сверху, а снизу.

– Гриша! Капитан!

Однако снова никто не отозвался. На всех диапазонах радиации царил глухой шум, вызванный вибрацией «бамбуковых стволов», изредка нарушаемый электрическими тресками.

Он добрался до дна кратера, расширенными глазами рассматривая дырчатое, словно изъеденное жуком-древоточцем брюхо яхты. Стало видно, что кормовой люк корабля открыт, а сам корпус выглядит как крупнопористая губка.

Сердце заняло в предчувствии непоправимого.

– Гриша, чёрт побери! Капитан!

Гул, потрескивания, пламенный вихрь в небесах. Точно он на Солнце, судя по факелам. Интересно, небо здесь – экран или прозрачный купол, сквозь который видна фотосфера? Кчмар! Почему он оказался чуть ли не в километре от яхты?! Кто его перенёс?! И где люди?!

Он обошёл толстый, около двух метров в диаметре, ствол «бамбука». Чешуйки на нём были крупные, не меньше человеческой ладони, и в голову пришла мысль влезть по стволу до киля яхты, а потом по нему добраться до кормы, тем более что она вся в дырках, а сила тяжести здесь равна марсианской.

Подпрыгнул, уцепился за чешуйки, споро полез вверх, с усмешкой подумав, что никогда прежде не занимался скалолазанием.

Мелькнула сожалеющая мысль, что, если бы туристский «кокос» имел антиграв, лазить по чему бы то ни было не пришлось.

До люка он добрался буквально за три минуты. Влез в нижний транспортный отсек «Синтрейла». Свет внутри отсека не горел, пришлось включать нашлемный фонарь. Терентий выпрямился и испытал настоящий шок.

Отсек был пуст! Хотя ещё совсем недавно в нём стояли прогулочные катера – от двухместных «пинассов» до десятиместных «стерхов». Лишь по дырчатому полу тянулись багровые световые полосы от дыр в стенах, прогрызенных «короедами».

– Японская мама! – выдохнул ошеломлённый Терентий.

Было известно, что корпуса таких кораблей, как яхта, подпитываемые силовыми полями, невозможно пробить даже с помощью атомной бомбы! И тем не менее «Синтрейл» что снаружи, что изнутри выглядел так, будто его пробили немислимой мощности снаряды.

Яхту качнуло.

Терентий очнулся, кинулся в коридор, имеющий беговую дорожку, но она не двигалась. Лифт не работал тоже. Пришлось карабкаться по лестничным переходам на самую верхнюю палубу яхты, где располагался пост управления.

Люк из коридора в пост управления отсутствовал.

Терентий ворвался в помещение, венчавшее яхту, как рубка – подводную лодку, и замер, не обнаружив ни одного ложементов с членами экипажа! Только постаменты, кольцом окружавшие центральную колонну операционного контроля, которая в данный момент походила на безногий скелет жирафа. Не было и кресла капитана яхты, занимавшего прежде ступеньку выше пола. Виом перед выступом здесь тоже являл собой нечто похожее на ажурный кактус, высохший от жары. Во всяком случае, температура воздуха в посту зашкаливала за триста градусов, что действительно могло стать причиной сушки. Аппаратура помещения не работала.

– Японская мама! – прошептал Терентий, сражённый увиденным.

Прошёл по серому трещиноватому полу, хрустя не то песчинками, не то крошками пластика. Приблизился к «скелету жирафа», дотронулся рукой до покосившейся изогнутой панели, некогда игравшей роль девайса компьютера. На всякий случай позвал:

– Капитан? Где вы?

Тишина в ответ, только едва слышимый гул «бамбуковых» стволов.

– Пламен?!

Но и компьютер яхты не ответил. Судя по всему, она была мертва.

Терентий вспотел, живо представив, как спутники и экипаж гибнут в жидком пламени солнечной плазмы. Вспомнив о туристах, бросился на палубу жилой зоны, обшарил все каюты, но не нашёл ни одного человека. Яхта была пуста. И невольно складывалось впечатление, будто она простояла в этом странном ангаре, заросшем сгоревшим лесом, пронзённая стеблем «бамбука», не один десяток лет.

Пришла мысль поискать вещи, которые могли пригодиться в будущем.

Он начал спускаться на третью палубу, где должен был располагаться вещевой склад, но на второй палубе вдруг обнаружил бункер с решетчатыми стенами, заканчивающийся дырой в корпусе яхты, и свернул к нему.

В памяти вырос эллипсоид «дирижабля». Сбилось дыхание. На месте бункера должен был находиться зал визинга. Стала понятна причина пробуждения Терентия в «бамбуковом» лесу: когда путешественники выбежали в коридор, а он остался в зале, компьютер яхты просто десантировал модуль, как при аварии в космосе. Вероятно, он уже был неисправен, иначе не стал бы швырять зал в белый свет как в копеечку, не имея данных о параметрах среды.

– Спасибо, дружок, – пробормотал Терентий, подумав о компьютере как о человеке. – Меня ты спас. Куда подевались остальные?

Пол под ногами дрогнул: яхта начала соскальзывать со ствола «бамбука» к его подножию.

Терентий метнулся было в коридор, но заставил себя не паниковать и спустился на третий этаж, решив довести задуманное до конца. Так как никто не гарантировал ему спасения в создавшемся положении и никто не мог сказать, сколько он проведёт времени в «лесном» ангаре, мысль увеличить шанс на выживание показалась убедительной. Стоило, во-первых, отыскать сервис-систему, которая могла бы играть роль защитного бота и носильщика, а также обзавестись оружием и дополнительным энергоресурсом типа МК-

аккумулятора для «кокоса». Костюм спас владельца от высоких температур, перепадов давления и механических ударов, но не имел ни аварийного НЗ, ни оружия, ни запасных батарей. А его штатный аккумулятор был рассчитан всего на три дня непрерывной работы. Не мешало к тому же загрузиться и водой, и медблоком, и антигравом. Всё это должно было находиться в кладовых яхты, иначе её не выпустили бы возить туристов по Солнечной системе.

Раз, два, три, четыре, пять, я иду искать, кто не спрятался, я не виноват.

Луч фонаря осветил коридор.

Как оказалось, все двери в помещения на палубах яхты были открыты. Новейшие технологии 3D-цифранжа, использующие силовые поля, позволяли создавать материалы и вещи любой конфигурации, и двери представляли собой плёнки из особого композита, частицы которого удерживались в форме изделия, в данном случае – в форме дверных пластин. Поэтому, как только прекращалась энергетическая подпитка изделия, оно превращалось в груды пыли.

Терентий обратил внимание на пустые проёмы, только подойдя к складскому отсеку. Подумал озабоченно: не рассыплется ли весь корпус яхты, если источник энергии отключится окончательно?

Вошёл в отсек.

Света не было и в нём.

Терентий пошарил лучом фонаря по стеллажам ближайшей секции и сглотнул.

Полки были пусты! Вернее, почти все они превратились в холмы пыли, упавшие под стенами, а вместе с ним исчезли и контейнеры с линиями доставки. Насколько хватало света фонаря, взгляд упирался в пустые стены, кривые балки и пузыри перегородок, а у подножия стен виднелись холмики серо-жёлтой пыли.

– Кчмар! – выговорил Терентий.

Пол отсека рухнул вниз сразу на полметра: корпус яхты продолжал оседать к основанию «бамбука».

Терентий отступил в коридор, прислушиваясь к скрипу и треску, доносившимся из недр корабля. Решил: к чёрту искать полезное с риском быть засыпанным! Под непрекращающийся треск стен он добежал до лестницы аварийного выхода, вылез наружу через дыру в

корме и прыгнул на губчатое дно кратера с высоты в двадцать пять метров. Интуиция подсказала, что этот вариант не смертелен.

Действительно, опускался он вдвое медленней, чем если бы прыгал с такой высоты в земных условиях. Удар в ноги оказался терпимым, к тому же помог встроенный в «кокос» экзоскелет. Прокатившись мячиком по «губке», Терентий поскакал зайцем по склону ложбины вверх и выбрался на её вал в тот момент, когда яхта окончательно потеряла опору и рухнула в кратер, разваливаясь на части.

– Японская же мама! – проговорил Терентий глубокомысленно.

Постояв на бугре ноздреватого, как пемза, коричневого материала, он огляделся, вдруг осознав, что остался совсем один в непонятно каким чудом сохранившемся в недрах Солнца ангаре, куда яхту затащила чудовищная «авоська». И не помогала ощущать радость от спасения даже атмосфера ангара, заполненного странным лесом и защищённого от яростного кипения солнечной плазмы силовым колпаком.

Терентий посмотрел на небо, являющееся на самом деле этим самым силовым пузырьём. Было видно, как за его пределами текут огненные реки и фонтаны багрового пламени, тонувшие в тёмных облаках, имеющих меньшую температуру. Мысль о мощи создателей ангара (наверно, ангар и есть пятно?) потрясала. Существа, сотворившие этот гигантский объект, стояли намного выше человека по лестнице научного прогресса, хотя их мораль пугала. Они не могли не понимать, что, откачивая энергию Солнца, обрекают людей на гибель!

Над головой сверкнул яркий завиток. Купол, накрывающий лес, содрогнулся, порождая удар грома.

Терентий очнулся.

Итак, турист, прости господи, получил заряд бодрости? Насытился адреналином? Что будешь делать? Ждать спасателей? Уверен, что они придут на помощь и вытащат из солнечных объятий?

Снова сверкнуло. Ещё один громовой раскат потряс атмосферу леса.

Дьявольщина! И ведь не спрячешься нигде! А что, если... Мысль, высветившая психику не хуже, чем небесная молния, заставила его присвистнуть. В любом случае ему надо искать, кто тут командует

парадом, пока ещё есть силы и не истощились аккумуляторы. Ведь должен же кто-нибудь управлять сооружением? Назовём его... э-э... солнечный насос? Отсос? Соединим слова – солосос?

Терентий фыркнул, проговорил вслух, как бы пробуя слово на слух:

– Солосос...

Нет, не годится, дурацкое сокращение. Может, лучше молокосос? В принципе, чем солнечная плазма отличается от коровьего молока? Только температурой...

Он недовольно поморщился. Что за чушь лезет в голову? Как пятно ни назови, смысл его функционирования не изменится. Другое дело, что он тянет с решением, что делать, потому что не видит шансов выполнить задание. Все нюансы проблемы начальство, конечно, не могло предсказать, но и того, что произошло, в прогнозе не было. Он не думал, что останется без технологической помощи, даже без сервис-платформ, и, судя по всему, выжить в таких условиях ему не светило.

Высверк над головой, волна гула.

Ч-чёрт! Кончай делать вид, что пытаешься думать! Пора дело делать! Он ещё раз осмотрелся, выбрал направлением край леса, где «бамбуковые» стволы стояли не так часто, и сделал шаг...

* * *

«Бамбуковый» лес действительно заполнял всю площадь ангара от края до края. Его диаметр, по прикидкам путешественника, был равен примерно пятнадцати километрам, и когда Терентий вышел на опушку леса, то увидел перед собой стену текучего огня, встающего своеобразной завесой наподобие земного северного сияния. Завеса вырастала из-под обрыва и, растекаясь струями призрачного багрового тумана, уходила вверх, к границе фотосферы Солнца. Во всяком случае, так решил путешественник, обнаруживший, что ангар покоится на платформе, а не стоит на поверхности твёрдого тела. Понаблюдав за потоками света, он вернулся к ложбине, в центральном углублении которой лежала гора обломков яхты, кстати, уже почти вся осевшая барханом пыли. После этого он и оценил размеры купола,

накрывшего лес, и снова поразился мощи создателей феноменального строения, на порядки превосходившей возможности человечества.

Возвращаясь обратно к ложбине, он вдруг увидел в стороне вывал среди «бамбуковых» стволов, свернул туда и вышел на край ещё одного понижения, из центра которого вырастал ствол потолще, основание которого утопало в горе фрагментов какого-то материала. Заинтересовался, подошёл ближе и с изумлением понял, что гора представляет собой остатки рассыпавшегося корабля.

– Японская мама! А это здесь откуда?!

Вспомнились рассказы гида яхты о первых попаданцах на Солнце, американцах. Потом за ними пропал и российский корвет. Их искали, но не нашли. А они вот где закончили свой полёт!

Терентий спустился ниже, приглядываясь к барханам жемчужной пыли, нашёл деталь побольше, дотянулся рукой, вытащил. Это было штатное оружие космолётчиков – излучатель «универсал», покрытый узором крупных пор. Терентий повернул излучатель рукоятью к себе, и тот рассыпался в прах. От неожиданности испытатель выронил горсть пыли.

– Чёрт! Какого дьявола пугаешь?!

Отряхнув ладони, он с сожалением подумал, что у него был шанс вооружиться. Но чей тут летатель похоронен? Интересно, наши или американцы? Или товарищи пиндосы «универсалы» не носили? У них, кажется, были свои стрелялки. Но если здесь лежит корвет, то и американцы должны быть где-то поблизости? С другой стороны, что это меняет? В живых наверняка не осталось никого.

Настроение упало. Получалось, что корвет пролежал в этом ангаре год, и никто его не нашёл. А это, в свою очередь, означает, что экипаж корабля в самом деле погиб. Так же, как и экипаж американского челнока. А ресурс «кокоса» невелик, всего трое суток, и за это время надо успеть выбраться отсюда, что очень и очень проблематично. Так что, господин попаданец в солнечную топку? Кранты тебе? Или понадеемся на спасателей, если они доберутся раньше? Как там поют оптимисты: мы своих не бросаем? Или, в крайнем случае, всегда есть шанс встретить чудо?

Терентий усмехнулся и пригорюнился, подумав о судьбе Гриши и остальных туристов. То, что сам он уцелел, не вызывало удивления:

всё-таки готовили его основательно, – однако и ответить положительно на вопрос, повезло ли ему на самом деле, не мог.

Сверкнуло! Грохнуло!

Он очнулся, поёжился. Чтоб вас перекондубасило, господа строители плазмососа! Добраться бы до вас да спросить по полной программе, какова цель этого грандиозного проекта! Вряд ли таким способом вы хотели всего-навсего уничтожить человечество. Для этого достаточно средств поскромней, к примеру поджечь воду в океанах, что теоретически возможно и уже практически доступно. Тогда что вами руководило?

Мелькнула мысль найти американский корабль. Терентий отбросил её, но она вернулась в сопровождении подруги, намекнувшей, что всё равно придётся искать центр управления плазмососом. Преодолев ступор, он приказал себе подойти к проблеме философски, как делал это всегда, столкнувшись с трудностями, и отправился искать следы пропавших без вести, понимая, что задача недостижима.

Центр сооружения он не нашёл, зато, побродив по лесу больше часа, обнаружил пронзённый стволом «бамбука» американский шаттл. Вернее – гору мелких фрагментов корпуса и вал жёлтой пыли. Это было всё, что осталось от корабля. И ни одного следа присутствия уцелевших космолётчиков. Они пропали так же таинственно, как российские и туристы с яхты.

Над головой снова сверкнуло.

В тёмном багровом водовороте появилось быстро увеличивающееся световое кольцо. К нему со всех сторон горизонта метнулись ручьи электрических с виду разрядов.

Разыгравшееся воображение (силовой пузырь лопнет, на голову обрушится астероид, и конец мечтам!) Терентий успокоил родившейся отчаянной надеждой: вдруг это вовсе не астероид, а чей-то корабль?! Или спасательный беспилотник?! Почему нет?! Никакой астероид до фотосферы Солнца не долетит! Значит, есть шанс на спасение?!

Световое кольцо превратилось в сигару пламени, одетую шубой электрических молний.

Сориентировавшись, Терентий бросился к тому месту, куда наметил упасть пламенный коготь.

Локация 8

Солнце. Пятна

Пике закончилось для солнцехода мощным ударом магнитного поля, накрывающего пятно куполом гигантских размеров. Защита выдержала, и он продолжал погружаться в фотосферу Солнца, ориентируясь по ежесекундно меняющимся показаниям датчиков гравитационных и электрических полей.

Когда он вышел на высоту около пятисот километров над поверхностью «щётки», компьютер сообщил, что наблюдает некое образование в форме капли, и показал обнаруженный объект.

«Капля» оказалась полусферическим силовым прыщом диаметром в пятнадцать километров, и Страга добавил:

– С вероятностью ноль восемь именно сюда упала яхта.

– Идём туда же! – скомандовала Флора, уже сидевшая в кабине «голема».

«Победитель огня» послушно двинулся в указанном направлении.

Однако внезапно из колеблющегося волнами «ворса щётки» вылетела чёрная струя и понеслась навстречу солнцеходу, превращаясь в нечто, напоминающее сетку-ловушку.

– Уничтожить! – бросила Флора.

Корабль выстрелил из гравитонного излучателя, кулак которого разбил «авоську» на отдельные нити, расплывающиеся дымками. Продолжая движение, солнцеход прицелился в «каплю» непонятного нароста, и Соловьёв торопливо произнёс:

– Шесть секунд до столкновения... пять...

– Скорчер на трети мощности!

– Скорчер! – повторил Соловьёв.

«Победитель» выстрелил из электрического разрядника, попадая точно в вершину купола.

Надежда Флоры на срабатывание системы пропуска (интуиция подсказала, что «капля» – искусственное сооружение) оправдалась! Ровно за мгновение до удара солнцехода о купол в нём образовалась круглая дыра, и «Победитель» вонзился в неё, как раскалённый кусок металла в прорубь!

Рафии интеркома принесли всплеск шума в рубке: экипаж отреагировал на «абордаж».

Солнцеход влетел под купол, заросший за кормой прозрачным пузырьём, и резко затормозил, не долетев до густой чёрной щетины необычного леса, повторяющего «ворс щётки» наверху, но гораздо меньшей по размерам. К счастью, инерцию остановки погасил генератор антигравитации, иначе от людей на борту корабля остались бы только лужи. Но психологически момент этот все пережили с трудом. Лишь спустя несколько секунд послышались чьи-то хлопки в ладоши и донёлся голос Ковальчука:

– Вы очень рискованный человек, Флора Фадеевна!

Она услышала, но не расслабилась.

– Ищем яхту!

Какой бы реакцией ни обладали люди, кванки, то есть квантовые компьютеры, работали гораздо быстрее, поэтому Страга исполнил приказ в течение тысячных долей секунды, уловив ответы локаторов (в основном – гравитационных) во всём объёме сооружения. Экипаж ещё только начинал всматриваться в глубины виомов, а компьютер уже сообщил:

– Не вижу ни яхты, ни каких-либо искусственных объектов! Но прошу обратить внимание на три «бамбуковых ствола», имеющих отличия от остальных «растений».

Виом «голема» показал три чешуйчатые башни, вырастающие из неглубоких кратеров, основания которых были окружены валами жёлто-бурого песка. В одном из барханов сверкнул металлический предмет. Компьютер сделал увеличение, и космолётчики увидели серебристый овалчик, похожий на бокал.

– С вероятностью ноль девять это искусственное изделие, – добавил Страга.

– Дрон!

– Выпускаю.

Приблизившийся к «дереву» солнцеход метнул полусферу беспилотника, одним прыжком преодолевшую расстояние до бархана. Дрон завис над горой разнокалиберных зёрен, протянул манипулятор к «бокалу», подхватил его, но тот внезапно рассыпался струйкой кристаллической пыли.

– Чтоб тебя! – вырвалось у Остроумова.

– Секунду! – сказал Страга. – Вижу ещё объект!

Виом показал «лес» сверху и какого-то червячка в зарослях, движущегося между стволами «бамбука».

– Человек! – воскликнул второй пилот солнцехода Степан Нагорный.

Беспилотник метнулся прочь от «дерева», сделал петлю и завис над «червячком» под ним.

– Космен! – буркнул капитан Соловьёв.

– Пуск! – отозвалась Флора.

Компьютер солнцехода послушно сдвинул щиты отсека, оконтурив люк светящимся пунктиром, и катер рванул в центр прозрачного окна, прикрытого только силовым полем. Через долю секунды он был уже за пределами корабля, выпав из шлюзового терминала «Победителя огня».

Несмотря на силовой пузырь, предохраняющий катер от воздействия солнечной температуры и не пропускающий практически все виды излучений, российские конструкторы ухитрились найти способы визуального контроля пространства, поэтому кабина катера могла превращаться в один сплошной экран. Модульные ложементы для пассажиров в этом случае как бы повисали без опор внутри пузыря, что вносило в процесс наблюдения нотку дискомфорта. Но Флора десятки раз летала на подобных катерах и мощных космолётах с эффектом полного погружения в окружающую среду и не обращала внимания на собственные ощущения.

Управлял «големом» кванк по имени Оптимал. Но решения по формату движения принимал драйвер-прима, в настоящий момент сама Флора, которая могла в любой момент перейти на ручное управление.

– Вызывай! – приказала она.

– Не слышу ответа!

– Поищи диапазон!

Кванк замолчал, «вращая спектр» (по терминологии связистов) многодиапазонной рации катера.

– Нашёл!

В кабине «голема» раздался скрежет, гул и слабый человеческий голос:

– ...богу! Я тут! Поднимите меня!

– Имя?! – потребовала Флора.

– Те... тий... Дерг...

– С яхты?!

– ...та... чтожена...

– Сейчас поднимем вас!

Катер нырнул к «лесу», нашёл беспилотник и снизился, пытаясь найти прогалину между стволами «бамбука». Однако стволы стояли плотно, буквально в метре друг от друга, образуя настоящую «платяную щётку», и Флора решила на трюк. Подвесив катер над «червяком» (человек в скафандре увидел их манипуляции и остановился, подпрыгивая), она запустила ещё один беспилотник – помощней, способный нести груз не меньше полутонны.

Беспилотник, похожий на паука размером с человека, кое-как протиснулся между чешуйчатыми стволами, завис над человеком в «кокосе». Космолётчик вцепился в его манипуляторы, и дрон медленно поплыл вверх, царапая стволы «бамбука» корпусом. Ещё через минуту дрон со спасённым был в катере, пронзив телом силовое окно люка.

Хотя кабина была герметична, все четверо спецназовцев сидели в «кокосах», и Флора не стала терять время на замену воздуха, жестом показав спасённому, чтобы и тот остался в скафандре.

– Кто вы?

– Я был на яхте... э-э... Терентий Дергачёв, бионик, решил с другом прогуляться по Системе. – Раздался невесёлый смешок. – Вот, прогулялся.

– Что случилось?

– Мы подошли к Солнцу, и нас захватила какая-то...

– Товарищ майор! – перебил его сухой голос кванка солнцехода. – Немедленно возвращайтесь! Нападение!

Флора невольно завертела головой, ища солнцеход в глубинах виома кабины.

Оптималь помог ей, выделив красной линией изменения в пейзаже.

«Победитель огня» висел чуть в стороне и на высоте примерно полукилометра над «лесной щёткой».

Прямо под ним вдруг «деревья» расступились, в серо-фиолетовом ковре образовался кратер, из которого выстрелила вверх чешуйчатая колонна «бамбука» и стремительно полетела копьём в дно солнцехода.

К счастью, Страга контролировал ситуацию и мгновенно ответил ударом из гравитонного излучателя по «бамбуковому» стволу. Однако тот словно не почувствовал удара, продолжая ввинчиваться в пространство, осыпаясь чёрными пылинками, и за доли секунды достиг корпуса солнцехода. Корабль подбросило вверх сразу на сто метров! Но это было не главное. Острый кончик «бамбукового» стебля пробил обшивку корабля, нанизывая его, как игла – бабочку!

Дальнейшие события развернулись всего в течение четырёх-пяти секунд!

Флора успела к этому моменту задействовать режим «один на один» и реагировала намного быстрее обычного человека.

В первое мгновение она нанесла удар катерным гравитоником по «бамбуковому» стеблю, а не увидев результата, добавила, чиркнула по стволу лучом неймса. Но и нейтрализатор молекулярных связей не помог, потому что «бамбуковый» стебель, очевидно, не представлял собой тело из вещества. Если бы Флора начала чисто по-женски – эмоционально – воспринимать происходящее, ей не хватило бы времени на решение проблемы. Однако она продолжала мыслить и действовать «на форсаже» и не отвлеклась на пустяки вроде переживаний.

Следующий выстрел ни один материальный объект выдержать не мог принципиально. Флора применила самое мощное оружие из всех видов, изобретённых человеком: инициатор суперструн, именуемый в просторечии «нульхлопом». Он схлопывал пространство в одномерную «струну», то есть способную пронизать чуть ли не всю Вселенную. А где она начинала развёртываться в трёхмерную структуру, было уже неважно. Объект, попавший под удар «одномерия», попросту исчезал.

Впрочем, «бамбуковый» стебель исчез не полностью. Невидимый луч «нульхлопа» перерезал ствол, оставляя «пень» и утончавшийся кверху стебель, и этот остаток посыпался вниз струями чёрных чешуй.

Тем не менее солнцеход был повреждён, в его дне появилась приличная дыра, и вряд ли он мог сопротивляться следующему нападению. А оно не замедлило себя ждать.

Рядом с «пнём», из обреза которого повалил багровый дым, вырос ещё один «бамбуковый» стебель и взвился к начавшему медленно вращаться солнцеходу.

Не задумываясь, Флора резанула «нульхлопом» и его.

Стебель прекратил рост и градом чёрных завитков упал на «лес».

Но и это было ещё не всё!

К солнцеходу потянулось не меньше десятка стеблей в радиусе сотни метров, счёт снова пошёл на доли секунды, и, видя, что «голем» не успеет нырнуть под защиту корабля, Флора крикнула:

– Капитан! Уходите! Немедленно! За пределы купола!

– Но, майор... – слышался голос Соловьёва.

– Старт! Страга – спасай машину!

Кванк послушался, не обладая всем человеческим спектром эмоций.

Солнцеход перестал кружиться листиком клёна, рванулся вверх, пронизал защитный купол гигантского сооружения и пропал.

«Бамбуковые» стебли начали укорачиваться, втягиваться в лесное ложе.

– Если они обратят внимание на нас... – хмыкнул Остроумов.

– Оптимал, уходим!

– Куда? – вежливо спросил компьютер.

Мысль, пришедшая в голову, показалась дельной.

Флора открыла рот и услышала голос спасённого по имени Терентий, выговорившего в точности её идею:

– За «бамбуковым» стеблем! Они вырастают из-под слоя этого ноздреватого торфа, и под ним может быть подвал!

– Вы серьёзно?! – удивился Остроумов.

– Оптимал, следуй за ближайшим стеблем! Приготовиться к атаке!

«Голем» нырнул к «лесу», находя ближайший стебель, который прямо на глазах уплывал в дно кратера, из которого недавно вылез. Несколько секунд – и он исчез, оставляя начинавшую заплывать дыру.

– Пройдём? – с сомнением проговорил Илья.

– У тебя есть другое предложение?

– Идти вслед за нашими.

– Не успеем, собьют! – мрачно проговорил капитан Звягинцев. – Смотрите, что там наверху делается!

Действительно, к пылающему куполу над «лесом» начали подтягиваться сотни «бамбуковых» стеблей, и было понятно, что они

не дадут катеру выбраться в фотосферу Солнца. А переходить в режим ВСП «голем» не мог, не имея генератора свёртки пространства.

– Держитесь! – предупредил Оптимал.

Катер вонзился в центр дыры. Флоре показалось, что он на полном ходу врезался в угольный мешок, не пропускающий свет! Стены рубки продолжали служить экранами, но пейзаж вне катера исчез. Сила тяжести на миг сменилась невесомостью, несмотря на продолжавшие работать антигравы, поддерживающие искусственную гравитацию на уровне земной.

Клацнуло: сработал контур аварийного обеспечения.

– Тревога! – сухо объявил Оптимал. – Мы накрыты неизвестным полем!

– Какого дья... – начал Илья.

Вернувшаяся гравитация оборвала его возглас.

Впечатление было такое, будто гигантская невидимая лапа подхватила «голем» и швырнула его в чёрную бездну!

– Капсу... лирую... – Компьютер споткнулся на следующем слове и умолк.

Наступили тишина и неподвижность...

Локация 9

Земля. Кремль

Полковник Климук никогда в жизни не бывал на приёмах у президента, поэтому, когда его взял с собой в Кремль начальник ЦЭОК Миранда, командир бригады спецназначения российского Центра экспериментального оперирования в космосе с интересом разглядывал интерьеры президентской резиденции, которую уже несколько столетий занимали главы России, от царей до генсеков разных партий и, с конца двадцатого века, президентов.

Ничего особенного Лаврентий Павлович не увидел, однако ощутил «намоленность» Кремля его обитателями, решающими важнейшие государственные задачи, а также прикинул соответствие нынешнего руководителя страны с тем багажом решений, какие были здесь заявлены.

Президента он, конечно, не раз видел в соцсетях и по ТВ, вблизи же – впервые, и он ему поначалу показался слишком простым и по облику, и по манере поведения. Но стоило президенту заговорить, бросить взгляд из-под седоватых бровей, и становилось понятно, что этот человек имеет право управлять огромной многонациональной державой, входящей в тройку великих земных цивилизаций.

Обычно заседания Совета безопасности проходили либо в Доме Правительства на Краснопресненской набережной, либо в здании ФСБ на Лубянской площади. То, что собрание проходит в Кремле, говорило о важности темы. И повестка тому соответствовала. Доклады подготовили три директора российских силовых структур: Федеральной службы безопасности, Погранслужбы и Министерства обороны.

Климук не являлся членом Совбеза, но, как и начальник ЦЭОК, был приглашён лично директором ФСБ и готов осветить вопросы подготовки спецгрупп для участия в операции спасения людей непосредственно в зоне особого внимания, то есть в районе Солнца. Кабинетными делами и расчётами глобальных тенденций развития социума он не занимался, командуя подразделением оперативных сил быстрого реагирования, когда возникала потребность в применении

спецсредств для гашения конфликтов в космосе. А их с тридцатых годов века, после того как в космос начали выходить частные компании, не считая военных, хватало.

Не раз заявляли о своих претензиях на тот или иной объект Системы американцы. К примеру, они объявили многие районы Луны своей частной собственностью, так как ещё с конца двадцатого века многие из миллионеров и даже небогатые люди скупили лунные участки. В ход пошли юридические ухищрения, обман и угрозы, на Луне с середины века начались стычки между британцами, американцами и китайскими переселенцами, и российским миротворцам пришлось отстаивать интересы своей страны и дружески настроенных наций. Отряд Климук, подчинённый Центру экстремального оперирования в космосе, принимал в этом процессе самое активное участие. А поскольку после объявления Совбезом ООН о глобальной угрозе человечеству, исходящей от пока ещё медленного падения мощности солнечного излучения, к Солнцу ринулись не только туристы, но и частные военные компании и спецслужбы, а также представители научных кругов, прогнозировалась настоящая вакханалия контактов и конфликтов, которыми надо было заниматься. И полковник Климук как раз и был приглашён на заседание российского Совбеза, чтобы ответить на вопросы вышестоящих руководителей, в том числе президента, о состоянии российских спецструктур.

Первым выступил директор ФСБ, коротко напомнив присутствующим о причинах тревоги.

За ним речь держал Верховный комиссар Погранслужбы Баринов, а последним – генерал Стоев, начальник Генштаба Министерства обороны, которому министр доверил сообщить о принимаемых министерством и ВКС России мерах.

Картина вырисовывалась действительно тревожная.

Из речи директора ФСБ выяснилось, что по континентам Земли, пока что минуя территорию России, покатила волна паники, нередко выражающаяся в штурме космопортов, как это случилось этой ночью в Турции и африканской Замбези. Испуганные средствами массовой дезинформации, жители этих стран бездумно устремились в космос, хотя именно он и нёс угрозу их существованию. Первыми должны

были пострадать от падения светового солнечного потока именно обитатели космических поселений на других планетах.

Разумеется, в первых рядах беглецов были и самые богатые земляне, имеющие баснословные богатства, которые позволяли им купить любое средство космического передвижения или отель. Начались разборки, кто богаче и сильнее, и появились первые жертвы: отель на Марсе был захвачен одной из частных военных компаний США, а сопротивлявшиеся захватчикам полицейские были уничтожены.

Запаниковали не только юзеры соцсетей, но и функционеры чиновничьих структур, также имеющие немалые средства и возможности для скорого переселения. Другое дело – переселяться было особо не на что. Венера, как планета, не подходила из-за своих параметров, имея толстую атмосферу из углекислого газа и температуру на поверхности выше четырёхсот градусов Цельсия. Марс не имел разветвлённой сети отелей, а несколько десятков научных посёлков не могли вместить тысяч и миллионов желающих. Там тоже начались свары и конфликты, грозящие перерасти в горячую фазу.

В ООН раздались голоса в пользу переселения ближе к Солнцу «золотого миллиарда» – всех ВИПов из руководящих органов человеческой цивилизации. Для этого предлагалось использовать в первую очередь уже имеющиеся базы, способные работать автономно. При этом оказалось, что самое большое количество баз, станций, отелей и посёлков в этом поясе Солнечной системы, ближайшем к светилу, принадлежит китайцам, индийцам, туркам и россиянам, которым советовали «потесниться ради спасения самых умных и самых продвинутых чиновников».

Разумеется, случился скандал, из соцсетей убрали материал о таком «креативном переселении», но запашок остался. Всем было понятно, что дыма без огня не бывает и где-то в правительственных кругах политических союзов зреет решение «бортануть и уплотнить» слишком независимых русских и китайцев, обживающих космос.

Президент выслушал доклады молча, что-то отмечая в лежащем перед ним еженедельнике (сотрудники администрации уже привыкли к тому, что он пользуется бумажными носителями информации), потом перевёл взгляд на начальника ЦЭОК:

– Парфентий Поликарпович, что мы можем противопоставить зарубежным коллегам?

– К Солнцу подошли фрегаты «Москва» и «Дерзкий», а также эскадра пограничных корветов под командованием Галеева.

– Он них разговор отдельный. Что мы имеем в области невоенных реакций?

– Создание ВЧК находится на завершающей стадии. Руководить комиссией предлагается утвердить замминистра развития Позднякова.

– Учтите, что тема горячая, а работать придётся не только в космосе, но и на Земле, поэтому я предложил бы утвердить две кандидатуры.

– Готовы выслушать рекомендации.

– Подберите сами, я проанализирую.

– Слушаюсь.

– Что происходит непосредственно на Солнце?

– Максим Ильич, – вмешался директор ЦЭОК, – мой зам даст подробные разъяснения.

Президент посмотрел на Климука.

Полковник встал.

– Разрешите?

– Сидите, не до церемоний.

Лаврентий Павлович сел.

– Солнцеход и два беспилотных модуля, способных долгое время работать в фотосфере Солнца, подходят к цепи самых подозрительных пятен. Около одного из них год назад исчез американский челнок, а потом наш корвет. Кроме того, за год принимались попытки неизвестных бизнес-компаний высадить на пятна экспедиции, всего семь, и все они тоже исчезли без вести. Командиру спецгруппы майору Дрёмой выдано задание исследовать пятно и поискать следы кораблей.

– Разве поиски год назад там не проводились?

– Проводились, но пятно ушло в глубины фотосферы, и наблюдатели его потеряли. Вновь оно появилось всего двенадцать дней назад.

– Понятно. Что ещё?

– По предположениям физиков, пятна объединены в единую сеть, анализ которой может дать координаты центра управления

поглотителями солнечной плазмы.

– Хорошо, жду точных данных. Нашим ребятам не мешают работать на Солнце?

– Мешают, – наметил улыбку Климук, – но никто из мешающих не имеет возможности преградить нам путь.

– И китайцы? У них тоже есть солнечный крот.

– Их машина работает в другом секторе солнечной поверхности.

– Майор Дрёмова справится с задачей? Я имею в виду выяснение причин возникновения странных пятен?

Климук помолчал, вскинул на президента прозрачные, как кристаллы хрусталя, глаза.

– Справится, Максим Ильич.

Климук вспомнил, что рекомендовал ему Дрёмову в своё время заместитель директора ФСБ Константин Топелиус, с которым она работала когда-то, однако сказал твёрдо:

– Я отвечаю за неё!

– Прекрасно, работайте.

Президент посмотрел на Миранду.

– Держите меня в курсе событий.

Разговор зашёл о последствиях паники как за рубежом, так и в России. Слово взял начальник Управления гражданской обороны России, который был обязан нейтрализовать все случаи асоциального поведения в стране.

Климук облегчённо перевёл дух. Перед таким ответственным собранием он выступал впервые и не хотел бы оставить о себе мнение как о некомпетентном или косноязычном кабинетном функционере. Но, судя по спокойной реакции начальника ЦЭОК, речь полковника была воспринята нормально.

Уже после окончания встречи, продлившейся два с лишним часа, в коридоре сенатского дворца к нему подошли Мазин и Миранда.

– Вам придётся поработать с контрразведчиками, Лаврентий Павлович, – сказал директор ФСБ, разглядывая лицо Климуга глубоко посаженными чёрными глазами. – Дело принимает скверный оборот.

Климук посмотрел на Миранду. Глава Центра кивнул.

– Это как раз тот случай, когда мы вплотную подошли к предсказанному конфликту с другим разумом. Первый контакт, как вам

известно, произошёл тринадцать лет назад, когда мы вышли за пределы Рукава.

– С ядранами, – усмехнулся Лаврентий Павлович. – Безрезультатно.

– Хорошо, что нас просто развернули, а не грохнули. Но ситуация с пятнами иная. Кто-то ни с того ни с сего просто решил погасить Солнце. И хотя звучит это как недобрая шутка, следует подойти к расследованию инцидента со всей ответственностью.

– Я готов. Но вы мне, Парфентий Поликарпович, приказали подобрать группу свою в ВЧК.

– Этим делом я сам займусь, – сказал Миранда. – Подсоединяйтесь к оперативникам Коскона.

– Слушаюсь.

Миранда кивнул Мазину, собираясь отойти, и Климук остановил его вопросом:

– У контрразведчиков есть какие-то зацепки, Парфентий Поликарпович?

– Есть, – ответил вместо начальника ЦЭОК директор ФСБ. – Атака на Солнце началась не вчера, а год назад, и всё это время кто-то искусно сдерживал межгосударственные структуры безопасности от расследования аномальных процессов на солнечной поверхности. Целый год шла подготовка, учёные и наблюдатели за Солнцем практически не работали в этом направлении. А доклады астрофизиков тонули в информационном мусоре.

– Заговор?

– Похоже. Остальные подробности узнаете у косконовцев. Удачи, полковник.

Главы российских силовых контор двинулись по своим делам.

Проводив их взглядом, Климук стал дожидаться выхода приглашённых на Совбез астрофизиков, с которыми он был знаком. Хотелось получить информацию о процессах на светиле, что называется, из первых рук. Но если Миранда прав и заговор имеет место быть, то кто его подготовил? А главное – зачем? Неужели в Системе нашлись люди, продолжатели рода Герострата^[7], способные ради славы уничтожить не город, не страну, не планету – целую звезду со всеми планетами?!

Климук покачал головой, отмахнувшись от этой мысли. Но она вернулась...

Локация 10

Солнце. Пятно

Сознания не теряли, хотя и не сразу пришли в себя после кульбита в мрачной пустоте.

Оптимал перезапустил свои девайсы, проверил работу всех систем защиты (всё это в течение двух секунд), включил обзор, и десантники с удивлением огляделись, не веря глазам.

«Голем» стоял на изогнутой, как лепесток тюльпана, выпуклости багрового цвета, словно материал лепестка представлял собой раскалённый чугун. Накрыт катер был не чёрной сеткой «авоськи», а бликующим куполом не то из стекла, не то из выдерживающего высокую температуру пластика, не то какого-то поля.

По кругу диаметром в полкилометра на чёрном поле располагались ещё пять таких лепестков – по одному на каждый лучик «снежинки» вокруг пятна, и на каждом виднелись прозрачные пузыри, ни дать ни взять – капли воды на листьях деревьев после дождя, точно такие же, под каким стоял «голем». Внутри каждой «капли» росли непонятные конструкции, по большей части напоминающие ветки саксаула в комбинациях с кактусами. Впрочем, не все. Под соседним куполом стоял узнаваемый контур вполне себе земного аппарата – китайского десантного когга.

Небо здесь заменял пульсирующий багровыми струями потолок на высоте примерно ста метров, являвшийся, очевидно, основанием чёрного леса на верхнем уровне всего сооружения.

– Упасть – не встать! – проговорил Симон Звягинцев. – Куда нас занесло?!

– Это явно не дно пятна, – хмыкнул Олег.

– Ничо себе дно! Да это же явно искусственный объект! Что случилось?! Почему мы оказались на этой раскалённой кочерге?!

– Сработала автоматика! – предложил идею Умутов.

– Какая автоматика, Шамсуд?! Мы на Солнце! Где тут автоматика?!

– Её установили те, кто начал доить наше солнышко.

– Женя, что молчишь? Ты же у нас оканчивал ксеноархеологический.

– А что я скажу? – проворчал лейтенант Балуев. – Налицо искусственное сооружение, которое вполне может послужить координационным центром системы откачки плазмы. Нам повезло, что мы наткнулись на него так быстро.

– Ну, первыми его открыли китайцы. Вон их модуль стоит.

– А где наш корвет?

– Ему повезло меньше. Судя по молчанию, наши парни погибли.

– Оптимально, – сказала Флора, беря под контроль разговоры в кабине, – попробуй связаться с китайцем.

– Давно пытаюсь, ответа нет.

– Что будем делать, командир? – спросил Умутов.

– Оптимально, характеристики среды!

– Температура под куполом триста по Цельсию, – доложил компьютер. – Температура под катером тысяча сто. Температура потолка колеблется от тысячи до полутора. Сила гравитационного ускорения двадцать семь. Диапазон жёстких линий от рентгена до гамма – десять в седьмой. Состав атмосферы: водород...

– Достаточно, мой друг. Оптимально, наши скафы выдержат весь этот форсмажорный винегрет излучений?

– Защита «голема» рассчитана на ядерный взрыв...

– Я не про катер, наши «кокосы» выдержат свистопляску излучений?

– Если верить инструкции по применению – да, но не больше получаса.

– Попробуем добраться до китайцев. Есть мысли, как это сделать?

– Если нас и в самом деле посадила на этот листик автоматика объекта, – сказал Илья, – надо поискать пункт управления и прежде всего добиться снятия поля над катером.

– Правильно, – согласился Симон.

– Потом можно будет достучаться до мозгов автоматики, чтобы нас пропустили к китайскому аппарату.

– А если не достучимся?

– Тогда будем думать по-другому.

– Шамсуд?

– Я за, – очнулся от созерцания пейзажа кванконик группы лейтенант Умутов. – Так как после посадки к нам никто не приходит, вывод верен: сажала нас здешняя сервис-система.

– Зачем?

– Может, приняла нас за своих.

Флора повернулась к молчавшему до сих пор туристу с яхты.

– Можете что-то сказать по ситуации?

Спасённый поёрзал на сиденье.

– Я был на яхте... до того, как она рассыпалась в пыль. Внутри никого не было.

– Куда же они девались?

– Не знаю. Потом я видел конец корвета... в смысле, как он рассыпался, проткнутый «бамбуковым» стволом. Там чуть дальше стоял и ещё один ствол, под которым был виден жёлтый песок.

– Американец, – хмыкнул Илья.

– Наверно.

– Странно, что здесь торчит не их спасательный модуль, а китайский. Видимо, китайский космолет, как и наш «Победитель», сумел вовремя убраться из пятна...

– Возможно, он используется.

– Кем?

– Теми, кто сажал и нас.

– Интересная идея!

– Расскажите, что помните, – попросила Флора. – Ещё раз: как вас зовут?

– Терентий... Дергачёв.

– Я майор Дрёмова, это Илья, Симон, Шамсуд и Женя.

– Если коротко...

– Да, покороче.

Терентий помолчал и в течение нескольких минут поведал спецназовцам историю своего путешествия на борту яхты «Синтрейл».

В кабине ещё несколько секунд стояла тишина. Потом завозился на сиденье Звягинцев.

– М-да, весёлая получилась экскурсия. Значит, виноват во всех ваших бедах этот товарищ гид?

– Обвинять никого не хочу, но, судя по его переговорам, он ещё на Земле получил карт-бланш пройти к Солнцу, минуя погранслужбы.

– Что теперь об этом говорить, – поморщился Илья, – если все пассажиры и экипаж яхты погибли. Вам явно повезло, что вы сумели уцелеть.

– Так получилось.

– Ладно, потом обсудим это везение, – решила Флора. – Оптимал, выпускай мышат.

– Есть, командир! – отозвался компьютер катера.

Кормовой люк тамбура открылся, из катера шмыгнула пятёрка юрких «мышей» – разведывательных кибов размером с человеческий локоть. Они разбежались по «раскалённой чугунной сковороде», которой казался пол под «големом», и в течение нескольких секунд обнюхали все щели, углубления и складки «чугуна».

Компьютер свёл их донесения в единый пакет, доложил обобщение десантникам, показав два наиболее интересных с технической точки зрения места под пузырьём. Одно являлось круглым углублением диаметром с метр, почти чёрным по сравнению с багрово светящимся полом, второе представляло собой опять-таки круглое возвышение высотой в полметра и диаметром в три, покрытое чёрным сетчатым рисунком.

– Люки? – определил Илья назначение конструкций.

– Проверим. – Симон посоветовался с интуицией и выбрал углубление.

«Голем» поднялся в воздух (по сути – в нагретую до температуры в триста градусов субстанцию, ионизированную смесь водорода с гелием), завис над ямой. Включился гамма-локатор катера. Экран высветил какие-то растяжки, коленчатые рычаги, спирали и перепонки.

– Не люк, – сказал Илья.

– Кишки, – прыснул Шамсуд.

– Давайте колупнём ямку пробоотборником, – предложил Балуев.

– Состав материала ничего нам не даст, – покачал головой Илья. – Лучше прорезать в полу дырку. Сделать неймсом аккуратный разрез, запустить туда «мышей» или кибя посерьёзней.

Ответить Флора не успела.

Дно углубления под катером протаяло светящимся окном, из него выметнулась вверх, растопыривая гигантские пальцы-щупальца, механическая рука и цапнула катер снизу, как ладонь – банан!

В следующее мгновение ожил выпуклый выступ, накрытый «люком». Он вырос в высоту и начал разделяться на щупальца, очень быстро меня конфигурацию. К «голему» устремился пульсирующий огнём «осьминог», накрывая его сверху. Пол помещения прорезала от углубления к выступу расширяющаяся щель, и оба механизма увлекли катер в глубины тюльпановидного лепестка. Не только люди, но и компьютер катера ничего не успел сделать, так быстро произошла метаморфоза интерьера. Кванк, хоть и оценил ситуацию намного быстрее пассажиров, не стал реагировать на случившееся как на нападение, имея при этом программу боевого реагирования. Он лишь увеличил плотность пакета защитных полей.

Система обзора во время этой пертурбации не выключалась. Десантники увидели, что «щупальца» и «пальцы» унесли катер всего метров на двадцать под «чугунный» пол «лепестка тюльпана» и утвердили в центре помещения, стены которого напоминали толстый слой светящегося торфа. Только цвет этого «торфа» показал, что он тоже нагрет до высоких температур.

«Рука» и «осьминог» исчезли, растаяв в пламенной щетине. Движение замерло, если не учитывать медленную пульсацию света: «торф» то светлел, то темнел, подчиняясь непонятному ритму. Человеческие глаза не могли смотреть на такое яркое свечение, и лишь поляризационные сетки системы обзора спасали десантников от ослепления.

– Это же ковш для расплавленной стали! – раздался голос Симона.

– Температура воздуха две семьсот... – начал компьютер, принявший, очевидно, возглас майора за команду дать параметры среды.

– Прямое ДО! – оборвала его Флора.

Аббревиатура ДО означала «дистанционное обследование», и эта программа обычно предваряла боевую тревогу, хотя пока автоматика сооружения не проявляла враждебных намерений.

Процесс ДО длился минуту. Кванк «голема» представлял собой мощный технический интеллект, способный оценивать ситуации в сверхскоростном режиме и реагировать на большинство угроз космоса. При необходимости он мог принимать решения по спасению жизни (как экипажа, так и людей вне борта) самостоятельно. Но в данный момент такой самостоятельности от него не требовалось, и он

лишь действовал по канонам известной программы сведения риска к абсолютному минимуму.

Глубоко просканировать корпус сооружения не удалось. Оно всё-таки находилось в фотосфере Солнца и было нагрето почти до приповерхностной температуры. Каким образом материал «тюльпана» не плавился и не испарялся при такой температуре, можно было только догадываться. Как сказал Женя Балувев, вероятнее всего, материалом сооружения послужила сама солнечная плазма, сохраняя его форму благодаря силовым полям.

Локаторы катера действительно не могли работать адекватно в кипящем котле излучений, но всё же дали представление о помещениях, а точнее – о пустотах за пределами толщи «торфа». Одно располагалось под дном пещеры, другое уходило трубой далеко за пределы «торфа».

– Какого дьявола местная автоматика перенесла нас сюда? – задал риторический вопрос молчавший до сих пор капитан Звягинцев. – Почему китайский катер она не тронула, оставив его наверху?

– Видимо, потому что китайцы погибли, – предположил Терентий.

– Так какого хрена от нас понадобилось местным ИИ?

– Узнаем.

– Как?

– Раз модуль не оставили в покое, а перенесли сюда, значит, надо ждать продолжения банкета.

– Сколько ждать? – осведомился Звягинцев. – Час, день, месяц?

– Не гони лошадей, капитан, – сказал Илья. – В крайнем случае вскроем эту консервную банку неймсом и вернёмся.

– А давайте посигналим, – предложил черноглазый и улыбчивый Умутов. – Пока мы сидели тихо, нас не трогали, а как только мы начали маневрировать под пузырьём, снова сработала здешняя автоматика.

Флора задумалась. Илья сказал с улыбкой:

– Представлю к награде, лейтенант.

– За что, товарищ майор? – удивился Шамсуд.

– За креатив.

– А мне медаль не положена? – обиженно проговорил Симон. – Я тоже подал не менее креативные идеи.

– Я поделюсь с тобой медалью, – простодушно сказал Умутов, развеселив остальных.

По команде Флоры компьютер помигал прожектором, прошёлся по стенам помещения лазером, заставляя «заросли мха» светиться ярче.

Ждали минуту, две, пять, а когда терпение лопнуло и Илья хотел отдать приказ пробиваться из глубин «торфа» наверх, странная автоматика сооружения в очередной раз отреагировала на действия землян. В гуще пламенных кустиков протаяла дыра, из которой ударила струя чистейшего изумрудного пламени! Вонзилась в лоб «голема», не пробила ни силовое поле, ни корпус, обтекла его коконом и погасла. С потолка «ковша» упала на пол капля прозрачного фиолетово-синего пламени и вдруг превратилась в человека в таком же защитном скафандре, в каких сидели десантники, только без шлема. К «голему» он стоял спиной.

Пауза длилась две секунды.

– Упасть не встать! – изумлённо выдохнул Симон. – Кто это?! Там же температура...

Человек повернулся к катеру лицом.

Терентий издал восклицание.

На людей глянул... гид яхты Жозе Бартоломео! Улыбнулся, лицо его исказилось, перетекло в лицо капитана яхты, потом в лицо неизвестного Терентию человека (изумлённо охнул Илья) и так ещё несколько раз, показывая лица космолётчиков и китайских десантников, пока не остался последний представитель «портретной галереи»: капитан российского корвета Родион Поддубный. Он пошевелил бровями, разглядывая катер, и динамик внешней аудиосистемы принёс голос псевдокапитана:

– Кто вас послал? У меня нет информации о контакте. Сообщите код допуска в мою зону оперирования. Даю минуту. Если пересечение случайно, вы будете присоединены к системе.

– Кто... вы?! – жёстко проговорила Флора.

– Не имеет значения, это программа Улья. Можете называть меня так же – Улей.

– Объяснитесь! О каком случайном пересечении и коде доступа идёт речь? Кто должен дать вам информацию о контакте?

– Тридцать секунд.

– Прекратите угрозы!

– Двадцать четыре...

Флора повернула голову к Илье.

– Работаем по ВВУ-ВК!

– Слушаюсь! – в один голос ответили Остроумов и Оптимал.

Локация 11

Земля. Коскон

Головная контора службы космической контрразведки Российской Федерации находилась в Плесецке, рядом с военным космодромом. Неподдалёку от неё располагался и ЦЭОК, раскинувший свои базы, специальные и научные институты на площади в сто двадцать гектаров. А так как Климук управлял своим подразделением, имея рабочий модуль на базе спецназа, добираться до контрразведчиков ему было недолго. Вызванный в девять часов утра пятого марта, он уже в девять тридцать был в здании Коскона, возведённом в стиле «футуршока»: с какого бы угла и расстояния посторонний человек ни наблюдал за ним, видел одно и то же – сверкающую кристаллическими гранями и углами друзу горного хрусталя.

Полюбовавшись с минуту на этот шедевр современной архитектуры со стороны паркинга, Лаврентий направился к зданию, приводя мысли в порядок.

Заместитель директора Коскона Егор Иванович Поддубный ещё вчера вечером прибыл на базу ЦЭОК и проговорил с Климуксом два часа, обсудив с ним кандидатуры всех руководителей Центра с точки зрения их надёжности и эффективности. Предателей, работающих на чужеродные службы, в структуре ЦЭОК они не нашли, да и не искали, хотя Поддубный, чей сын погиб на Солнце год назад, намекнул Лаврентию Павловичу о возможности такого сценария. После этого он попросил Климукса проанализировать в том же ключе всех руководителей Российского Космического Союза и ВКС России, которых тот знал, и полковник, провозившись с анализом чуть ли не всю ночь, разочаровался в работе контрразведчиков до глубины души. Он даже обругал себя, что согласился оценивать коллег и глав силовых блоков, вдруг сообразив, что эта работа сродни давней европейской традиции наушничать, ябедничать и жаловаться на всех, кто не нравится информаторам. Успокаивало одно: анализ деятельности и поиск эмиссаров неведомых внеземных конкурентов человечества был по-настоящему необходим в условиях нависшей глобальной угрозы погашения Солнца. Кем бы ни был этот агрессивно настроенный

монстр с колоссальными возможностями, для своих целей он явно использовал людей, готовых на любое преступление ради своих корыстных интересов.

Рабочий модуль, или, по старинке, кабинет, каковые и к концу двадцать первого века не утратили функции центров принятия решений и отдачи приказов, располагался в одном из многогранных кристаллов здания на четвёртом уровне. Климук ни разу у контрразведчиков не был, поэтому с интересом прошёлся взглядом по интерьеру кабинета, обслуживаемого кванком, цифранж которого имитировал зал визинга космических яхт. В данный момент «яхта» Поддубного летела над поверхностью Марса, сопровождая один из его спутников – Фобос.

Стол владельца кабинета напоминал глыбу аквамарина, мерцающую световыми зарницами и звёздами, а оба его разворота представляли собой метрового размера объёмы виомов. В глубине левого виднелось схематичное изображение Солнца, второй показывал Меркурий с высоты около полусотни километров.

Поддубный был не один. В одном из двух гостевых кресел сидел длиннолицый мужчина лет пятидесяти, у которого были выстрижены виски и затылок. Лицо его обрамляли седоватые баки. На нём был уникод официала правительственного стандарта серо-белого цвета, а на рукаве виднелся шеврон российского МИДа. Климук знал его: это был советник министра иностранных дел Савва Гриневич.

– Проходите, – кивнул на кресло Поддубный, широколицый, черноглазый и чубатый.

Климук подошёл, пожал руку привставшему гостю, потом хозяину модуля, сел.

– Принесли? – спросил контрразведчик.

Лаврентий Павлович протянул ему кристаллик флешки. Ещё вчера решено было все обсуждения темы «инопланетного заговора» вести только при личном присутствии во избежание утечки информации, и Климук вполне понимал контрразведчиков. Если в Косконе окопался лазутчик агрессора, от его манипуляций не помогла бы никакая сверхсовременная квантовая криптозащита.

Егор Иванович воткнул вспыхнувший кристаллик в стол.

Левый виом опустел и воспроизвёл текст.

Хозяин кабинета и первый гость пробежали текст глазами.

Поддубный повернулся к полковнику.

– То есть вы утверждаете, что в наших рядах шпионов нет, Лаврентий Павлович?

Климук покачал головой.

– Основа моих наблюдений – результат здоровья нации, Егор Иванович. Полсотни лет назад специальная военная операция на Украине закончилась капитальной чисткой властных и финансовых структур государства от либерального слоя предателей. К счастью, эта тенденция сохранилась, и перевёртыши и оборотни в погонах в спецслужбах не находят особой выгоды от сиюминутной наживы. Я не исключаю каких-то отклонений в психике больших начальников, но это уже тема медицинского освидетельствования. Кое-кто в высших эшелонах власти мне не нравится, и тем не менее это не причина видеть в них предателей не только государства, но и всего человечества в целом.

Поддубный повернулся к виому, дочитал все три страницы текста.

– ООН?

– ООН, – кивнул Климук. – Этим институтом до сих пор руководят США, а там негодяев, лжецов, обманщиков, уродов, предателей – полным-полно! Не меньше, чем в Европарламенте. Искать тех, кто обеспечил пожирателям Солнца свободу действий в течение целого года, надо там.

Поддубный посмотрел на советника.

– Ваши мнения совпадают, Савва Леонтьевич. Председатель Совбеза ООН...

– Йозеф Моргмайер, – закончил Гриневич. – Я скинул вам всю инфу по этой кандидатуре. Но, к сожалению, есть подозрение, что и в наших рядах окопались кроты этих ребят.

– Погранслужба.

Гриневич кивнул.

– Яхту «Синтрейл» пропустили к пятну на Солнце намеренно именно наши пограничники. Они якобы обнаружили её слишком поздно. Надо проанализировать весь меркурианский отряд.

– Но зачем нашим пропускать яхту на заведомо смертельно рискованный маневр? Они что, не понимали, что спуск на Солнце может закончиться трагически?

Гриневич пожал плечами.

– А это уже ваша проблема – найти причину.

Поддубный ещё раз пробежался глазами по записи флешки.

– Я оставлю ваши записи у себя.

– Хорошо, – согласился Климук.

– Что нового по солнцеходу?

– Машину придётся ремонтировать. Сейчас она поднялась над хромосферой Солнца на миллион километров. Как говорит капитан «Победителя», стебель «бамбука» пробил корабль до третьей палубы.

– Как такое возможно? Корабль был закапсулирован «зеркалом»... э-э... силовым полем!

Климук шевельнул плечом.

– Нам неизвестна физика пятна. Оно демонстрирует какие-то неизвестные учёным законы.

– От Дрёмовой есть известия?

Лаврентий Павлович качнул головой.

– Нет. Запущенные к пятну дроны не вернулись.

– Что собираетесь делать?

– Сегодня вечером я с отрядом СПАС-центра и ксенологами отправлюсь на Меркурий. Наша группировка будет усилена до восьми стратегов плюс два десятка орбиталов. После ремонта «Победителя» пойдём на Солнце.

– Китайцев не будете привлекать?

– Ещё не решено.

– Будьте готовы к тому, что с вами полетит наша особая группа.

Климук выпрямился.

– Это решение...

– Начальника Коскона Махоничева. Согласовано с вашим руководством.

– Подчинение?

Поддубный улыбнулся, понимая подоплёку вопроса.

– Решим.

– Координация групп?

– Возьмите эту обязанность на себя.

Климук облегчённо перевёл дух, хотя эмоции на лице его не отразились.

– Хорошо. Позвольте вопрос?

– Слушаю.

– Мы как мантру повторяем, что Солнце начали гасить зелёные человечки, имея в виду пришельцев.

– Потому что это единственный вариант ситуации.

– Не единственный.

– По этому вопросу в первую очередь надо разговаривать с ксенологами, – сказал представитель МИДа.

– Нам тоже не мешает прикинуть варианты, чтобы быть готовыми к неожиданности, – возразил Лаврентий Павлович. – Что, если подозрительные солнечные пятна – результат деятельности самих жителей Солнца?

Собеседники обменялись взглядами.

– Интересно, – хмыкнул Гриневич.

– Жители Солнца? – с сомнением поднял брови Поддубный. – Идея не новая.

– Не новая, писатели высказывали подобные ещё в начале века. Но от этого она не стала совсем нереальной.

– В принципе, почему бы и нет? – сказал Гриневич. – Пусть аналитики РКС прикинут её состоятельность.

Поддубный озабоченно погладил бровь.

– Хлопот прибавится. – Глянул на Климука. – Как вы себе представляете жителей Солнца?

– Плазменные или полевые структуры, – сказал Лаврентий Павлович. – Вы не знакомы с творчеством старинного американского писателя Саймака?

– Нет.

– У него есть рассказ «Однажды на Меркурии», написанный ещё в середине двадцатого века. В нём он изобразил обитателей Меркурия в виде полевых конфигураций.

– Фантастика, – отмахнулся Поддубный.

– Совершенно верно.

– Если в этой идее действительно есть здоровое зерно, – сказал Гриневич, – нам придётся подумать о реализации контактов с... э-э... подсолнечниками.

Поддубный рассмеялся.

– Как? С подсолнечниками?

– Надо же как-то называть жителей Солнца. – Гриневич ощупал лицо Климука тёмными глазами. – Если честно, идея мощная. Никто

из нас не подумал о такой возможности. Правда, возникают дополнительные вопросы. Почему подсолнечники, если они и вправду существуют, до этого момента о себе никак не заявляли? Второй вопрос: зачем им отсасывать солнечную плазму, если они там живут? Причём не в одном районе солнечной поверхности, а по всему шару.

– Надо покумекать. Спасибо, Лаврентий Павлович, вы нам помогли, хотя и подкинули тему для размышлений.

– Разрешите идти?

Гриневич встал, пожал ему руку.

– Удачи вам на Меркурии, полковник. Повстречаете саймаковских меркурианцев, передайте привет.

– Непременно. – Климук улыбнулся, протягивая руку заместителю директора Коскона. – Всегда к вашим услугам. Ещё одно замечание: я очень хорошо знаю комиссара Погранслужбы Барина, довелось служить вместе в меркурианском СПАС-центре. Это очень... э-э, как бы сказать помягче, сложный и властный человек. Способен на исключительно непростые решения.

Гриневич посмотрел на Поддубного.

– Я вам говорил.

Заметив заинтересованный взгляд Климуга, руководитель Коскона кивнул.

– Мы обсуждали эту кандидатуру. Ещё раз спасибо.

Лаврентий Павлович сдвинул каблучки и вышел, унося два взгляда людей, тоже умеющих принимать непростые решения.

Локация 12

Солнце. Пятно

– Выходите, – сказал фантом, принявший теперь облик Григория Лютаева, улыбаясь совсем как живой человек, хотя было понятно, что это не человек и вообще не живое существо из плоти и крови, так как температура воздуха под куполом «капли» была далеко за пределом человеческой выносимости. Да и воздухом атмосферу под прозрачным пологом назвать было трудно, потому что он здесь представлял собой смесь паров металлов, водорода и гелия.

– Я его сейчас... – процедил сквозь зубы Илья.

– Подождите, – торопливо сказал Терентий. – Есть возможность выяснить, куда мы попали и что произошло.

– Каким образом? Вряд ли нам удастся захватить этого парня. Перед нами видеофантом или проекция.

– Я выйду и поговорю.

– А если он и тебя переориентирует в свою веру?

– Не переориентирует, – улыбнулся Терентий, чувствуя на себе изучающий взгляд Флоры. Командирша спецназа волновала его, и ему приходилось больше следить за своей речью и поведением. – Тот, кто его послал, мог бы просто связаться с нами либо попытаться воздействовать на нас каким-то излучением. Но он поступил иначе. Значит, либо не имеет возможности воздействовать на наше сознание, либо не хочет начинать контакт с угроз.

– Всё равно это риск. Предлагаю послать парламентёром формеха^[8].

– К нам вышел не робот, а посланник с индивидуальной внешностью, и мы должны отреагировать соответственно.

– Командир?

– Идите, Терентий, – решила Флора. – Защитник прикроет вас в случае необходимости.

– Не тяните, – посоветовал «фантом» Григория, – присоединяйтесь.

Странным образом его приглушенный голос был слышен как через внешние аудиодатчики, так и через наушники раций. Подумав над этим, Терентий понял, что слышит не звуки голоса, а мыслеречь «Гриши».

– Что значит – присоединяйтесь? – насторожилась женщина. – К кому присоединяться? Или к чему?

– К моему Улью, – ответил приятель Терентия. – Со мной тут завязано в систему больше сотни сознаний.

– Объясните!

– Секунду, товарищ майор, – сказал Терентий. – Так мы будем долго играть в вопросы и ответы. Открывайте люк, я выйду.

– Оптимал, по моей команде.

– Жду, – лаконично сказал компьютер катера.

Терентий зарастил шлем и проследовал в кормовой тамбур аппарата. Сработала мембрана, показав контур люка, и он вышел на горячий «асфальт» купола, проминавшийся под ступнями. За ним баскетбольным мячом выкатился защитный бот.

Псевдо-Григорий посмотрел на «мяч», усмехнулся, шагнул к парламентёру как нормальный человек. Свёрнутый валиком шлем так и остался у него на плечах. Если бы не показания датчиков, высвечивающихся на внутренней поверхности забрала шлема Терентия и сообщавших ему о параметрах среды, можно было подумать, что встреча проходит в помещении на Земле.

– Рассказывай, – предложил другу Терентий. – Мы считаем, что твой индивидуальный носитель мёртв, а ты на самом деле голографический трансформер. С другой стороны, это означает, что мертвы и все твои спутники.

– Только в биологическом формате, – снова заулыбался Гриша. – Абсолютно все личностные черты наших сознаний сохранены в Улье.

Лицо приятеля неуловимо быстро изменилось, перетекло в лицо девушки.

«Галима», – узнал француженку Терентий.

Затем фантом в течение нескольких секунд принимал очертания туристов яхты, последним опять мелькнуло лицо гида Жозе Бартоломео, и на Терентия снова посмотрел Гриша, с которым он был знаком не один год.

Губы посланца неведомого Улья зашевелились.

– Терёха, аудиоконтакт неинформативен, давай перейдём на ментобмен. Я зайду к тебе в мозги, и ты разом узнаешь все подробности происходящего.

– Спасибо, Гриня, – фыркнул Терентий. – Мы в неравном положении, и рисковать мне ни к чему. Ежу понятно, что вы и меня превратите в призрака. Ответь на пару вопросов, я обсужу ответы с парнями в катере, и мы решим, в каком формате общаться с тобой. То есть с твоим Ульем. Кстати, что оно такое вообще? Разумное существо? Робот? Компьютер?

– Нейросеть, – без запинки ответил Гриша. – Не совсем нейро, но близко. Он тут всем заправляет.

– И отсосом плазмы?

Григорий прищурился.

– Вижу, ты в курсе. Хотя откачка плазмы – не главный процесс, это всего лишь сопутствующие солнечные потери.

– А что главное?

– Давай всё же выйдем на прямой контакт. Ты ничего не почувствуешь. Я вольюсь в твою пси-сферу, и ты сразу всё узнаешь.

– И я останусь человеком?

– Я же остался?

– Ты сейчас видеопризрак.

– Физическая оболочка не имеет значения.

Терентий покачал головой.

– Для меня имеет. Но допустим, ты вольёшься, и что потом? Останешься в моей голове?

Гриша рассмеялся.

– Наоборот, ты останешься в Улье вместе со мной.

– Благодарю покорно, отменная перспектива – стать одной из программ нейросети.

– А у вас больше нет других шансов остаться живыми.

– Вот с этого и надо было начинать. Ладно, дай мне время посоветоваться. Ответь хотя бы на один вопрос: кто вы? Откуда? Из какой части Галактики? И вообще, зачем вы откачиваете солнечную плазму? Солнце далеко не самый мощный источник энергии. Существуют чёрные дыры с аккреционными дисками, квазары, да и звёзды в тысячу раз ярче.

– Это уже целых три вопроса, – издал смешок Гриша. – Мне одному трудно ответить на все сразу. Итак, вы присоединяетесь?

– Ты не ответил мне на вопрос, кто вы.

Григорий посерьёзnel.

– Боюсь, придётся потратить на ответ не одну минуту. Меня торопят.

– Скажи ему...

– Я – это он и есть. Ну, или я – часть его. Нам очень не хватает рабочих сознаний, особенно тех, кто принимает решения в Солнечной системе. На нас сейчас работают всего пять-шесть человек на Земле, этого мало. Мы срываем процесс. Ваше присоединение позволило бы нам закончить Переход раньше.

– Переход?

– Иди, советуйся с твоими коллегами. У тебя всего две-три минуты.

– Так и не ответишь?

Григорий ушёл мыслями в себя: было заметно, что он ведёт мысленный диалог с невидимым собеседником.

– Мы из таких далей, – ответил он наконец, – что ты, скорее всего, не поверишь.

– Да ладно, – со смехом сказал Терентий, – даже простому обывателю давно известно о существовании ветвящейся мультивселенной с бесконечным количеством метавселенных меньшего размера. Из какой вы?

– У вас две минуты, – сказал Григорий, становясь прозрачным. – Отсчёт пошёл.

– Чёрт! – донесла рация голос Ильи Остроумова; он слышал переговоры от начала и до конца. – Упорный парень! Так и не признался.

Терентий развернулся и влез в кормовой люк «голема».

* * *

С минуту сидели молча, поглядывая на прогуливающегося по «асфальту», как по квартире, Григория. Потом Илья проговорил, посмотрев на Флору:

– Надо уходить. Иначе этот чёртов Улей и нас превратит в толпу «сознаний».

– Нас не выпустят, – сказал Звягинцев. – Из этого пузыря мы, может быть, и уйдём, но из-под большого вряд ли. Катер не имеет варп-движка.

– Мы ещё не пытались пробиться по полной программе, – возразил Умутов. – Не использовали ни «кинжал», который, между прочим, снабжён «нульхлопом», ни скорчер.

– Эти ребята опередили нас технологически на тысячу лет, а то и на миллион, раз сумели построить такую систему отсоса энергии.

– Какие ребята?

– Те, что создали Улей.

– Может быть, он сам и создал.

– Какая разница?

– А я думаю, что Улей всего лишь компьютер, управляющий системой откачки. Кстати, а куда он потом сбрасывает поглощённый запас? Почему мы не видим потоков света, лучей, джетов?

– Хороший вопрос.

– Гриша уверяет, – вставил слово Терентий, – что Улей даст нам всю информацию обо всём, что тут происходит, и о хозяевах системы.

– Да, но какой ценой? Закабалив нас? Превратив в цифровые копии?

– Ну... наверно, да...

– Послушай, парень, – проговорил Звягинцев, – по твоим словам, этот твой друг проговорился о каких-то начальниках, которые работают на Улей.

– При этом он добавил, что этого мало, нужно присоединить к Улью ещё больше людей.

– То есть превратить в зомби.

– Ну... да...

– А кто уже запрограммирован?

– Он не сказал.

– Надо будет предупредить контрразведчиков.

– Сначала надо освободиться, – буркнул Умутов.

Илья повернулся к молчавшей Флоре.

– Командир?

– Прошу прикинуть, каковы наши шансы пробиться за пределы этой камеры, джентльмены.

– «Голем» рассчитан... – начал оправдываться компьютер катера, посчитавший «джентльменом» и себя.

– Мы в курсе, – перебил его Илья.

Оптимальный умолк.

– Надо не ждать, а действовать, – покачал головой лейтенант. – Пока они ещё надеются на нашу добровольную сдачу в плен.

– Давайте я ещё раз поговорю с ним, – предложил Терентий. – Может, Гриша проговорится.

Взгляд Флоры стал острым: она приняла решение.

– Ваш друг сказал, что у нас нет шансов. Так или иначе мы станем пленниками Улья. Поэтому нет смысла начинать новые переговоры. Добровольно мы не сдадимся. Надеюсь, парни, возражений не будет.

– Никогда! – сверкнул глазами Звягинцев.

– В таком случае попытаемся прорваться. Оптимальный, режим «атака»!

– Готов.

– Полная упаковка!

Спецназовцы уселись на сиденья поплотней, зарастили шлемы. С небольшим запозданием то же самое сделал Терентий.

Флора вытащила из панели вириала изящные рожки мнемонауправления, чмокнула присосками к вискам шлема, включая мысленный режим управления аппаратом. Замерла на несколько мгновений, налаживая контакт в состоянии «один на один».

– Погнали!

Терентий с чувством вины проводил взглядом Гришу, хотя понимал, что человеком тот уже никогда не будет. Прости, дружище, но мы не желаем становиться цифровыми ботами.

«Голем» подскочил с места стоянки над «лепестком тюльпана» сразу на пять метров.

Гриша в этот момент уже направлялся к нему, явно потеряв терпение, и отреагировал на прыжок аппарата потерей человеческих чертаний: тело размазалось призрачными полотнищами, осталась неизменной только голова. Что с ним стало дальше, Терентий не увидел.

«Голем» выстрелил из гравитонного излучателя по куполу, молнией прыгнул вверх, превращаясь в копье, охваченное жидким слоем пламени. Купол не выдержал разряда, в его прозрачной оболочке образовалась дыра, и вскипевшие края дыры стремительно вывернулись в подобие водянистого кувшина, падая на «раскалённый асфальт» поля под возвышением потоками воды.

Катер вылетел под следующий купол, в тысячи раз превосходящий по размерам «капли» на вершинах «цветочных лепестков». На преодоление десятка километров пространства под куполом ему потребовалось не больше доли секунды, но с какой бы скоростью он ни двигался, система контроля этого жуткого «доильного аппарата» в форме исполинской щётки действовала быстрее.

Рисунок чёрных струй в пламенном небе изменился, образуя самую настоящую паутину с мелкими ячейками, и «голем», метнув вперёд молнию электрического разряда, торпедой вонзился в неё! Однако не пробил насквозь, а проделал глубокую воронку! Прогнувшись, паутина под всеобщий вскрик пассажиров кинула аппарат обратно, как ракетка – волан! Кувыркаясь, катер пролетел несколько километров, косо пошёл к танцующей «щётке». Компьютер, не дождавшись команды пилота, остановил падение в десятке метров от «бамбуковых» острий. Позвал:

– Командир!

Никто не ответил. Флора и её спутники потеряли сознание. Удар «ракетки» был так силён, что поглотитель гравитационного поля в кабине не смог погасить инерцию, и спасли людей только антиперегрузочные полевые компенсаторы костюмов. Иначе они превратились бы в комки студня с переломанными костями, порванными сухожилиями и кровеносными сосудами.

Терентий пришёл в себя быстрее остальных. Открыл глаза, судорожно откашлялся, ощущая горечь во рту от глотка обжигающей жидкости: компьютер скафандра воткнул ему в губы трубочку специального препарата. Соседи не шевелились, Флора тоже, стеной виом показывал под «големом» волнующееся море «бамбука», а над ним – надвигающуюся «авоську», сплётенную из чёрных нитей.

– Командир? – слышался тревожный голос Оптимала. – Жду указаний!

– «Авоська»... – прохрипел Терентий.

- Не понял?
- Нас пеленают... освободись!
- Слушаюсь.

«Голем» выстрелил по сетке, почти накрывшей катер, из гравитонного излучателя, заложил вираж, но улетел недалеко. Разряд гравитонов «авоську» не уничтожил, а лишь отбросил в сторону, и она снова устремилась к земному аппарату.

Оптимальный выпустил очередь гравитационных импульсов, сработавшую как серия ударов боксёра по голове противника.

Сетка развернулась, меняя рисунок ячеек. Но у Терентия не было сомнений, что её владелец не оставит намерений заграбастать попавшуюся в силки птичку.

- Оптимальный...
- Внимаю!
- Дай мне «один на один»!
- Режим подключен к пилоту...
- Дай мне, иначе мы погибнем!

Компьютер сделал почти незаметную паузу.

- Возьмите девайс.

Терентий придвинулся к сиденью Флоры, снял с неё рожки менара. Чмокнули присоски. В голове свистнуло, перед глазами развернулась россыпь светящегося «планктона». Зрение скачком приобрело небывалую ранее остроту и чёткость.

- Ищи путь! – пробормотал молодой человек.

«Не понял».

«Ищи путь! – мысленно повторил Терентий. – Надо попытаться прорваться на нижний уровень лимбы».

«Лимбы?»

«Весь этот узел – лимба, у неё не один уровень. Катер посадили под колпак, ты сам послал бота посмотреть люки. Там были щели».

«Бот не вернулся».

«Возвращаемся к тому постаменту в форме цветочного лепестка и ныряем в щель!»

«Выполняю».

«Голем» крутанулся, избегая объятий настырной «авоськи», стрелой метнулся к возвышению, переставшему быть каплей. Её

прозрачный купол после выстрела из гравика разлетелся «водяными» струями, оплыл и не восстановился.

На все пространственные кульбиты катеру потребовалось около трёх секунд. «Авоська» отстала, и это дало беглецам время добраться до основания «капли».

В этот момент очнулась Флора.

– Что происходит?!

Оптималь торопливо сообщил ей о решении Терентия, пока тот продолжал вести катер и искать щели в дне «капли», не отвлекаясь на разговоры. На компьютер разделение функций не влияло, он мог выполнять множество дел одновременно. Люк, или, вернее, кольцевой выступ в материале дна «капли», он обнаружил первым.

«Вижу вход!»

– Флора... э-э... майор... передать вам управление?

Женщина наконец поняла, в какое положение попал аппарат.

– Продолжайте!

– Бей! – рявкнул Терентий.

Катер выстрелил.

«Кулак» гравитонного разряда вонзился в утопленную крышку люка и выбил её куда-то в недра постамента.

– Вниз!

Катер нырнул в отверстие, бесшумно сшибая корпусом какие-то рычаги и рёбра. Вспыхнул прожектор, высвечивая прямой колодец, багровые стенки которого походили на кольчатые сегменты червя. Под катером появился ещё один раскалённый плоский щит, олицетворявший пол или же потолок следующего этажа лимбы.

«Ваше решение?»

«Где „авоська“?»

«Не вижу».

«Пробивай!»

Катер выстрелил.

В полу образовался кратер, края которого взорвались слоем ярких искр.

«Ещё раз!»

Оптималь выстрелил дважды, углубляя кратер.

Пол наконец не выдержал, в нём протаяла чёрная звёздчатая дыра.

«Вниз!»

«Голем» нырнул, обдирая ободом корпуса края отверстия.

На сей раз они вылетели не в шахту, а в сложной формы помещение, стены которого состояли из чёрных стержней разной длины. Чем-то они напоминали стебли «бамбука» на самом верхнем этаже комплекса. Они танцевали, то уходя вразнобой в глубь стен, то вырастая. Примерно так же плясала и поверхность пятна где-то высоко в фотосфере Солнца, разве что те стержни были не в пример больше.

Катер застыл.

Компьютер показал дыру в потолке помещения, через которую они пробились сюда. Дыра быстро зарастала чёрными прыщиками, в конце концов превратившимися в стержни, из которых состояли стены. Через несколько секунд катер оказался в чёрном мешке с танцующими стенами. Размеры мешка из-за пляски стержней и причудливой формы определить было трудно, однако он был не меньше найденных на Луне пещер, объём которых достигал десяти и больше кубических километров.

Взмокший Терентий сбросил рожки менара.

– Берите управление...

Флора взяла рожки, оглядела необычную пещеру, поворачивая прожектор катера. Луч отразился от чёрной кристаллической глыбы, висящей в центре зала между танцующим потолком и полом. Но глыба не танцевала, в отличие от стен, и казалась куском антрацита величиной с храм Василия Блаженного на Красной площади в Москве.

Зашевелились остальные мужчины.

– Не знаю, как вы, – пробормотал Звягинцев, – а я еле выжил! Все рёбра болят!

– Спасибо, турист, – проговорил со слабой улыбкой Илья.

Флора свернула конус шлема, посмотрела на Терентия.

Он тоже открыл шлем. Проговорил сипло, извиняющимся тоном:

– Простите, ради бога... за своеволие... я ничего не мог придумать... кроме бегства.

Она вдруг наклонилась к нему и поцеловала в щёку.

Локация 13

Солнце. Улей

Человеческий язык слишком беден, чтобы описать движение материи, а тем более духа, в будущих тысячелетиях и миллионолетиях. Возможно, с этим не справится и человеческое воображение, отталкивающееся от пережитого прошлого, и человеческая мысль, упирающаяся в границы и пределы реальности. И хотя непостижимого во Вселенной не существует, как уверяют философы, человек принципиально ограничен в своих представлениях и фантазиях в рамках нынешнего состояния Универсума. Он не может даже представить четвёртое измерение, будучи рождённым трёхмерием. А понадобилось это вступление только потому, что описать Разум, опередивший человеческий на триллионы триллионов лет, невозможно с тем лексиконом, которым снабдила нас природа. Поэтому любое описание геометрии и логики будущих Разумов невольно будут приблизительными и по большей части неверными.

Вот мы и подошли к Улью.

Впрочем, даже название «Улей» не отражает и сотой доли его восприятия, возможностей и предназначения. Мы много нынче говорим об искусственном интеллекте, подразумевая, что он вырастет из компьютерных и нейронных сетей, сращённых с человеком. Улей в какой-то степени тоже можно назвать искусственным интеллектом, хотя это, по сути, далёкий потомок первоначальных компьютерных организмов, чья эволюция принципиально отличалась от человеческой в частности и от гуманоидной в общем.

Разумеется, Улей на Солнце (февраль-март две тысячи семьдесят седьмого года по летоисчислению человека, что соответствовало фулл-кайнозой четыре миллиардов четырёмсот пятидесяти пяти миллионов ста тридцать семи тысяч лет от рождения планеты-колыбели Земля) представлял собой лишь долю Разума от всего выжившего Уля, ставшего центром Осознанной Зоны Вселенной. Он был достаточно мощен для управления определённой Системой Выживания в локальном районе и по расчётам Головной Зоны вполне должен был справиться с порученной задачей. Однако всего через год

(земной, конечно) он внезапно осознал, что ему мешают. Чтобы понять, в чём дело, Улей захватил небольшой контингент мыслящего роя, называющего себя человеческой цивилизацией, и столкнулся со странным переживанием сродни дежавю, словно из глубин его памяти заструился запах узнавания. Но человеческих сознаний внутри самого Уля не хватало для воссоздания утерянного, и он запланировал шаги, не предусмотренные программой.

Первый шаг – связаться с Безусловно Великим Улем.

Второй – захватить какое-то количество из роя сознаний местной системы, используя уже ранее использованные мыслесферы. Это были люди из разряда тех, кто в данной системе имел право принимать решения.

Связь с Безусловно Великим не требовала ни много времени, ни много энергии. Достаточно было соединить свои эффекторы с любой лимбой, по которой передавались потоки энергии звезды, а главное – отрицательной энтропии, в необозримые дали расширения вселенского Горизонта, и струна контакта возникала сама собой.

Систему лимб-отсоса Улей соорудил за два земных года, имея под рукой отличный строительный материал в виде гелий-водородной солнечной плазмы, мощных магнитных полей и световых потоков.

Чуть сложнее оказалось выудить из хаоса передач людей нужную информацию (девяносто девять процентов передаваемого контента являлись просто информационным мусором) и навязать помощникам свою волю. Для этого пришлось подчинять их программе конспирологической болтовни (как известно, дьявол создал миф, что его не существует, именно с помощью фейков о своём присутствии), разработанной ещё до возникновения Безусловно Великого Уля в незапамятные времена. Но тут возникла неожиданная проблема.

В отличие от собственно носителей интеллекта, которых легко было перепрограммировать посулами беспрецедентной власти, с компьютерным искусственным интеллектом и машинами, на которые люди спихнули обслуживание собственных запросов, договориться было непросто. Любое изменение нескольких базовых алгоритмов приводило к зависанию компьютеров (люди уже овладели квантовыми технологиями) либо к сбою и потере функционала. Улей несколько раз столкнулся с этим феноменом и понял, что придётся больше использовать самих людей, особенно обладающих властью. Их не

хватало, поэтому приходилось использовать тот контингент, что попадался, так сказать, под ноги. Так в распоряжении Улья оказалась сотня человеческих особей, которых также пришлось освободить от мешающих работать в гравитации Солнца биологических оболочек. Они, конечно, помогли оценить многие аспекты бытия человеческой цивилизации, но всё равно их было недостаточно для усиления потока отрицательной энтропии, и Улей принялся искать новые источники сознаний, способных влиться в общее интеллектуальное облако.

Когда к центральной лимбе, в ядре которой располагался портал, отправляющий солнечную энергию и поток минус-энтропии к потребителю – Безусловно Великому Улью, приблизилась скорлупка с индивидами, не претендующими на высокие интеллектуальные показатели (сами они называли себя туристами), Улей не побрезговал и «ширпотребом». Затем попытался завербовать ещё один отряд специалистов на борту машины, называемой солнцеходом, однако это оказалось ошибкой. Машина была неплохо защищена, имела возможность передвигаться в пространстве со скоростью, превышающий порог передачи информации в трёхмерном континууме, и ей удалось избежать падения в лимбу. Уничтожить её теперь не имело смысла, потому что тогда людям удалось бы раскрыть замысел Улья, что вряд ли поспособствовало бы процессу.

Зато десантированным с борта солнцехода аппаратом управляли сознания более высокого уровня, чем туристы, и мысль подчинить их показалась Улью удачной. Он выбрал парламентаря из группы туристов, показавшегося ему более смыслёным, и в порыве псевдогуманизма послал к аппарату для честных переговоров. Но внушить пассажирам свою волю не успел. Они оказались более активными и быстрыми, думали качественнее, а главное – обладали мощной независимой волей, натренированной на преодоление экстремальных эксцессов. По сути, это были ростки будущей мыслящей структуры, до которой человечество ещё не дошло, несмотря на повальную цифровизацию всего бытия. Люди в аппарате не поддались на уговоры, их попытка вырваться из объятий лимбы за пределы Солнца не удалась, однако теперь эта пятёрка, подхватившая странным образом уцелевшего физически туриста, проникла внутрь узла и представляла собой вирус, который необходимо было удалить. Правда, ничего опасного этот вирус, по мнению Улья, не представлял,

и он принял решение «дозомбировать» сознания беглецов в удобный момент.

Если честно, он вообще был настроен скептически по отношению к белковой форме жизни, хотя сам как вершина древнего Разума являлся потомком именно органической формы, создавшей биоцивилизацию, канувшую в небытие, как все подобные виды разумной жизни.

В памяти Великого Улья сохранились сведения о бесчисленных свидетельствах гибели биологических видов Разума, в большинстве случаев произошедшей из-за внутренних принципиальных противоречий и жажды власти любой ценой, которая, в свою очередь, базировалась на принципах конкурентного выживания, характеризуемого местным словечком «бизнес».

Процесс мышления таких созданий, как Улей, представляет собой именно улей – то есть собор сознаний более мелких организмов-клеток, которыми могут служить как нанообъекты (вплоть до групп атомов), так и макрообъекты (существа больших масштабов). Улей Солнца состоял как раз из конгломерата существ типа земных крыс, хотя в нём присутствовали и сознания крупнее, принадлежащие существам наподобие людей. Поразмышляв о последствиях проникновения лазутчиков, Улей связался со своим резидентом на Земле и передал ему данные о солнцеходе и «вирусах».

«Действуйте, камрад, – добавил он, выходя на компьютерный контакт в образе бога Зевса. Абонент в данный момент занимал апартаменты в новом здании ООН в Новой Зеландии. – Паника в спецслужбах нам не нужна».

«Она уже началась, – мрачно обронил резидент, имевший вид седого джентльмена с благородным лицом. – Вы должны были предусмотреть, что, как только начнёт гаснуть Солнце, возникнет паника».

«Уберите паникёров! – равнодушно бросил Улей волю-мысль, хотя и ощутил всплеск раздражения, человеческого лишь на малую долю. – Главное – задержать экспансию ваших служб на Солнце, чтобы они не могли повредить систему лимб».

«Это сделать очень трудно!»

«Делайте, что можете, награда обеспечена».

«Мне нужны дополнительные ресурсы».

«Составьте список, передайте, мы обсудим. Свяжитесь с другими резидентами в спецслужбах Земли, они помогут».

«Как только получу дополнительные средства».

«Получите». – Улей прервал связь, подумав, что ему не хочется помогать выжить этой цивилизации из-за деятелей, готовых продать миллиарды соотечественников.

Локация 14

Земля. Москва

Международный женский день 8 марта две тысячи семьдесят восьмого года праздновали на Земле только сатанисты, служители сект «Мечтатели Смерти» и «Новый Миропорядок» – неофашисты, а также культуртрегеры ЛГБТ. Несмотря на панику, накрывшую планету в связи с падением светового солнечного потока, эти «благодетели нового порядка» – по сути, нелюди в человеческом обличье – вышли на улицы больших городов Европы и обеих Америк (в отличие от жителей более или менее сохранивших достоинство и спокойствие азиатских стран) с лозунгами: «Свобода самовыражения – всё! Идентификация пола – ничто!»

Досмотрев передачу, Поддубный вызвал по кодовой линии заместителя. Через несколько секунд генерал Твердохлёбов появился за столом переговоров. Одетый в стандартный униформ служящего СПАС-управления, он был суров на вид, имел мощный лоб и не менее впечатляющие челюсти, голубые глаза и волосы ёжиком стального цвета.

– Слышал? – Поддубный кивнул на стену, на которой мигал значок ТВ. – По всем каналам.

Твердохлёбов понял.

– Только добавляют масла в огонь. А полиция глаза закрыла.

– Полиция тоже в панике. Впрочем, давай по делу. Климук уже на Меркурии, не звонил?

– Нет.

– Надеюсь, он быстро разберётся с ситуацией. Я просмотрел материал на Барина, и у меня возникли кое-какие соображения. Во-первых, установить новейшие наносистемы подслушки.

– Уже.

– Во-вторых, перлюстрировать все его переговоры за год.

– Сделаем.

– В-третьих, выяснить все связи на всех уровнях.

Твердохлёбов кивнул.

– По полной программе, Егор Иванович. Кроме того, я попросил наших коллег из Интерпола дать оценку работы Совбеза ООН, результаты скоро будут.

– Ты встречался с Бариновым?

– Много раз, на Совбезе и по делам.

– Я имею в виду приватно, на отдыхе.

– Нет.

– А я однажды пересёкся с ним в Магадане, где два года назад открылся ещё один азиатский СПА «Четыре сезона».

– И как он тебе?

Поддубный показал усмешку, вспоминая предупреждение полковника Климука.

– Своеобразный мужик. Любит показать, что он везде главный. Нагнал страху на сервис-службу.

– Шишка на ровном месте.

– Шишка, хотя ровным местом его службу не назовёшь. Там надо серьёзно работать, а он зарекомендовал себя как жёсткий руководитель.

– По отзывам его родственника, с которым я встречался по долгу службы, генерал очень расчётлив. В семье его даже прозвали Арифмометром.

– Как? – удивился Егор Иванович.

– Арифмометрами пользовались сто с лишним лет назад, это простое счётное устройство, предшественник вычислительных машин.

– Что ж, человек он действительно интересный, очень не хотелось бы верить в его непорядочность.

– Слишком велики и разносторонни у него связи для чиновника такого ранга, отвечающего за деятельность защиты периметра страны. К примеру, он не раз созванивался с председателем Совбеза ООН.

– Это ещё ни о чём не говорит, звонил наверняка по делу.

– А жена Баринова – сестра известного прибалтийского правозащитника геев Долбиньша.

Поддубный поморщился.

– Давай пока о нём не рассуждать. Важнее то, что его структура допустила ошибку, пропустив к Солнцу яхту «Синтрейл». Вот что надо расследовать в первую очередь.

– Занимаемся. Не только наши пограничники стерегут периметр Солнца, яхте каким-то образом удалось миновать аж три пояса охраны. Да и на Лаврентия Павловича можно положиться. Полковник человек опытный и въедливый, почует сразу, что стоит за этим косяком пограничников. По моим представлениям, кто-то намеренно подогнал яхту к Солнцу, чтобы она рухнула на пятно.

– Хочешь сказать, что хозяева агрегата отсоса энергии намеренно провернули эту операцию?

– По логике вещей – да, вероятность большая. А это, в свою очередь, позволяет утверждать, что у них на Земле подготовлена агентура.

– Вряд ли Баринов главный эмиссар. Для подобных манипуляций в космосе у него не хватает полномочий.

– Согласен, должен быть координатор повыше уровнем, и похоже, что все ниточки тянутся к ООН и Совету безопасности.

– Но чтобы доказать причастность Совбеза ООН к деятельности «дояров», кем бы они ни были, а потом и взять их с поличным, нам понадобится карт-бланш от генсека.

– Это уже не мои проблемы, – поджал губы Твердохлёбов. – Выходите на Мазина, на Колесникова, на президента наконец, пусть помогут.

Поддубный кивнул. Он и сам понимал, что без поддержки директора ФСБ и председателя российского Совета безопасности не обойтись.

– Нужны доказательства.

– Будут.

– Тогда работаем.

Фигура Твердохлёбова растаяла.

Поддубный повернулся к виому и принялся разбирать материалы, поступавшие из всех районов Солнечной системы.

Локация 15

Земля. Новая Зеландия

Штаб-квартира ООН переехала из Нью-Йорка на новозеландский остров Те Ика-а-Мауи ещё полсотни лет назад, почти сразу же после победы России в специальной военной операции по денацификации Украины, означавшей и проигрыш НАТО, и смену парадигмы однополярного мира, основанной на гегемонии США. Штаты потеряли право быть всемирным надзирателем в две тысячи двадцать четвёртом году, а ещё через три года, после яростного сопротивления многополярному миру во главе с Россией и Китаем, отдали и площадку для зомбирования других земных наций. Хотя, по мнению сотрудников внутренней безопасности Совбеза, влияние на структуру ООН американцы сохранили и нередко склоняли принять решения в угоду политическим соображениям.

Для ООН на острове Те Ика-а-Мауи было построено современное здание высотой в двести этажей, с видами на океан и другие острова Новой Зеландии. В нём нашлось место и для кабинета генсека ООН, и для залов заседаний, в том числе – для совещаний Совета безопасности, члены которого с удовольствием использовали зал для встреч формата он-фейс, несмотря на возможность собираться удалённо.

Формой здание напоминало ажурную эмблему ООН, видимую даже из космоса, что поражало воображение космических туристов, испытывающих чувство гордости за столь яркое проявление человеческого могущества.

Председателем Совета Безопасности ООН в этом году стал голландский политолог Йозеф Моргмайер, сухонький человек с бульдожьим лицом, пришедший в ООН с места секретаря НАТО. Все знали, что сей муж, несмотря на вовсе не brutальный вид, был большим любителем интимных экспериментов с рептилиями. Но выбору этого господина, имевшего в геноме целых четыре ДНК от разных фенотипов, на роль главного радетеля безопасности человеческой цивилизации поспособствовали племенные франко-немецко-британские диаспоры Европы, и Моргмайер стал рьяно

защищать человечество от возможного вторжения зелёных человечков, как когда-то его предшественники защищали «европейские традиционные ценности» от «агрессивных русских».

Впрочем, особо усердствовать в охране человеческой цивилизации Моргмайеру не пришлось из-за отсутствия самих зелёных человечков. Во всяком случае – до нынешнего момента. И никто из его коллег по Совбезу не догадывался, что на самом деле Моргмайер уже год служит господину, явившемуся откуда-то из-за границ Солнечной системы. А началось это сотрудничество год назад, когда его вызвал к себе на приём Генеральный секретарь ООН, тоже Йозеф, но Пинкисевич, араб-трансвестит, известный своей неоднозначной позицией к Ирану. Он и предложил Моргмайеру послужить «делу мира и прогресса», что означало работать на неведомый клан под названием Улей. Что это такое, Моргмайер не выяснил до сих пор. Впрочем, Улей его интересовал только в связи с обещанием оплатить услуги золотыми горами, а главное – поддержать внедрение в социум Земли любых гендерных экспериментов, наследующих «творчество» ЛГБТ-сообществ. И Моргмайер согласился, не задумываясь о последствиях.

Позже ему объяснили, что нужно делать, и за год председатель Совбеза ООН сумел рекрутировать в помощь Улью несколько важных персон, контролирующих важные структуры в области безопасности цивилизации. Среди них были и президент ФРГ Шольц-третий, и глава ЦРУ Поппер, и комиссар российской Погранслужбы Баринов. Ему-то он и поручил усилить группку людей в Улье, для чего был разработан план туристической экспедиции и к Солнцу прибыла яхта с двадцатью туристами и одиннадцатью членами экипажа.

Но восьмого марта Моргмайеру снова позвонил глава ООН, предложил встретиться в офисе, и Йозеф отправился к нему, мечтая, что когда-нибудь сможет вызвать к себе на ковёр любого правителя Земли, в том числе и главу Организации Объединённых Наций.

Пинкисевич пил коньяк. Гость заметил бутылку армянского «Арарата» под столом. Заметив взгляд Моргмайера, хозяин скривил губы.

– Хотите, герр Йозеф?

– Благодарю, не буду, – ответил глава Совбеза, передразнив собеседника, – герр Йозеф. Что случилось?

Пинкиевич поморщился.

– Мне позвонил русский. Они послали к Солнцу ещё одну спецгруппу.

– Почему он позвонил вам, а не мне?

– Очевидно, был занят. – Пинкиевич сделал крупный глоток, позеленел, схватил стакан с боржоми, отпил половину.

– Это нарушение субординации, – ответно поморщился Моргмайер.

– Оставьте, – сказал Пинкиевич севшим голосом. – На кону судьба проекта. Русский сообщил, что им заинтересовалась контрразведка.

– Пусть не отвлекается. Нам поступило ещё одно задание – найти побольше расходного материала и подбросить Улью.

– Сейчас это невозможно, там толкуются два десятка кораблей разных спецслужб. Плюс новая группа русского спецназа.

– Вот их в первую очередь и надо скормить Улью.

Взгляды обоих функционеров ООН встретились.

– М-да. – Первым отвёл глаза Пинкиевич. – Идея хорошая. Только как это сделать? Не заставите же вы русских отправиться прямиком на Солнце добровольно?

– Поставим задачу Баринову. Как-никак он имеет весомую должность и в качестве комиссара Погранслужбы России вполне может попасть на борт солнцехода.

– Зачем?

– Якобы для усиления контроля. Русские выдумали формат соблюдения ответственности...

– Квалитет.

– Да, квалитет, и для особо важных решений собирают тройку лидеров, способных отвечать за последствия выбора. На борту солнцехода в настоящий момент находится всего один ответственный руководитель такого ранга – полковник Лаврентий Климук, командир спецназа их операционного центра. Баринову не составит труда доказать руководству Российского Космического Союза свою необходимость быть на солнцеходе. Тем более что пограничники принимают непосредственное участие в процессе охраны космического периметра Системы.

Пинкисевич задумчиво пожевал пастилку с запахом лайма, дуриана и полыни (он любил лёгкие наркотики), сел за стол.

– Свяжитесь с ним, объясните цель. Но придётся пообещать ему поощрение вдобавок к уже обещанному. Человек он сложный, харизматичный, на обычные посулы не клюёт.

– Пообещаем, – ухмыльнулся Моргмайер. – По нашим данным, он трикстер, достаточно молод и любит отдыхать в смешанных компаниях, вот мы и предложим создать лично для него группу эротического удовлетворения. Он останется доволен.

Пинкисевич скептически поиграл бровью, нехотя кивнул.

– Вообще-то нужно что-то посерьёзней и поэкзотичней, экзосексом нынче никого не удивишь.

Моргмайер выпрямился во весь свой небольшой росточек.

– Вам бы тоже не мешало подумать, герр Йозеф. К дьяволу этикет и обещания, хватит нянчиться с русскими, надо просто внушить ему и всем шестёркам, что они должны делать. Спецсредств для этого у нас достаточно, бритты давно делают наносуггесторы.

В глазах генсека ООН зажётся недобрый огонёк, но он сдержался.

– Готовьте Баринова. Босс требует ускорить доставку ему расходного материала.

Моргмайер молча повернулся и вышел, подумав, что ему всё труднее терпеть манеру поведения генсека, будто он тут главный. На самом деле герр Пинкисевич был только ширмой, маскхалатом, прикрывающим деятельность агентов Улья. Но без него выполнять порученную Ульем (вот бы увидеть, как выглядит этот пахан) задачу было трудно.

Локация 16

Солнце. Лимба

Глаза устали так, что казалось, будто в них насыпали песка.

В конце концов Флора дала команду отдыхать. Наметили план дежурства, Илья согласился заступить на пост первым, и космолётчики разложили сиденья.

Терентий заснул не сразу. Сначала убедился в том, что катеру ничто не угрожает, защита справляется с пляской гравитационных и электромагнитных полей, понаблюдал за спутниками, понял, что Флора уснула, и прилёг сам. Гудящую голову охватила приятная истома...

Проснулся он через час с минутами, несмотря на свою свободу: туристу дежурить не предложили.

Илья уже спал, и его сменила Флора. Заметила движение спасённого, повернула голову.

– Спите, спите, пока представилась возможность.

– Не хочу, нервы, – признался молодой человек. – В такие передряги я ещё не попадал.

– Никто из нас не попадал, – слабо улыбнулась женщина.

Её строгое лицо от улыбки преобразилось, и Терентий с восхищением подумал, что она очень красивая.

– Как вы думаете, почему этот местный комп нас не выпускает? Что ему нужно от нас?

– Комп? – удивился Терентий.

– Кто же ещё? Не житель же Солнца, в самом деле. Мы попали внутрь технологического комплекса, поглощающего плазму, которым управляет искусственный интеллект, это абсолютно логично, потому что никакие живые существа в таких условиях жить не могут.

– И всё-таки стопроцентной уверенности в этом нет. Ксенологи утверждают, что Разум может иметь и небиологическую основу. А на ваш вопрос можно ответить аналогией: зачем лимбе понадобилось сажать яхту? А до этого – американский шаттл и наш корвет?

– Вы сказали – лимбе?

Флора прикусила губу.

– Мне показалось, что комплекс дойки удобнее называть короче – лимба. Не говорить же всё время «солнечное пятно».

– А-а...

– Согласны?

Терентий вспомнил, что он сам недавно предложил такой же термин.

– Пусть будет лимба.

– Я имею в виду, вы согласны, что нас захватили с той же целью, что и корабли перед нами? Солнцеходу удалось уйти только благодаря присутствию на борту ВСП-движка.

Терентий выпятил губы, делая вид, что размышляет. Но говорить собеседнице, что он полностью с ней согласен, было ни к чему.

– С какой же целью нас... э-э... пленили?

Флора ответила такой же слабой улыбкой.

– Это нам и предстоит выяснить. Кстати, я очень удивлена вашим чудесным спасением. На яхте было тридцать человек, а спаслись вы один.

– Повезло.

– Это больше, чем везение.

Он промолчал, озадаченный оговоркой командира группы.

Некоторое время они наблюдали за танцем чёрных столбов, из которых состояли стены странной пещеры.

Потом Терентий сказал:

– Что вы собираетесь делать?

– Выбираться отсюда, – ответила Флора после паузы.

– Может быть, посмотрим, что это за гора угля висит в центре?

– Решим позже, спите.

Тогда он откинулся на спинку сиденья и снова уснул.

* * *

Спали около четырёх часов, вряд ли выспались, однако тревога не покидала души, и Флора объявила завтрак, разогретый кабиной системы бытового обслуживания. Еды хватало, и всем достался полноценный рацион: каша, тушёное мясо, сыр, кофе.

Сложили упаковки в контейнер, пшикнуло, и контейнер оказался пустым: все компоненты завтрака разлагались на молекулы, сжимались в пластинки и те упаковывались в мусоросборник.

– Поехали, джентльмены, – сказала Флора, усаживаясь в кресло пилота. – Предлагаю осмотреть кристаллит в центре пещеры, после чего поищем здешнее начальство.

– Ты думаешь, оно тут обитает? – спросил Илья.

– Увидим.

– Интересно, почему за нами не гонятся? Дали поспать. Неужели тут нет систем видеоконтроля?

– Сама хочу знать.

Флора нацепила дугу менара.

– Запаковаться!

Мужчины послушно развернули шлемы.

«Голем» двинулся к «антрацитовый» кристаллической глыбе, не проявлявшей к аппарату никакого интереса. Но стоило катеру приблизиться, как выпуклые рёбра и углы кристаллов поплыли, сглаживая рельеф каменных изломов, пока вся глыба «антрацита» не превратилась в гладкий шар.

– Фиксирую увеличение потока энергии стен, – доложил Оптимал. Терентий охнул.

– Быстро смываемся!

Спутники посмотрели на него.

– В чём дело? – спросил Илья.

– Это приёмник энергии! А то и передатчик! Лимба сбрасывает её куда-то! Мы свалились прямо в антенну передачи! Вот почему нас перестали преследовать! Хозяин лимбы знал, куда мы попадём!

– Да ладно...

– Уходим! – процедила сквозь зубы Флора.

Катер метнулся к стене, вонзая в неё гравитонный разряд.

Внешние динамики донесли приглушенный грохот.

В стене появился кратер диаметром в десяток метров, сгладивший танцующие столбы из неизвестного материала. Но стену удар не пробил, и Флора выстрелила ещё раз.

Грохот, чёрное облако сажи, сверканье электрических молний!

Дно кратера углубилось, образуя звездообразную дыру, и «голем» вонзился в неё гигантским дротиком!

– Оптимал, ищи боковое ответвление, ход или нишу!

Катер заскользил вперёд, освещая путь прожектором.

Было видно, что коридор всё время заворачивает правее, и Звягинцев догадался:

– Это кольцо!

– Если это впускной инжектор, – проговорил Илья, – где-то должен располагаться впрыск.

– Нам это не поможет, – торопливо произнёс Терентий. – Надо уходить с оси подачи!

Катер миновал небольшое углубление в полу коридора, видимое как понижение высоты столбов. Из стен они высывались на пятьдесят метров, из пола в этом месте – всего на метр-два, причём здесь они были в два раза тоньше.

– Назад!

«Голем» сдал кормой назад.

– Бей!

Оптимал выстрелил.

Гравитационный импульс вогнал столбы в углубление ещё на десяток метров, и второго не потребовалось: столбы разошлись каруселью по спирали, освобождая проход, в который брызнул неяркий жёлтый свет. Катер протиснулся в отверстие и оказался в другом тоннеле, круглого сечения, диаметром в десять-двенадцать метров. Стенки этого аппендикса длиной в двести метров тоже топорщились круглыми пнями, но уже совсем малого диаметра, не больше десятка сантиметров. Тоннель был освещён: свет пробивался через щели между столбами в шахматном порядке. Впечатление складывалось такое, что все помещения лимбы монтировались из одного и того же материала одним и тем же способом.

– Вперёд!

Катер сделал длинный прыжок, останавливаясь перед тупиком тоннеля, похожим на горнопроходческий щит.

– Рубим? – предложил Оптимал.

– Подождите, – сказал Терентий. – Это, наверно, шлюз. Надо посигналить.

– С чего ты взял, что это шлюз? – осведомился Илья.

– Интуиция. Здесь не должно быть глухого тупика, да и стена выглядит скорее как ворота.

– Оптимал, посигналь, – приказала Флора.

Катер помигал прожектором. Правда, на положении щита это никак не отразилось.

– Пощекочи его слабеньким гравитончиком, – предложил Звягинцев.

Оптимал послушался, постучав по щиту маломощным «кулачком» гравитонного разряда.

На этот раз автомат запирающего устройства понял, что от него требуется. Сами собой завертелись рычаги на щите, похожие на резцы и челюсти, расположенные по кругу, он треснул на пять треугольных фрагментов, которые разошлись в стороны, приглашая земную машину внутрь помещения.

«Голем» миновал щит и оказался в гигантском полусферическом ангаре всё с теми же столбчатыми стенами, полом и потолком. Только столбы здесь были не чёрного цвета, а прозрачно-голубого, словно состояли из стекла или минерала наподобие полевого шпата.

Ангар был велик – с километр в поперечнике, а его высота в центре достигала примерно трёхсот метров. Он тоже был освещён, но иначе: светился потолок, точнее, щели между свисающими вниз столбами. А в центре зала бок о бок стояли три корабля: американский шаттл, российский корвет с номером 054 на борту и эмблемой РФ и яхта «Синтрейл».

Несколько секунд в кабине катера стояла тишина. Потом Умутов пробормотал неуверенно:

– Я один это вижу?!

Зашевелились остальные. Илья повернулся к Терентию:

– Такое чувство, что ты знал, куда мы попадём.

Терентий покачал головой.

– Не знал, но ждал. И это не реальные машины.

– Что?!

– Реальные корабли превратились в пыль на моих глазах, будто простояли там в «бамбуковом» лесу тысячи лет.

– Командир?!

– Проверим, – сказала Флора. – Оптимал, дрон!

Катер метнул тарелку беспилотника.

Включились камеры аппарата. Но и без них было видно, как он достиг стоянки кораблей и заложил вокруг петлю.

Однако облёт ничего не дал. Как не дал результата и вызов, сделанный компьютером и повторявшийся каждую минуту. Космолёты молчали, и никаких следов вокруг них на «брусчатом» поле видно не было. Беспилотник сунулся было к яхте, чтобы прощупать её борт манипулятором, но его отбросила какая-то упругая плёнка, и эксперимент не удался.

– Похоже, они накрыты силовым полем, – сказал Илья.

Терентий промолчал.

– Может быть, парни там всё-таки живы? – спросил Звягинцев.

Терентий снова промолчал.

– Что скажете, товарищ эксперт? – с иронией сказал Илья.

– Они мертвы, – нехотя проговорил турист. – Гриша ясно дал понять, что его хозяин, некий Улей, выщедил из людей их пси-сферы и предлагает присоединиться к нему.

– Но корабли выглядят настоящими, – скептически буркнул Умутов.

– Цифранж.

– Оптимал, пощупай их на разных диапазонах, – велела Флора.

– Уже пробовал, там сплошное пятно поглощения.

– Говорю же – силовое поле, – сказал Илья.

Терентий молчал.

Флора перестала голосом отдавать команды компьютеру, переходя на режим «один на один», и катер плавным прыжком преодолел расстояние от стены до центра зала. Издалека казалось, что земные корабли стоят вплотную друг к другу, но вблизи стало видно, что корпуса их срослись, составляя скульптурную инсталляцию, а не настоящие конструкции.

– Виф! – прокомментировал Звягинцев.

Терентий не отозвался, давно придя к выводу, что перед ними действительно видеофантом, голографический или какой-то визуальный пузырь со всеми деталями земных изделий.

Катер остановился на небольшой высоте.

По «инсталляции» пробежала волна, поколебавшая их обводы, и выпустила из себя фигуру человека в «кокосе», но без шлема.

– Оба-на! – не сдержался Илья. – Да это же...

– Родион Поддубный! – закончил Звягинцев.

Терентий готовился встретиться с Григорием, но к ним вышел не он, а капитан российского корвета. Прошёлся по «брусчатке» как живой человек, помахал рукой. В кабине прозвучал его тихий голос:

– Как говорил один создатель пьес: все дороги ведут в Рим. Здесь все дороги ведут к Улью. Поговорим?

– Я пойду! – поднялся Илья.

– Лучше всего идти мне, – возразил Терентий.

– Почему?

– Потому что это не человек. Это связник Улья. Стоит мне выйти, и этот парень превратится в Гришу.

– Ну, допустим, и что?

– Психика Гриши не испорчена программами Улья, он может проговориться, и мы сможем узнать скрытую инфу.

– Чепуха!

– Идём вместе, – сказала Флора, положив конец спорам. – Постарайтесь прикрыть нас в случае экстрима.

– Командир! – опешил Остроумов. – Это же наша обязанность!

– Всё нормально, Илья, он прав. А я хочу задать этому Улью свои вопросы.

– Их можно задать, не рискуя.

– Майор!

– Да понял, – проворчал Остроумов.

– Идёмте, Терентий.

Терентий встал, и пара выбралась из кабины под взгляды озадаченных решением командира товарищей.

Первыми из катера выпрыгнули на «брусчатку» «мартышки» индивидуальных защитных ботов. Дождались хозяев, пристроились у ног каждого.

Псевдо-Поддубный посмотрел на них, прищурясь, но промолчал. Температура воздуха в этом месте сооружения достигала четырёхсот двадцати градусов, и Терентий мимолётно подумал, что сам не прочь проделать опыт – откинуть шлем.

Подошли к парламентёру Улья на десять шагов.

– Гриша! – позвал Терентий, включив сразу и рацию, и звуковой передатчик.

Парламентёр с новым интересом посмотрел на него. По идее, видеть человека сквозь плотную ткань костюма и шлем он не мог, но у

Терентия сложилось впечатление, что «Поддубный» видит.

– Повторите, – попросил «капитан корвета».

– Позови Григория, – сказал Терентий.

Брови видеофантома взлетели на лоб, но уже через мгновение выражение глаз и всего лица изменилось. Оно претерпело быструю трансформацию и превратилось в лицо приятеля.

– Ага, ты, – сказал он с привычной весёлой усмешкой, от которой душу Терентия царапнул коготок сомнения. – А это кто с тобой?

– Майор Дрёмова, – заговорила Флора. – Спецназ СПАС-центра. Мы обсудили предложение вашего босса.

– Я и есть босс.

Флора покачала пальцем.

– Не берите на себя больше, чем можете нести. Насколько мы поняли, ваш Улей – система коллективного искусственного интеллекта с внушительными возможностями. Вы в данный момент информационная копия личности землянина, наделённая всего лишь полномочиями переговорщика.

– Я и то и другое, – осклабился Гриша.

– В таком случае объясните на пальцах, кто вы, из какой части Галактики. Или, может быть, из других миров за её пределами?

– Можно сказать и так – далеко за её пределами. Но не в пространстве, а во времени. Это долго объяснять. Присоединяйтесь ко мне, и вы, став частью системы – тут вы правы, – узнаете всё в мельчайших подробностях.

– Пока что мы не считаем благом стать частью системы. Каждый из нас является личностью и желает остаться ею.

– Но вы уже не сможете вернуться на Землю, – простодушно сказал Григорий. – Так или иначе ваши сознания вольются в облако Уля. Но лучше будет, если вы сделаете переход добровольно.

– Мы не спешим.

– Боюсь, дорогая леди, время, отведённое на обсуждение ситуации, кончилось. Терёха, скажи ей... мой босс терпелив, но не до бесконечности. Я ведь и в самом деле предлагаю лучший вариант. Неужели ты хочешь погибнуть?

– А разве ты не погиб?

– Шутишь? – Псевдо-Григорий рассмеялся. – Разве я похож на мертвеца?

– Ты прекрасно понимаешь, что теперь не свободен и уже не сможешь жить по-человечески. Во всяком случае, как и те шишки на Земле, которых завербовал твой Улей.

– Они шестёрки, – пренебрежительно отмахнулся Гриша.

– Ну, не говори, небось президенты, премьеры или боссы спецслужб.

– Один действительно президент, другие – да, силовики типа председателя Совбеза ООН и комиссара Погранслужбы России.

– Да ладно!

– Не, я серьёзно.

Улей, с которым, по сути, и разговаривал Терентий, скорее всего, заподозрил бы в провокационном подводе посланца к признанию, и Терентий быстро добавил:

– Чёрт с ними, ту девчонку, Галиму, с которой мы познакомились на яхте, ты уже не обнимешь.

– Почему? В любой момент. Мы уже вместе!

– Сожалею, но это не тот контакт, который приносит радость и кучу дополнительных позитивных эмоций. Такая близость – всё равно что обнимать надувную куклу.

– Ошибаешься, я могу легко подобрать себе другое тело и вообще менять тела до бесконечности. А кроме того – и партнёрш.

– Не знал, что ты мечтаешь о такой перспективе.

– Да брось, Терёха, ты не представляешь, от чего отказываешься.

– Мне очень жаль...

– Хватит!

Лицо псевдо-Гриши на миг превратилось в чёрный шар, утыканный пляшущими стерженьками толщиной с сигарету. Больше всего шар напоминал колючий плод дуриана. Терентий невольно отшатнулся.

– Я вас выслушал! По-вашему не будет! Мне нужны сознания, много сознаний, а ваши очень информативны и содержательны. Пойдёмте со мной.

– Лучше бы ты влился в наш коллектив.

Григорий театрально вскинул руки, создавая нечто вроде пушистого светящегося покрывала, накинул его на Терентия, и на голову молодого человека упал вихрь необычных переживаний и

ощущений. Вихрь породил сотни мелких щупалец, начавших вгрызаться в мозг и вытаскивать из него мысли и чувства.

Вскрикнула Флора.

Терентий хотел крикнуть: «Назад!» – но язык стал тяжёлым и не послушался.

Флора обхватила голову руками, опустилась на колени.

Терентий напряг все свои защитные силы, активизируя «вшинник» – защитный гаджет от ментального нападения, вшитый под кожу на макушке.

Облако, сдавливающее мозг щупальцами, вдруг превратилось в массажное покрывало, нежно погладившее голову до отсутствия мыслей. Однако Терентий смог продёрнуть сквозь покрывало какой-то нервный узел (так это ощущалось) и наотмашь ударил им по щупальцам, отбивая их натиск.

Голова на секунду прояснилась.

Боты-защитники, не получившие приказа, что им надо делать, бестолково крутанулись вокруг хозяев.

Из катера выпрыгнули спецназовцы вместе с Остроумовым, но их мгновенно накрыли такие же светящиеся облака, сокрушая волю и внушая приказ «влиться в Улей». Все четверо завертели волчком, размахивая руками, как боксёры на ринге. Илья даже успел выстрелить из «универсала», вылезшего из левого плеча, и попал в псевдо-Гришу. Тот исчез. Но буквально через краткий миг появился снова совсем рядом, подтверждая мнение о нём как о видеофантоме, прыгнул на Остроумова, расплываясь живым халатом молний, накрыл майора, и тот упал.

Оружия у Терентия не было, иначе он выстрелил бы по вновь сформировавшейся фигуре Григория, который метнулся к Умутову и накрыл лейтенанта «халатом».

Тогда Терентий схватил Флору в охапку, в три прыжка, не включая антиграв, достиг катера и нырнул в люк вместе с ношей. Люк закрылся, отрезая шум схватки снаружи.

– Оптимал, на форсаж!

Компьютер послушно накрыл катер коконом силового поля и рванул вверх, как ядро, выпущенное из пушки к Луне.

Локация 17

Меркурий – Солнце

На Меркурии Климук бывал трижды, хорошо знал особенности ближайшей к Солнцу планеты, попутешествовал в своё время по сумеречной зоне, на границе дня и ночи, поэтому пейзажами не любовался. Да и некогда было любоваться, решая задачи, которыми он до этого момента не занимался.

Очень много времени пришлось уделять организации российского контингента вокруг светила, включавшего деятелей СПАС-центра, Погранслужбы и сил безопасности. Несмотря на карт-бланш, полученный от директора ЦЭОК и подтверждённый подписями директора ФСБ и главы РКС, Лаврентию Павловичу пришлось столкнуться и с непониманием отдельных чиновников, и с откровенной глупостью, и с неявным саботажем.

Так, больше всего нервов он потратил на контакты не с зарубежными функционерами, а с доморощенными пограничниками, имеющими собственное понимание ситуации и подчиняющимся своему командованию, которое явно не хотело работать под началом какого-то там полковника, пусть и получившего особые полномочия. Дошло до того, что корвету «Дерзкий», откуда Климук со своей спецгруппой в одиннадцать человек хотел переселиться на борт солнцехода, погранзаградители «Мощный» и «Пётр Первый» просто не позволили это сделать. Пришлось связываться с директором ЦЭОК, который, в свою очередь, объяснил, в чём дело, директору ФСБ, а тому понадобилось вызванивать комиссара космической Погранслужбы России и решать возникший затык.

Баринов пошёл навстречу специфически: корвет пропустили со второго раза, а к вечеру девятого марта на борт «Победителя огня» ступил и сам комиссар.

– Я знаю о ваших допусках, полковник, – сухо сказал он Климуку, вызвав его в выделенную ему каюту.

Так как на «Победителе» в данный момент работали специалисты ремонтной бригады Калининградской верфи, создавшей солнцеход,

корабль был забит людьми и техникой под завязку, кают не хватало, но комиссару всё же предоставили отдельную каюту, уплотнив экипаж.

Лаврентий Павлович кивнул.

– Но прошу вас докладывать о каждом шаге, который вы планируете сделать, – закончил Баринов.

Лаврентий Павлович сохранил бесстрастную мину на лице.

– Прошу прощения, товарищ генерал, но я не обязан это делать. Мой допуск подписан не только директором ФСБ, но и председателем правительства. С другой стороны, я понимаю важность проблем и буду по мере необходимости освещать деятельность подчинённой мне группировки.

Баринов мог бы послужить воплощением мужского благородства: потрясающая осанка, твёрдое, правильных биометрических линий лицо (он действительно был трикстером, гены которого родители подбирали специально) с греческим носом, широко расставленными «тигриными» глазами, крутым подбородком и жёсткими губами, обрамлённое светящимся нимбом волос «под седину». Генерал ощупал Климука фонарями глаз. Выглядел он архангелом во плоти, и разговаривать с ним было трудно.

– Будете докладывать мне о каждом шаге, – повторил он сухо. – Положение слишком серьёзное, чтобы мы могли позволить ошибиться кому бы то ни было. Вам ясно?

– Так точно! – ответил Лаврентий Павлович, сдвинув каблуки.

Спорить или доказывать свои полномочия не хотелось, но в душе он понимал, что добром появление комиссара на борту солнцехода не кончится.

В сопровождении двух спецназовцев, окончивших высшие учебные заведения и прошедших хорошую службу в ЦЭОК, Климук нашёл руководителя ремонтной бригады Жестянникова на нижнем ярусе модуля и поинтересовался, как идут дела.

– Нормально, – ответил суетливый подвижный бригадир лет сорока пяти, – через час закончим. Была повреждена обшивка килевого трюма, и вышли из строя три генератора силовых рёбер.

– Вы хотите сказать, что не выдержала силовая защита?

– Да, удар был весьма солиден и пришёлся сначала по генераторам, а когда они отключились и подпитка поля пропала, поплыл и корпус.

– Удивительно! Модуль испытывался в условиях ядерного взрыва.

– Ещё бы, – криво улыбнулся Жестяников, – никто из разработчиков даже представить не мог, что такое возможно. Самое интересное, компьютер силовой узловой поддержки зафиксировал странное поведение аппаратуры всего трюма. Впечатление такое, будто хронометры узла ушли вперёд на три минуты по сравнению со временем Страги, причём все разом.

– Как это может быть? – не поверил Лаврентий Павлович.

– Сами не понимаем, пытаемся синхронизировать всю корабельную систему.

– Это не мешает работе аппаратуры, особенно внутри фотосферы?

– Мы заранее подготовили переход на запасные частоты.

– Хорошо, сообщите, когда закончите.

Климук поднялся в пост управления солнцеходом и с неудовольствием обнаружил там Баринова с двумя парнями брутального вида. Возможно, это были кибы, судя по их неподвижным лицам.

В посту работала смена экипажа в количестве шести человек, сидящих по кругу перед поясным виомом. Капитан солнцехода Олег Соловьёв тоже находился здесь, но не сидел в своём кресле, а стоял рядом, потому что ложемент занимал Баринов. На голове комиссара была дуга менара, что указывало на его связь с компьютером корабля. На Климук он не обратил внимания.

Лаврентий Павлович посмотрел на Соловьёва.

– Ремонтники скоро закончат, Олег.

– Знаю, – буркнул капитан, высокий, худой, длинноногий, похожий на прыгуна в высоту. – Жора мне уже сообщил.

– А о странном поведении хронометров он говорил?

– Об этом ещё Страга доложил.

Климук понял, что капитан недоволен вмешательством комиссара в его епархию, но связан субординацией по рукам и ногам. Тем не менее уходить несолоно хлебавши не хотелось, и он спросил:

– Что это может означать?

Соловьёв поджал губу, сказал нехотя:

– Я не физик... хотя и наши физики не понимают, что случилось. Создаётся впечатление, что нижний трюм рухнул в будущее, а потом

весь модуль его догнал.

– Как – догнал? – не понял Климуk.

– Смотрите, как это выглядело.

Соловьёв вытащил из консоли вириала каплю металла, похожую на кошачью лапку, и в поясном виоме открылась новая закладка: в глубине окна был виден солнцеход во всей красе, а с поверхности чёрной «щётки» в его брюхо снизу вонзалась молния разряда, похожего на электрический.

Запись была сделана в реальном времени, но прокручена в замедленном темпе, что дало возможность увидеть, как часть корпуса солнцехода в месте удара исчезает и появляется вновь через какое-то время, но уже с дырой в обшивке. На этом запись кончалась.

– Не мешайте! – потребовал Баринoв, не оборачиваясь.

Было непонятно, что он делает, но похоже – слушает Страгу.

– Мы не мешаем, – сказал Климуk. – Кто вас снимал?

– Беспилотник.

– Вы его забрали?

– Не успели, его утащила чёрная сетка. Но эту запись передать он успел.

– Непонятно...

– Да уж.

– Прокрутите ещё раз.

Соловьёв нерешительно посмотрел на комиссара.

Климуk сделал понятный жест.

Запись повторилась. Лаврентий Павлович постоял, задумчиво глядя на виом, но в голову ничего путного не приходило, и полковник решил дожидаться ухода Баринoва.

Ожидание длилось всего минуту.

– Идём вниз! – вдруг приказал комиссар.

– К-куда? – опешил Соловьёв.

– В фотосферу.

– Но мы ещё не провели полный контроль!

– Двигаться можем?

– Н-ну... корпус обновили, генераторы заменили... осталась мелочёвка...

– Можем или нет?

– Да...

– Вперёд!

– Но прежде надо высадить ремонтную бригаду.

– Потом.

– Товарищ генерал, – вмешался ошеломлённый Климук, – что за спешка? Мы, конечно же, нырнём в Солнце, но после всех необходимых процедур.

– Я приказываю идти сейчас! Катер с группой Дрёмовой до сих пор находится в пятне, надо их спасать! Немедленно! Вам это понятно?!

– Для их поиска и спасения ведётся работа, нужны спасатели, нужны мощные машины...

– Капитан, врубайте ход!

– Отставить! – налился кровью Лаврентий Павлович. – Прекратите ввязываться в авантюру, которая может закончиться трагически!

Баринов повернул голову к своим сопровождающим.

– Махмуд, убери таможду!

Мощный качок в чёрно-синем унике погранслужбы двинулся к Лаврентию Павловичу, но был остановлен спецназовцем, преградившем ему путь рукой.

Качок попытался выкрутить руку парня – это был капитан Суروهгин, – однако тот устоял, даже не покачнувшись.

Подскочил второй качок, однако нарвался на приём второго спецназовца, лейтенанта Химмеля, и улетел в глубину поста управления.

На плечах комиссара и его людей выросли стволы «универсалов». Губы Баринова изогнулись, готовые отдать приказ.

Спецназовцы Климука посмотрели на командира.

– Товарищ генерал, – сказал Лаврентий Павлович обманчиво мягким голосом, – прошу вас покинуть помещение! Ваше присутствие мешает выполнять экипажу свою работу.

Баринов с усилием взял себя в руки.

– Вы что себе позволяете?!

– Только обеспечиваю безопасность команде.

В рубку бесшумно вошли ещё трое парней в «кокосах» СПАС-центра, присоединились к сопровождавшим Климука.

Баринов косо глянул на них, кивнул головой на дверь.

– Вы будете лишены полномочий.

– После выполнения задания и только в том случае, если это решит спецкомиссия.

Климук кивнул Суровегину:

– Посадите их в каюту!

Спецназовцы в полной тишине повели качков комиссара вон из рубки.

Зелёный от избытка эмоций Баринов последовал за ними.

Соловьёв, набычась, посмотрел ему вслед, повернулся к Лаврентию Павловичу.

– Нажили вы себе врага, товарищ полковник.

– Переживём, – спокойно сказал Климук.

Дав знак своим парням, он двинулся в столовую корабля, вспомнив, что ещё не ужинал.

Через полчаса по персональной линии интеркома ему позвонил Соловьёв:

– Товарищ полковник, Баринов по криптоканалу разговаривал с Землёй.

– Этого следовало ожидать. Кому он звонил?

– Неизвестно, Страга этот канал не прослушивает.

– Ладно, давайте готовиться к походу. Всё равно придётся идти в Солнце и заниматься поисками Дрёмовой.

– Мы готовы.

– Высаживайте ремонтников на корвет.

– Слушаюсь.

Взяв тех же оперативников, капитана Суровегина и лейтенанта Химмеля, Климук проследовал в рубку, надеясь, что Баринов не будет больше качать права.

Действительно, генерала в посту управления не было, однако он появился там через две минуты, экипированный по полной программе экстрим-мероприятий: компенсационный костюм спасателя, турель «универсала» на плече, свёрнутый шлем, в руках дипломат ксенокомплекса «Юкки», обеспечивающий, по расчётам ксенологов, широкодиапазонную связь с представителями иных цивилизаций. Сопровождал комиссара фозм, серьёзных кондиций киб-защитник у ног в образе шестилапого пса.

Точно так же были экипированы и двое его клевретов.

Соловьёв с любопытством оглядел делегацию.

– Куда это вы собрались, джентльмены?

– Они со мной, – бросил Баринов.

– Прошу прощения, товарищ комиссар, но согласно инструкции СРАМ во время манипуляций в экстремальных условиях посторонним находиться в посту управления запрещено.

Климук ожидал, что комиссар вспылит, однако тот остался спокоен. Оглянулся, кивнул.

– Подождите на периметре.

Пограничники вышли.

– Дайте мне запасной ложемент.

Соловьёв посмотрел на Климук, собравшегося сесть в кресло руководителя экспедиции.

– Я постою, – сказал Лаврентий Павлович.

Баринов сел на его место, повозился, устраиваясь, не обращая внимания ни на кого, вытащил из вириала управления консоль дополнительной реальности, положил на неё дипломат коммуникатора и раскрыл. Вытащил оттуда корону менара, нацепил на голову.

Что он хотел сделать, было не совсем понятно, потому что коммуникатор был пока абсолютно не нужен, а управлять кораблём генерал не мог. Климук пожал плечами и кинул взгляд на виом.

– Поехали, Олег. До расстояния в тысячу километров над самым большим пятном.

По каютам и отсекам солнцехода разнёсся гудок предупреждения о начале движения.

Солнце, превращённое поляризационной системой видеообзора в неяркий багровый шар, загораживающий весь фронтальный вид, увеличилось в размерах. Чёрные кляксы солнечных пятен и более тёмные петли протуберанцев стали видны отчётливее.

Перед кораблём возникла на миг яркая световая окружность.

В посту звякнул сигнал предупреждения, напоминающий звон разбитого на куски бокала и известный всем космолётчикам Солнечной системы. Динамики интеркома синхронно заговорили в два голоса, на английском и русском:

– Борт «010», предъявите пропуск!

– Сбросьте, – сказал Климук, имея в виду свой позывной и номер карт-бланша.

Страга послал в эфир гравиграмму.

– Вход в зону разрешаю! – сказали по-русски.

Солнцеход окунулся в фотосферу светила, и пост управления залило цунами пламени разной интенсивности.

Климук закрыл глаза ладонью, но Страга подкорректировал световой поток, пламя почти погасло, проявился псевдорельеф поверхности Солнца – океан текучих капель-гранул плазмы. Показалась россыпь клякс, среди которых прятался и комплекс «дойки Солнца», созданный непонятно кем и непонятно зачем.

– Тысяча, – доложил Страга.

– Ответа нет? – Лаврентий Павлович имел в виду ответ пропавших без вести на призывы, которые слали висящие где-то в этом районе беспилотники.

– Нет.

– Пошли ниже.

Солнцеход начал опускаться.

– Фиксирую нерасчётные колебания шестого сегмента «зеркала», – доложил компьютер.

Это означало, что барахлит щит килевого трюма, с которым возились ремонтники, и Климук без колебаний приказал:

– Назад, до тысячи!

Пламя, охватившее «Победителя», стало тускнеть, превращаясь в стену, потом в сферу кипящего огня, сгладившую гранулированную поверхность Солнца.

Солнцеход поднялся на прежнюю высоту, будучи в «тени» пятна, пребывая в своеобразном колодце, образованном световыми вуалями. По сути, это и в самом деле была тень, так как пятно размером с такую страну на географической карте Земли, как Латвия, загораживало собой потоки фотонов, вырывающихся с поверхности кипящей солнечной плазмы по краям пятна.

– Надо спуститься ниже, – пробурчал Баринов.

– Позже, – пообещал Климук, прислушиваясь к скороговорке Страги, передающего данные о состоянии среды.

Баринов посидел немного в той же позе, потом зарастил шлем.

Впрочем, никто не обратил на это внимания. Экипаж контролировал работу оборудования солнцехода, а эксперты научной группы, сидевшие в отдельном отсеке с информационными

планшетами исследовательской аппаратуры, в большинстве своём молчали, изредка перебрасываясь репликами.

– Поймал сигнал SOS! – внезапно доложил компьютер. – Вторая аварийная частота.

– Пеленг! – отреагировал Климук.

На чёрной кляксе пятна возник светящийся зелёный крестик.

– Это они! – подхватил Соловьёв. – Наши ребята!

– Страга – дрон!

Из днища солнцехода вылетела капля зонда, способного выдерживать ядерные реакции и гигантские температуры.

В пояском виоме откололось диалоговое окно операционной связи, светлющее по мере погружения беспилотника в фотосферу. Через минуту яркий блик указал направление, вычисленное Страгой. Поверхность пятна скачком приблизилась, превращаясь в знакомую «щётку» с пляшущим ворсом. На этом фоне возникла капелька призрачного свечения, начала увеличиваться. Вскоре она превратилась в полусферический пузырь, напоминавший ядрышко драгоценного камня на перстне. Когда до него осталось всего около километра, стало понятно, что драгоценный камень на самом деле представляет собой волдырь какого-то поля диаметром около сотни километров.

– Да мы же отсюда бежали! – воскликнул навигатор солнцехода.

– Не отвлекайся, Стёпа, – буркнул Соловьёв.

– Ниже!

Беспилотник нырнул к бликующей поверхности полусферы, и виом, показывающий его передачу, стал слоем пляшущих снежинок.

– Блин! Дрон оборвал передачу!

– Что случилось?

– Он исчез, – сообщил Страга. – Я его не вижу с борта.

– Надо погружаться! – процедил сквозь зубы Баринов.

Климук помедлил, не понимая, что ему не нравится в создавшейся ситуации.

– Ещё дрон!

– Осталось два в запасе.

– К чёрту дроны! – разъярился комиссар. – Там гибнут люди!

Полковник, я приказываю идти и спасать!

Лаврентий Павлович не ответил, вылавливая мысль.

– На какой частоте был послан сигнал SOS?

– Линия 2S, – ответил Страга.

– Запаска?! – удивился Соловьёв. – Обычно включают главный диапазон.

Климук хотел скомандовать: «Назад!», но не успел.

Баринов провёл ладонью над открытым дипломатом, и на головы космолётчиков, сидевших все как один с открытыми шлемами (мысль, что это нарушение инструкции, так и не произвела на Лаврентия Павловича нужного эффекта, он и сам стоял без шлема), упала призрачная слепота, парализуя их волю и сознание. Все замерли!

– Вниз! – раздался голос из дипломата, полностью копировавший голос Климуга. – Под купол!

Страга услышал и повиновался, потому что никому из разработчиков искина не могло прийти в голову подстраховать его реакцию в подобных ситуациях на случай вмешательства в процесс управления посторонних лиц.

Солнцеход нырнул к полусфере в режиме пикирования. Преодолея остающиеся до пузыря сто километров за две секунды, завис.

Люди не шелохнулись. Суггестор, спрятанный в дипломате, сделал своё дело так тонко, что компьютер, контролирующий состояние каждого космолётчика, ни у одного не заметил каких-либо тревожных психических или физиологических изменений. Пси-разряд его датчики уловили, однако тревоги никто не поднял, и Страга лишь записал в память необычное явление.

– Вниз! – повторил приказ голос Климуга.

«Победитель огня» выстрелил из гравитонного излучателя.

Мощный «копёр» гравиполя, аналогичный массе в миллион тонн, проделал в прозрачном пузыре поля вмятину глубиной в километр, но не пробил насквозь. Тогда Страга дал очередь «копиров», и купол защитного поля не выдержал, образуя дыру с острыми лучевыми краями.

– Вниз!

Солнцеход упал в дыру, которая через мгновение стала стремительно зарастать «стеклом», пока не восстановила купол.

Когда корабль опустился на несколько километров ниже, Страга наконец проговорил, озабоченный молчанием членов экипажа:

– Жду указаний!

– Вниз! – в третий раз повторил голос Климука.

Солнцеход поплыл к щетине «бамбукового» леса, стволы которого увеличивались в диаметре по мере спуска. В момент, когда до зарослей осталось около пяти километров, из «бамбуковых» кущ вырвались вверх десятки чёрных «лиан», объединились в сетку, и та накрыла корабль как настоящая авоська.

– Вот и всё! – пробормотал Баринов с удовлетворением, опуская валиком шлем на плечи.

Если бы кто-нибудь из попутчиков в данный миг посмотрел на генерала, он бы испугался: глаза главного пограничника России были абсолютно чёрными, словно полностью заполненные зрачками.

Локация 18

Земля. Коскон

Поддубный ворвался в кабинет главы Коскона Витаса Васильевича Махоничева, как будто за ним гнался хищный зверь.

– Вам доложили?!

Хозяин кабинета вопросительно посмотрел на зама.

– О решении Совбеза?

Поддубный помотал головой. Махоничев имел в виду ещё не закончившееся заседание Совета Безопасности ООН, где решался главный вопрос: что делать с комплексом отсоса энергии Солнца. До сих пор не было известно, кому понадобилась эта странная идея погасить земное светило, но уже раздавались голоса лидеров многих стран, голосующих в пользу уничтожения сооружений «дойки» любым способом, а если покажутся сами инициаторы, то и этих молодчиков, кем бы они ни были.

– Солнцеход!

– Я был занят...

Из стола Махоничева вылетел световой лучик, изогнулся как живой и вонзился ему в ухо. Глава Коскона замер, выслушивая вызов.

– Понял, спасибо. Нет, работайте по плану. – Витас Васильевич перевёл взгляд на гостя. – Услышал. Сядь.

Поддубный рухнул на стул.

Возникший из ниоткуда «колибри» подал ему стакан воды.

Егор Иванович благодарно кивнул, отпил половину, вернул стакан.

– Мы опоздали.

Махоничев нахмурился.

– Заявление ООН ещё не сформулировано.

– Ясно, что оно будет.

– К сожалению, мы не могли брать комиссара без прямых доказательств.

– Его можно было заподозрить уже после того, как внезапно завис комп Погранслужбы перед прорывом яхты «Синтрейл» к Солнцу.

Именно на него и сослались службы контроля пространства, пропустившие яхту.

– Уже поздно.

– К сожалению, поздно. После встречи с Пинкисевичем он бросил все дела, собрал группу и мотанулся на Меркурий, а там перебрался на борт солнцехода. Это означает, что он...

– Получил задание от эмиссара строителей дойки.

– А ещё – что он уже был зазомбирован, поскольку год инспектировал меркурианскую зону, тайно пропуская к Солнцу экспедиции, которые впоследствии не вернулись.

– Какое он получил задание нынче?

Поддубный pokrивил губы.

– Направить солнцеход к пятну, после чего тот и исчез.

– Зачем ему это понадобилось?

– Напрашивается только один вывод: это понадобилось хозяину-дояру. А зачем – надо думать. Там пропали без вести уже шесть кораблей, сто с лишним человек, никто не вернулся. Что, если они все... живы?

Махоничев покачал головой.

– Живы? Что ты имеешь в виду, Егор?

– То, что и сказал. Управленцу комплексом отсоса зачем-то понадобились люди, вот он их и собирает.

Витас Васильевич вывел в виом изображение Солнца, плеснувшее в лицо руководителям контрразведки волной багрового света. Солнечный шар повернулся, стали видны цепочки пятен, одна из которых формой напоминала лезвие ятагана.

– Значит, думаешь, они живы?

– Хочется надеяться. Но жить на Солнце человек не может. Солнцеход мы создали, однако и он способен находиться на поверхности звёзд непродолжительное время.

– Кстати, о времени. Наши эксперты говорили о каких-то странных эффектах, связанных со временем и отмеченных аппаратурой многих зондов. Якобы при спуске на пятна начинают глючить электронные хронометры. Может быть, стоит обратить на это внимание?

– В Академии наук готовятся устроить симпозиум по проблемам Солнца, связанным с сегодняшним положением дел. Будут

обсуждаться перспективы снижения солнечного потока на климат планет. Наши физики, естественно, тоже там будут, и я могу присоединиться.

– Хорошо, но перспективы у нас, прямо скажем, аховые.

– Хуже некуда, – подтвердил Поддубный. – Сегодня двадцать шестое февраля, в России заканчивается зима, потому что изменились климатические пояса, а температура воздуха в Плесецке упала до минус тридцати. Это нормально?

– В Москве и вовсе минус сорок, – усмехнулся Махоничев.

Над столом снова вырос бутон сообщения, дотянулся лучиком до его уха.

Директор Коскона замолчал и слушал две минуты. Кивнул.

– На связи. – Посмотрел на заместителя. – Принято решение собрать Военный совет наций в течение трёх дней и обсудить удар по Солнцу из всего, что человечество имеет в своих арсеналах на сегодняшний день.

Поддубный заторможенно застыл, потирая пальцем подбородок, перевёл взгляд на шар Солнца.

– Кчмар! Нанести удар по Солнцу... по источнику жизни... Могли кто-то представить подобное ещё десять лет назад?!

– Разве что писатели-фантасты, – усмехнулся Витас Васильевич.

– Интересно, президент присоединится к коалиции?

– Мы все сидим в одной лодке.

– В одной-то одной, но в разном положении.

– Поэтому надо ускорить выяснение, кто именно затеял эту дурацкую процедуру с отсосом солнечной энергии. Иначе нам...

– Кранты! – закончил Поддубный.

Локация 19

Солнце. Лимба

Сознание выплыло из глухой черноты невидимого водоёма, и Терентий выкарабкался на берег, состоящий из обрывков мыслей и чувств. Одно из них – боль в основании черепа – заставило судорожно искать его причину, а разбуженная этим мысль повела за собой остальные. Пробудилась память, заработало зрение.

Он лежал в кресле в кабине «голема», стены которого серебрились инеем. Видеосистема катера не работала. Откуда-то доносились неясные звуки, словно за стеной мяукал кот. Терентий напрягся и понял, что это мяукает система аварийного обеспечения.

Рядом кто-то появился.

Он скосил глаза, увидел человека в «кокосе». Шлем у него был активирован, скрывая обличье хозяина, но зазвучавший в ухе голос принадлежал Флоре:

– Жив, турист?

Терентий приподнялся, с удовлетворением подумав, что он ещё не использовал весь свой резерв. Это давало надежду на благополучный исход миссии. Он сел удобнее, провёл ладонью по лбу.

– Это первый случай... когда я потерял... сознание... Что произошло? Почему я в кресле?

– Ты внёс меня в катер на руках, но в спину тебе выстрелили.

Терентий прислушался к телу. Спина болела так, будто по ней стукнули битой.

– Из чего стреляли?

– Думаю, из гравика, но экзоскелет и поле «кокоса» почти нивелировали удар. Почти. Ты пролежал без сознания всего полчаса, пока я вела катер. Кстати, спасибо за помощь. Ты меня спас.

– Ты... вела?

– Почему тебя это удивляет?

– Но тут же некуда... лететь...

– Я нашла местечко. Направила катер прямо в глыбу антрацита, и мы оказались здесь.

– Где?

– Сейчас Оптимал починит видео, и посмотрим. Во всяком случае, от нас пока никто не требует сдаваться.

– Значит, я отрубился, а ты... а вы?

– Раз уж начал говорить «ты», то и продолжай, – усмехнулась Флора. – До выстрела в спину ты успел отдать команду Оптималу, он закапсулировал «голем» и стартовал. Потом очнулась я.

– Кто стрелял? Я имею в виду – в спину.

Флора отвела глаза.

– Есть запись...

– Кто?

– Мне показалось, что Илья.

Терентий озадаченно выпрямился.

– Майор?! Но он же был в кабине... вместе с остальными...

– Когда парламентёр начал кидаться энергосетками, они выбежали из катера и остались... там.

– Что?!

– Похоже, им мгновенно затемнили сознание, во всяком случае, я сделала такой вывод, и они потеряли адекватность, став на сторону...

– Улья!

Флора кивнула. Достала из упаковки белый шарик адаптогена, положила под язык, протянула ещё один шарик ему.

– Соси.

Он повиновался. Через пару секунд сил прибавилось, боль в спине и суставах отступила.

– Значит, парни начали стрелять. Почему же не убили?

– Во-первых, им помешали наши фозмы. Ребятам пришлось сначала уничтожать их. Во-вторых, они не успели сориентироваться.

Терентий посмотрел на консоль вириала, пульсирующую красными и фиолетовыми огнями индикаторов.

– Что было дальше?

– Я нырнула в режим, Оптимал крутанул карусель, пытаюсь связаться с ребятами. Стрелять они не перестали, но использовали всего лишь пулевой диапазон «универсалов», что для катера как укус комара. А потом...

– Что?

– Посмотри запись. Оптимал, последний хост.

Над торпедой вириала в серебристой стене возникло окно монитора. В нём сформировалось изображение помещения с танцующими по высоте «пнями». Место выхода Терентия и Флоры удалялось, но это не помешало разглядеть развернувшиеся события.

Отчётливо видимую на «брусчатке» четвёрку бойцов Флоры накрыла чёрная сетка, они взялись за руки и упали головами к центру образовавшегося круга. Сетка, вспыхнув, взвилась вверх и растаяла. Спецназовцы остались лежать неподвижно, окружённые шестёркой застывших намертво защитных ботов.

Запись кончилась.

– Фозмы не помогли.

– Они и не могли помочь, Улей взломал их в первую очередь.

– Парни... погибли?

Флора с иронией посмотрела на спутника.

– Это ты должен мне сказать.

– Почему я?

– Ведь ты всё знаешь, что тут происходит, товарищ биохимик.

Или ты вовсе не биохимик?

– Образование получил честно.

– Тогда колись в остальном.

– Ты меня с кем-то путаешь.

– Ох, лучше не рассказывай всю легенду. Не каждый выживает в условиях пси-нападения, как это получилось у тебя. На кого работаешь, мальчик?

Он пожал плечами, усмехнувшись на «мальчика».

– А ты как думаешь?

– Коскон. Сексот уровня «четыре икса».

Терентий засмеялся и умолк, подумав, что время для разговора по душам и правдивых объяснений ещё не пришло.

– В таком случае и ты секретный сотрудник глубокого залегания не ниже «четырёх иксов».

– Я всего лишь майор безопасности ЦЭОК.

– Ладно, пусть будет по-твоему. Предлагаю отложить выяснение обстоятельств до более удобного случая, когда над головой не будет висеть дамоклов меч гибели.

– Согласна, хотя мы сейчас в таком положении, из которого трудно выбраться без помощи извне. Насколько я поняла, у тебя есть

персональный канал связи с начальством?

Терентий подумал, что она не ошиблась с его статусом и вообще с положением «туриста». Но пусть будет уверена, что догадалась верно.

– Сейчас нет. А у тебя? Кстати, ты не сказала, чей ты сексот.

– Не поверишь, – фыркнула она, уходя от прямого ответа. – Они... далеко.

– Понятно... что ничего не понятно. Но давай всё-таки решать проблему, ради которой нас сюда послали.

– Может быть, это разные проблемы?

– Едва ли, я должен узнать, кто построил сеть доильных станций на Солнце, и по возможности мирным путём уговорить их тихо свалить домой.

– Мирным вряд ли получится. Но и я, в общем-то, послана с той же целью. Только предупреждаю: в нашей случайной связке решающим будет моё слово.

Он шутливо поднял руки.

– Ради бога, товарищ майор, без проблем. – Терентий улыбнулся. – Мне будет проще отвечать на вопросы моего командования. Сошлюсь на твои приказы.

– Хорошо хоть предупредил, – покачала головой женщина. – Оптимал, скоро ты там?

– Коррекция видеосистемы закончена, – отозвался компьютер. – Даю обзор.

Металлические стены кабины «голема» стали прозрачными.

Катер висел в тёмной бездне – по первому впечатлению, освещённый какими-то «гнилушками» на грани видимости. Он был окружён плавающими вокруг чёрными столбами диаметром около метра. Длина их колебалась от трёх до полусотни метров, и вблизи становилось видно, что они представляют собой гладкие трубы, заполненные чернотой, как настоящие трубы – нефтью. Длина их менялась: они то укорачивались, то удлинялись.

– Где мы? – поинтересовался Терентий. – Как мы сюда попали?

– Катер вёл Оптимал, – пробормотала Флора. – Последнее, что я увидела перед столкновением с горой «антрацита», был открывшийся перед ним тоннель.

– Оптимал, что это?

– Пещера.

– А видится космическим пространством.

– Показания датчиков плывут, пространство всё время меняет плотность, по нему гуляют неслабые гравитационные солитоны. Но это не воздух. Среда не имеет чётких однозначных характеристик. Температура тоже колеблется. Не меняются только трубы.

– Мерность, – хмыкнул Терентий.

– Что?

– Здесь меняется мерность пространства, к трёхмерию добавляется частица четвёртого или какого-то другого.

– Почему четвёртого?

– Номер не имеет значения, всё равно мы не можем ни одно из них ощущать. В нашем континууме свёрнуты все остальные измерения, кроме первых трёх, создающих объём. Но для нас свёрнутые все на одно лицо. А тут, похоже, какое-то развёртывается дополнительно.

– Ты говоришь так уверенно, будто являешься не биохимиком, а по крайней мере экспертом по физике, спецом в М-теории^[9].

– Меня хорошо учили.

– Оптимал, попробуй сделать шагок.

Катер поплыл было носом вперёд, и тут же произошло перестроение труб: все они одновременно повернулись торцами к «голему». Далёкие «россыпи гнилушек» засияли ярче.

– Фиксирую всплеск полей на всех диапазонах ЭМ-спектра! – озабоченно доложил компьютер.

– Стоп!

Катер остановился.

Трубы снова поплыли в хаотическом «броуновском движении».

– Предлагаю вернуться, – тихо сказала Флора.

– Зачем?

– Убедиться в том, что мои ребята... мертвы.

– Они не мертвы.

– Не поняла? Это же не «коты Шрёдингера»^[10], а живые люди... были.

– Биологически они мертвы, но их сферы мышления теперь...

– Поняла, в Улье!

– Улей и надо искать. Если он, конечно, соизволит сказать, что тут происходит.

– Эта колоссальная пещера не похожа на... гм, компьютер или мозг.

– Улей – что-то совершенно иное, чем мы думаем. Наше воображение просто не в состоянии адекватно воспроизвести геометрию того, что мы видим сейчас как пещеру. Но я тоже считаю, что пещера – не Улей.

– А что?

– Может, какой-то буфер.

– Перед чем?

– Тем же Ульем. Предлагаю проверить.

– Он может отреагировать совсем не здорово.

– Пошлём дрон.

Флора оглядела горизонты «пещеры», не имеющей ни входов, ни выходов.

– Оптимально, разведчик!

– Посылаю.

– Подождите, у меня мысль, – сказал Терентий.

– Удав! – фыркнула Флора.

– Кто? – удивился он.

– Смотрел в детстве старые мультики?

– Я и в этом возрасте смотрю иногда.

– В конце прошлого века появился сериал мультфильмов, героями которых были маргышка, слонёнок, попугай и удав.

– Кажется, я видел в ретрокульте.

– В одном из них удав и говорит задумчиво роскошным голосом актёра Ливанова: «У меня есть мысль, и я её думаю».

Терентий улыбнулся.

– До удава мне ещё далеко.

– Давай свою мысль.

– Оптимально выдал параметры среды, в какую мы попали благодаря твоему мудрому решению.

Флора сдвинула брови.

– Если ты собрался высказывать претензии...

– Вообще нет, я просто подумал, почему нас всё это время не преследуют местные антивирусы?

– С чего ты взял, что они существуют?

– Улей – мыслящий организм, пусть и не материальный, а квантово-полевой, а любой мыслящий организм должен иметь защитную систему. Она тут наверняка имеется, однако нас не тревожит, почему?

Флора проводила глазами проплывающую мимо катера «трубу».

– Ты считаешь, что мы внутри...

– Неокортекса, так сказать, рецептивного поля Уля!

– Какого поля?

– Поля восприятия.

– Почему же он не спешит нас уничтожить?

– Он хочет присоединить нас к своему мозгу, мы ему для чего-то нужны. И он ждёт, что мы станем делать.

– Но раньше он посылал парламентёров.

– В данный момент они не помогут: мы и так внутри его системы, только ещё слишком независимы. Стоит нам сосредоточиться на действии, Улей отреагирует.

– Не слишком ли просто?

– Давай свой вариант.

Женщина задумалась.

– Хорошо, уговорил, попробуем выбраться из этого «антрацита».

Внезапно всё текучее пространство вокруг катера содрогнулось. Одна из «труб» резко и быстро повернулась к «голему» торцом, надвинулась на аппарат, накрывая его своеобразным мешком. Виом почернел, теряя объём, исчезли остальные «трубы» и «гнилушки».

– Фиксирую... – начал компьютер неуверенно, – всплеск пси... нештатные колебания...

Видеосистема заработала снова. Терентию показалось, что голову продул ледяной сквозняк, полный «снежинок», – обрывком ощущений и мыслей.

– Ты... чувствуешь?! – напряглась Флора.

– Боюсь, он читает наши мысли.

– Поняла...

– Надеюсь, у тебя есть «вшинник»?

– Не очень-то он помогает.

– Активируй максимально!

Стал виден пейзаж вокруг катера.

Он оказался на краю обрыва, похожего на кратер гигантского вулкана. Кратер был накрыт мерцающей световой вуалью, а под ней расходились кругами и разными геометрическими фигурами облака разноцветных светляков. Большинство из них – оранжевого и красного цвета – водили хороводы вокруг пульсирующей глыбы жидкого фиолетово-зелёного свечения с очень сложным рисунком текучих граней. Ближе к почти отвесному валу кратера облачка наливались багрянцем и превращались в змейки разной длины. Одна из таких змеек обратила внимание на катер и стремительным финтом прыгнула к нему. За ней потянулся багровый световой хвост.

– Вот вам и антивирус, – проговорил Терентий.

– Что будем делать?

– Скорее всего, переговариваться он не станет.

– Тогда предлагаю остановить. Оптимал, гравик на половине мощности!

Катер выстрелил.

Невидимый таран гравитонного разряда уткнулся в голову «змеи», когда до неё оставалось не больше сотни метров, и она растеклась кольцом, тормозя.

– ПК!

– Есть. – Компьютер выдал в эфир запрос на коммуникацию, записанный специально для установления контактов.

«Змея», претерпевая множество изменений формы, никак не отреагировала на послание, зато к ней метнулись ещё несколько «змей» такого же размера.

– Это зомби-программы! – помрачнел Терентий. – Если я прав, у нас всего два варианта: один лёгкий, другой тяжёлый.

– Какой лёгкий?

– Застрелиться.

У Флоры вырвался смешок.

– Тогда я против лёгкого. А тяжёлый?

– Отступить.

– Куда?

– Моя вторая мысль: у здешнего Улья должен быть хозяин, ну или по крайней мере босс. А он живёт там, куда система лимб отправляет солнечную энергию.

На лицо женщины легла тень сомнения.

– Такое впечатление, что ты знаешь намного больше, чем сексот какой-то контрразведывательной конторы. Что конкретно ты предлагаешь?

– Да сбежать туда! Где живёт главный оператор дойки! Во-первых, мы стопроцентно уцелеем, так как даже супермозг не сможет сразу сообразить, куда мы побежали. Во-вторых, надо же нам знать, кто соорудил на Солнце сеть дойки. Может, удастся с ним договориться?

Широко раскрытые глаза женщины сказали, что она думает о мыслительных способностях спутника.

– Ты... сумасшедший!

– А мне говорили, что я мямля и рохля.

– Кто говорил?

– Гриша.

Флора посмотрела на приближавшихся «змей».

– Может быть, «трубы» – сознания и она одно из них?

– Не знаю, но проверять не хочется.

– Тогда так: пытаемся пробиться к первой «антрацитовый» горе, откуда мы бежали.

– Правильно, портал, наверно, там.

– И если удастся – ныряем на тот свет!

– Классная формулировка! – рассмеялся Терентий. – Но это единственный случай, когда тот свет кажется надёжней этого.

– Конечно, хотелось бы иметь модуль помощней...

– И с генераторами ВСП-хода!

– Но что имеем, то и танцуем. – Флора нацепила рожки менара. – Оптимал, режим «форсаж»!

– Принял!

Катер выстрелил ещё раз, останавливая «змеиный» строй, развернулся и прыгнул прочь от обрыва над кратером, каким «неокортекс» сделало воображение землян.

Похоже было, что Улей не ожидал такого маневра от людей, которых считал пленниками. Деваться им действительно было некуда. Но они нашли нужный ход.

Оптимал, в памяти которого отпечатались все их маневры, просто повторил весь каскад «высшего пилотажа», и катер вынесло в зал с висящей в центре друзой чёрных кристаллов «антрацита».

Останавливаться над местом сражения бойцов Флоры с псевдо-Гришей (их тел уже не было видно) не стали. «Голем» ударил «копром» гравитонного импульса по стене зала, прорвался в тоннель, а остальное было делом техники. Через минуту аппарат беглецов прорвался на ярус лимбы, где находился портал сброса энергии – такая же гора «антрацита», только размером в десять раз больше той, за которой прятался Улей.

Остановились перед удивительным объектом, плавно меняющим конфигурацию кристаллов. Некоторое время потратили на поиск каких-либо указателей на трубы, тоннели или антенны, способные быть энерговодами, но не нашли.

– Не понимаю, по каким путям сюда сбрасывались энергопакеты, – призналась Флора.

– Возможно, их нет совсем, – предположил Терентий.

– В смысле?

– Стены зала вполне могут быть единой антенной. Я уже говорил.

– Запомню. Но тогда нам надо срочно убираться отсюда.

Терентий покачал головой.

– Другим путём мы на тот свет не пробьёмся.

– А если не выдержит защита «голема»?

Глаза их встретились.

Он молчал.

Она поняла его молчание.

– Иначе говоря, у нас нет других шансов.

Он кивнул, сморщившись.

– Я могу рискнуть один...

– И бросить меня тут?

– Прости, глупая идея.

– Идём вдвоём!

– Ладно. Я рядом.

Флора протянула руку.

Он наклонился, сжал её пальцы.

– Была рада познакомиться, сексот, – улыбнулась она.

– Я тоже, сексот, – ответно улыбнулся он.

– Оптимал!

Катер подплыл к «антрацитовый» горе ближе...

Локация 20

Солнце. Улей

Не ощущая прилива крови к голове, он тем не менее мог непосредственно ощущать трепет электрических импульсов, бегающих с посланиями от кожи к нервным узлам, но попытался собрать их воедино. Темнота перед глазами рассеялась, как утренний туман над рекой при восходе солнца. Именно такое переживание испытал Лаврентий Павлович, когда осознал себя живым человеком. Впрочем, не совсем живым и не совсем человеком.

Жизнь свою до момента нырка в Солнце он помнил отчётливо, до мельчайших подробностей, а потом наступал провал, и чем этот провал вызван, Климук вспомнить не мог.

Процедура восстановления памяти и следом – потока мыслей напомнила ему фильм, в котором герой вылезал из-под земли через узкий лаз наподобие кротовой дыры, обдирая кожу, и это ощущение мешало думать, заставляя «вылезать» не только из «кротовой норы», а ещё из собственной кожи. Когда же он наконец вылез, то оказался в толпе фонтанчиков призрачного света, текущей по улице не менее призрачного города.

Руки и ноги он чувствовал, как голову, плечи и всё тело, но не видел. Вместо этого органы зрения фиксировали пульсации световых струй, складывающихся в подобие абстрактного человеческого тела. Единственное, что сразу показалось необычным, было отсутствие тактильных ощущений и чувства температуры. Тело не ощущало ни жары, ни холода, а ступни ног – твёрдости «асфальта» под ногами. Лишь сила тяжести помогала ему в ориентации в пространстве, направленная сверху вниз.

Лаврентий Павлович с любопытством сделал шаг, другой.

Ноги слушались, но при этом он не чувствовал, что движется. Заинтересовавшись, сделал ещё несколько шагов и столкнулся с подвернувшимся «под ноги» «фонтанчиком», играющим светлыми зеленовато-жёлтыми переливами.

Произошло странное: он очутился внутри «фонтанчика», пережил быструю смену видений, казавшихся обрывками передач, пейзажей,

лиц, интерьеров помещений, машин, деревьев, толп людей, и всё это сопровождалось каскадами звуков – от тихих реплик, скрипа шагов до взрывов смеха и настоящих взрывов. Последним звуком был возглас:

– Осторожнее, слепец!

Говорили на русском. Только немного позже Климук понял, что уловил мысленную речь.

Испугавшись, он рванулся в сторону, выдёргивая себя из «фонтанчика», и все его ощущения пересечений с «настоящим» миром исчезли.

«Фонтанчик», с которым он таким образом «поговорил», поплёлся дальше среди сотен других плывущих по улице «фонтанов», светящихся по-разному. Большинство из них имело «недобрую» окраску – со всеми оттенками бурого, коричневого, фиолетового и красного цвета.

Лаврентий Павлович выбрал одну из призрачных фигур, дождался её приближения и встал на её пути.

Произошёл тот же странный феномен взаимопроникновения двух «фонтанов», напоминающий смешение разных газовых струй. Он оказался внутри багрового клуба дыма, простреливаемого со всех сторон визжащими, как живые души, объёмами видений. Но ни человеческих лиц, ни знакомых фигур, предметов, пейзажей, интерьеров среди них не было. Видения казались фрагментами непонятных событий либо частями звериных оскалов и скелетов.

Одно из видений, напоминающих фрагмент картин Иеронима Босха – полубык-получеловек, – повернуло морду к гостю, взревело, бросилось на него, распахивая пасть. Климук инстинктивно уклонился, выпрыгивая из жуткого клубка видений, из которых состоял «фонтан».

Рёв и визг стихли. Тёмная зелёно-фиолетово-багровая фигура поплыла прочь, сопровождаемая светящимся хвостиком. Лаврентий Павлович мысленно вытер «вспотевший лоб» (по ассоциации), заметил, что и остальные «пешеходы» сопровождаются «хвостиками», сплетающимися в единую сеть. Оглянулся, увидел такой же светящийся хлыст, вырастающий у него ниже «спины», из «копчика». «Система, – пришла в голову мысль, – я попал внутрь какой-то нейросети».

Сердце гулко стукнулось о рёбра (мозг продолжал находить альтернативные объяснения деятельности организма). Постепенно вырисовывались масштабы трагедии. И наконец он вспомнил, как попал сюда.

Солнцеход утащила в глубь пятна чудовищная «авоська», и теперь весь экипаж: учёные, спецназовцы, пограничники на борту – находился в недрах лимбы, которая представляла собой часть комплекса дойки Солнца. Пришлось принять очевидное: люди в данный момент являлись пленниками создателей системы лимб, как и сам полковник.

Голову посетила мысль, почему-то не имевшая эмоциональной окраски: Баринов предатель... Лаврентий Павлович подумал об этом совершенно равнодушно, как о чём-то несущественном, не играющем никакой роли в создавшейся ситуации.

«Лимба», – снова мелькнуло в голове незнакомое словечко.

Некоторые пятна – лимбы...

Мысль мелькнула и исчезла. Выяснить, откуда он знает это слово, не хотелось, пришло откуда-то. Зато захотелось уточнить детали катастрофы.

Лаврентий Павлович оглядел «толпу», выбирая информатора, вспомнил, что первый «фонтан» света, с кем он столкнулся, заговорил по-русски. Поиск «земляка» привёл полковника к призрачному зданию, напоминавшему мавзолей на Красной площади Москвы. Движущийся «фонтан» знакомо переливался светлыми световыми струями, неторопливо приближаясь к «мавзолею».

Ускорившись – местами он даже летел, увеличивая скорость, – Лаврентий Павлович догнал «земляка» и сказал ему в спину, через мгновение осознав, что рта у него нет. Но вопрос он всё же задал – мысленно, и «земляк» его услышал, потому что оглянулся. Правда, выглядело это весьма необычно, будто плывущий призрачный факел перевернулся «с ног на голову» и теперь смотрел на Климука «в анфас».

«Позвольте спросить, дружище?» – проговорил Лаврентий Павлович.

«Что надо?» – ответил «земляк».

«Я полковник спецназа российского экстрим-центра...»

«Был, – с радостью сообщил «земляк». – Теперь ты такой же зэк, как мы все. Я Григорий Лютаев, турист с яхты „Синтрейл“. Тоже был».

Климук решил не обращать внимания на фамильярное обращение туриста.

«Что произошло?»

«Ты ещё не понял? Поздравляю. Ваш солнцеход был захвачен Ульем, как и наша яхта. Только и всего».

«Откуда вы знаете?»

«Фонтанчик» с иронией «ткнул пальцем» (от него отделилась струйка света) в «хвостик» Лаврентия Павловича.

«Это аксон связи со всеми узлами и зэками Улья. Ещё не пользовался?»

«Нет».

«Введу тебя в курс дела, а потом пользуйся. Пойдём со мной».

«Куда?»

«Земляк» кивнул на «мавзолей».

«Нам выделили настоящее кафе».

«Кому – нам?»

«В Улье сейчас больше сотни сознаний людей. Из них около шестидесяти – россияне».

«Как это сочетается, Улей и кафе?» – недоверчиво проговорил Лаврентий Павлович.

«Посмотришь».

Они поплыли к «мавзолею», сложенному с виду из крупных блоков свечения с рисунком гранитного среза.

Лаврентий Павлович ожидал, что «земляк» по имени Григорий откроет дверь, но процесс входа оказался проще: в какой-то миг они просто оказались внутри помещения, слегка напоминающего интерьер кафе или ресторана где-нибудь на улице Москвы.

Лаврентий Павлович остановился, разглядывая подобия столов, стойки бара, стульев и кадок с призрачными пальмами. Ошеломление полковника длилось всего долю секунды, потом пришло ощущение «правильности» момента.

Как оказалось, «кафе» было занято почти до отказа. За псевдостолами сидели псевдолюди и вели беседы как обычные земные посетители, не имея настоящих лиц и фигур. Лишь изредка то в одной,

то в другой фигуре проявлялись истинно человеческие черты, да и то на мгновенье.

Григорий «оглянулся».

«Проходи, здесь есть места».

«Просто я... не ожидал...»

«Земляк» рассмеялся.

«Мы сохранили почти все эмоции, а люди есть люди, даже в таких ситуациях они найдут способ отвести душу. К тому же Улей следит за нашим состоянием и не позволяет испытывать негатив».

«И что они пьют?»

«Не поверишь – вино! Ну или коньяк, текилу, водку, всё, что заказывают. Это, конечно, эрзац-напитки, фантомы, но действуют точно так же. Сейчас попробуем».

«Я... не пью».

«Ох, не говори гоп, пока не перескочишь. Уверен, тебе понравится».

Они пересекли зал и остановились у «столика», за которым уже сидели два посетителя.

«Джентльмены, разрешите?» – вежливо обратился к ним Григорий.

Обе фигуры «повернулись» к нему.

«Найди другое место», – угрюмо буркнула фигура, оплывшая «к ногам» почти чёрным «стогом сена».

Лаврентий Павлович вдруг узнал эти интонации: они принадлежали мыслеголосу комиссара Погранслужбы России Баринова. В голову плеснуло гневом, однако всего на несколько кратких пульсаций. Не было смысла поднимать дискуссию о предательстве.

«Валентин Чемерисович?!»

Фигура «присмотрелась» к нему.

«Полковник?»

«Так точно. И вы здесь?»

«Где же мне быть?»

«Понял, вам приказали, и вы исполнили приказ, подставив солнцеход под эффектор захвата Улья».

«Идите... отсюда!»

Лаврентий Павлович «сжал кулаки».

«Очень надеюсь, что мы скоро встретимся в другой обстановке».

«Вызовете на дуэль?» – «усмехнулся» Баринов.

«Нет, убью особо извращённым способом!»

Сосед псевдо-Баринова угрожающе приподнялся, но Лаврентий Павлович уже «шагал» к другому «столику». Преследовать его бывший комиссар не стал.

Уселись за призрачный лист «стекла» на тонкой ножке.

Григорий «посмотрел» на спутника.

«Значит, особо извращённым способом, говоришь? Это каким же?»

Лаврентий Павлович не ответил, подумав, что зря допустил взрыв гнева. Посчитаться с предателем хотелось безумно, однако прежде надо было уточнить своё собственное положение. Он косо «посмотрел» по сторонам, обратив внимание на столы вокруг, сиявшие горами цветного свечения.

«Как тут обслуживают?»

«Просто думай, чего хочешь выпить и съесть».

«И это реально принесут?» – усомнился Климук.

Григорий изобразил «улыбку».

«Проведи эксперимент».

Лаврентий Павлович помедлил, обдумывая заказ.

«Хочу пива...»

На «стеклянной столешнице» появился необычной формы сосуд – не то кривобокий термос с двумя ухоподобными ручками и выдающимся носиком, не то игрушка.

Климук наклонился, чтобы рассмотреть его, и «термос» вдруг ловко воткнулся ему в «лицо», обхватив «голову» ручками. От неожиданности Лаврентий Павлович откинулся назад, и «термос» оказался стоящим на столе.

Григорий «рассмеялся».

«Вот как нужно».

Голова спутника полыхнула переливом сине-сиреневого цвета – на «столе» появился сосуд, струйка света подкинула его к «голове» Григория, и сиреневая струя влилась в протаявшее отверстие «рта».

Лаврентий Павлович проследил за опускавшейся «по пищеводу» призрачного тела струёй, скомандовал мысленно:

«Пива!»

На «столе» появилась странная «кружка».

Лаврентий Павлович выпростал руку, как он это себе представлял, обхватил «кружку» «пальцами» и поднёс к «голове».

Во рту появилось ощущение пролившегося горьковатого напитка. Он сделал глоток, другой, третий, чувствуя, как меняется вкус «пива». Третий глоток вообще можно было оценить как настоящее «Жигули».

«Ну, как?» – поинтересовался Григорий.

«Представить не мог, что буду сидеть у дьявола в животе и пить пиво с пленником».

Григорий изобразил смех.

«Скорее уж не в животе, а в голове. И Улей не дьявол, ты ещё убедишься. Он... да, наверно, странный парень...»

«Какой парень – коллективный организм!»

«Согласен, но когда он подключает все девайсы своего, так сказать, мозга, он мыслит ничем не хуже человека».

Лаврентий Павлович вспомнил, что на борту солнцехода кроме Баринова был не один космолётчик. Оглядел посетителей «кафе».

«Мне нужно найти своих парней».

«Ищи».

«Как?»

Григорий критически «посмотрел» на спутника.

«Ты светишься примерно как все русские – зелёное, золотое, лиловое, то есть всё в светлой гамме. Вот и спрашивай каждого, кто он, кого увидишь с такой расцветкой».

«Откуда ты знаешь?»

Свечение «головы» «Григория» пыхнуло оранжевым дымком, что, очевидно, означало усмешку.

«Давно тут сижу, наверно, не меньше недели. А парни с корвета „Гелий“ вообще больше года. Ну, я успел оценить национальную принадлежность каждого, если так выразиться. Были разные встречи. Осторожнее будь с полосатыми „зебрами“».

«Что это за звери?»

«Чужаки, инопланетяне. Поскольку Улей распределённый разум, то и состоит из миллионов сознаний разных существ, от наночастиц, кстати, тоже мыслящих, до бегемотов по размерам. При этом он не брезгает ни крокодилами, ни ящерами, ни змеями, ни скунсами, ни людьми, превращая их в дополнительные объёмы обработки

информации. На личностные характеристики он не обращает внимания. Кстати, иногда он собирает всех нас вместе и решает более сложную задачу, нежели обслуживание системы лимб».

«Какую конкретно?»

«К примеру, как заставить лидеров, таких как твой приятель Баринов, выполнять его распоряжения».

«Баринов мне не приятель».

«Вы всё равно оба принадлежите спецслужбам. Короче, тут есть весьма свирепые компании, с которыми лучше не связываться. Могут и морду набить, образно говоря».

«Тебе били?»

«Было дело», – весело признался Григорий.

«Почему же ты не пристал к человеческой компании?»

«Мне и одному хорошо. Вот приручу Галиму и буду в шоколаде».

«Кто такая Галима?»

«Француженка арабских корней, туристка с яхты. Если честно, мне здесь комфортно. Улей подбрасывает интересные материалы для размышлений. Жаль, Терёха откололся, я бы присоединился к нему».

«Кто это?»

«Мой друг, биохимик, я уговорил его отдохнуть на яхте. Но он почему-то остался индивидуалом и не попал в Улей. Мечется по лимбе вместе с девицей по имени Флора, пытается выбраться наружу. Улей посылал меня к нему для переговоров. Но он упрямый, упёрся в независимость и, возможно, уже погиб».

Лаврентий Павлович застыл, переваривая известие. Допил «пиво».

«Флора здесь... зашквар! Слава богу, не погибла!»

«Знакомая?»

«М-да, сюрприз, однако! Так ты говоришь – светлые тона? Я имею в виду, у наших земляков».

«В большинстве своём, хотя и среди них встречаются “зебры”. Вот этот твой приятель...»

«Да не приятель он мне!» – рассердился Климук.

Григорий отмахнулся «рукой» – струйкой света.

«Да брось, это и в самом деле не имеет значения, мы тут все в одном корыте».

«Для меня имеет».

«Ладно, этот Баринов и в самом деле двойственная натура, наполовину белый, наполовину чёрный. А зачем ты собираешься искать своих парней? Надо полагать, спецназовцев? Может, ты задумал устроить революционный переворот?» – Григорий «хихикнул».

Лаврентий Павлович ответил «усмешкой», вдруг подумав, что турист с яхты подсказал неплохую мысль. Но чтобы не возбуждать у него подозрения, стоило перевести разговор на другую тему.

«Каким образом Улей вас собирает вместе?»

Турист снова показал «пальцем» на туманно-световой хвостик, выходящий из его «копчика».

«Я говорил: это нейрон. Знакомый тут называет его аксоном. Связь с общим мозгом. По нему и приходит команда Улья собраться».

Лаврентий Павлович посмотрел на свой «хвост», поёжился. Пришла мысль, что Улей вполне может подслушивать мысли своих «нервно-мыслящих» узлов, то есть всех пленников.

«А если кто не согласится действовать сообща? Улей его убивает?»

«Нет, он дорожит сознаниями, потому что от их количества зависит его собственный умственный потенциал. Однако наказывает строго. – Григорий содрогнулся. – Я был свидетелем однажды: Улей заставил провинившегося испытать чудовищную боль».

В памяти возникла сцена из старинного фильма «Вечный зов», когда одного из героев разрезали надвое с помощью циркульной пилы.

«Чем закончилось? Провинившийся умер?»

«Нет, жив, но теперь это... – Григорий поискал слово, – овощ».

«Зачем Улья „овощи“?»

«Каждый мозг, даже повреждённый, входит в общую нейронную сеть как чип, элемент счётного механизма».

Лаврентий Павлович «сжал зубы».

«Вот, значит, как. Улей его „пожалел“. И тебе комфортно здесь?»

Григорий привычно «махнул рукой», «засмеялся».

«Зато я жив и свободен, чего и тебе желаю».

«Свободен?»

«Ну, не категорически, конечно, полная свобода вообще невозможна ни в одном из миров. Не грузи себя ложными

воспоминаниями и эмоциями, быстрее привыкнешь. В сущности, Улей хороший парень».

Лаврентий Павлович промолчал.

Вернулась мысль «устроить переворот». Оглядевшись, он заметил пару «светлых личностей» и, оставив «гида по мозгу Улья» допивать «вино», направился к ним.

Локация 21

Чёртовы кулички

Вспышки и переливы света, дымные хвосты, геометрически правильные фигуры, полотнища безумных «северных сияний», буйство огня и кристаллических сколов – таков оказался стержень зрительных галлюцинаций, главным из которых был «взрыв мозга», пересыщенного впечатлениями от броска «по струне» невероятно сложного пробоя пространства, инициированного лимбой. Не помогла даже защита «вшинника» и блокирование шлемом части внешних излучений. Лишь большим усилием воли и с помощью пси-резерва Терентий закрыл мозг от атаки световых композиций, отстроился от «северных сияний» и облегчённо вздохнул. Попытался в сверкании небывалого фейерверка нащупать спутницу, услышал её возглас:

- Слава богу!
- Что?!
- Отключи защиту...
- Но она сдерживает...
- Выполнять!

«Лёха, активируй „вшинник“, но будь готов к перехвату атаки!»

«Слушаюсь, шеф!» – ответил терафим, выполняющий в данном случае не только роль чип-секретаря, но и координатора пси-защиты.

Пейзаж резко изменился: штурмующие мозг внешние поля пронзили нервную систему Терентия, и он увидел настоящий ландшафт или, скорее, объём пространства, внутри которого, как муравей в янтаре, находился катер. Гигантский сферический зал окружал неимоверной сложности конструкцию – пересечение фрактальных форм в виде призрачных перьев, крыльев, снежинок и паутиных зарослей. Все эти красивые извивы светились в золотисто-жёлто-зелёной гамме, изредка вспыхивая фиолетовыми или красными изломами.

Зал размером едва ли не с Луну (оценку сделал Лёха) часто пронизывали потоки яркого пламени, вылетающие из центрального ядра, которое Терентий обнаружил за кормой «голема». Ядро напоминало кусок каменного угля – антрацита величиной с крупный

астероид (терафим продолжал подыскивать сравнения), в котором то и дело открывались вулканические жерла, выстреливающие плазменные потоки. Терентий понял, что это такое: приёмник солнечной плазмы, соединённый с лимбами на Солнце. Один из потоков и вынес катер туда, куда неведомые дояры Солнца направляли его энергию.

– Видишь? – спросила Флора, опустившая шлем к плечам.

– Да. – Подумав, он тоже свернул свой.

– Красиво!

– Я не любитель абстрактного искусства.

– Это не абстракция, а вполне осмысленные фрактальные композиции. Признайся, ты ведь ожидал увидеть нечто подобное?

– В какой-то мере.

– Что думаешь об этом?

– Какая-то монструозная техника гулливеровских масштабов.

Могу предположить... м-м...

– Продолжай.

– Мы столкнулись с большими масштабами структурных формаций...

– Кто это – мы?

Он сложил губы трубочкой, словно собирался свистнуть.

– Люди моего времени.

– То есть ты хочешь сказать, что ты не из этого времени?

Терентий умоляюще прижал руки к груди.

– Давай об этом поговорим отдельно.

– Ладно, уговорил. Вешай лапшу на уши дальше.

– Это не лапша, – обиделся он.

– Извини, пошутила.

Молодой человек не сразу собрался с мыслями.

– Тебе должно быть известно, что наша Вселенная расширяется.

Благодаря этому бесконечному расширению в будущем материальные структуры будут также испытывать расширение, пока не останутся некоторые элементарные частицы. Применяя технологии невероятно далёкого будущего, Разум, который должен возникнуть спустя триллионы триллионов триллионов лет, когда это случится, будет сформирован именно из той невероятной формы материи.

– Улей, – задумчиво проговорила Флора.

– Да, Улей. То есть перед нами разумная коллективная система, остаток прежних поколений Разума нашей Вселенной, пытающийся прожить ещё какое-то время за счёт воровства энергии материнской звезды.

– Тебе-то это откуда известно? Ты что, общался с Ульем?

– В наши времена научились путешествовать по времени, и первое, что сделали наши учёные, – послали зонды в будущее. Это долго рассказывать.

– А потом заслали тебя в это время.

– Точнее, в две тысячи семьдесят седьмой год. Но и ты не отсюда, насколько я понял?

– Я из две тысячи двести второго.

– Кчмар! Ты мне... правнучка!

– Короче, дед.

– Короче, мы попали в тот самый Разум, который доживает последние миллионы лет. Здесь прошло очень много времени, невообразимое число наподобие десяти в сотой степени земных лет. В результате ускоренного расширения Вселенной распались не только планеты и звёзды, но и чёрные дыры. Этот островок жизни, конгломерат миллиардов сознаний, окружён настоящей пустотой, истинным вакуумом, в котором бродят одинокие электроны и редкие фотоны на расстояниях мегапарсеков друг от друга. Улей окружает глубокая тьма, если только не встретится подобная ему система. Мы это предвидели.

Терентий помолчал, ожидая реплики женщины, и продолжил, не дождавшись ответа:

– Ещё наши искины предвидели такой конец Вселенной, а потом зонды принесли информацию. Хотя никто из наших головастых учёных принципиально не мог просчитать, что будущее начнёт воровать энергию у прошлого. Но ты ведь тоже знаешь это?

– Биохимик, – тихо проговорила женщина, не сводя с его лица потемневших глаз, – кто ты на самом деле?

Он усмехнулся.

– Человек. Настоящий. Родился в две тысячи сто двадцать втором после рождения Христова, как утверждают историки. Послан в прошлое разобраться, что происходит, почему в нашей ветви

Мультиверса температура Солнца упала так катастрофически, что оно начало превращаться в красный карлик. А вы, мадам?

– Я дальше от рождения Христова, – усмехнулась Флора. – Родилась в две тысячи сто семидесятом. Нынче у нас две тысячи двести второй. У нас Солнце, наоборот, внезапно начало увеличивать энергоотдачу, превращаясь в белый карлик. И это явление абсолютно выпадает из наших физических теорий. Поэтому я тоже послана в прошлое, чтобы понять и устранить причину колебаний.

– Вот как? – нахмурился Терентий. – Мы не знали, что Солнце начнёт разгораться.

– Удивительно другое: чтобы оба хронопрокола сошлись в одной точке – в две тысячи семьдесят седьмом.

– Случайность.

– Ты догадывался?

– Нет, но давай решать проблемы по очереди.

– Давай, пока есть время. Оптимал умница, вытащил нас из потока энергии при выходе из портала, и, похоже, местная автоматика нас не заметила.

– Либо посчитала нас своими.

– Согласна.

– Итак, наша база: Улей – разумная система, возникшая в будущем на основе сохранившихся Разумов. Поскольку в качестве «энергокоровы» он выбрал наше Солнце, следует предположить, что Улей являет собой конечный результат срачивания машинного интеллекта с человеческим.

– Уточнение: его корни в пространстве начинались на Земле, на которой сменилось множество цивилизаций.

– Странно, что до твоего рождения... Какой там у вас год, говоришь?

– Две тысячи двести второй.

Терентий с улыбкой оглядел спутницу.

– Странно, что человеческий облик сохранился столько времени, несмотря на процессы цифровизации и развития технологий функционально ориентированного искусственного интеллекта.

– Меня рожали живые люди, – покачала головой Флора, коснулась груди пальцем. – Хотя тут много чего добавлено. Между прочим, я думала, что ты тоже не совсем... человек.

– Не совсем, – рассмеялся Терентий. – Но очень близок. В наши времена люди ещё не срослись с машинами и сохранились как биологические конструкторы, хотя мы научились заменять любые органы по мере старения или травмирования. К примеру, мой «вшинник» на самом деле не вшит под кожу, а выращен подо лбом, позвоночник тоже усовершенствован, поэтому я и смог не поддаться пси-атаке Улья.

– Выходит, ты биологически моложе меня на четыре года, а с учётом разных хронодат старше на пятьдесят с лишним.

– Примерно.

– Старик! – объявила Флора со смешком.

– Вернёмся к нашим баранам. Когда я десять минут назад очнулся и понял, где нахожусь...

– С моей помощью!

– Верно, хотя это не имеет значения. Я вдруг задумался о скрытых в глубинах этой конструкции обладателях других нервных систем, из которых и собран мозг Улья.

– Мозг и есть Улей.

– Но ведь кроме сознаний людей в нём пленены и нервные сети других существ?

– Ну и что?

– Могут ведь быть и разумные акулы, и крокодилы, и динозавры, и ещё более агрессивные твари.

– Можно подумать, что человек не агрессивен. Другое дело, что Разум такого далёкого будущего может мыслить абсолютно не по-человечески, что и представить невозможно. Однако с чего это тебя волнует?

– Сможем ли мы договориться?

– Если Улей остался Разумом – договоримся. А если нет...

– Начнём сражаться за право жить?

– У тебя припасены другие варианты?

Он помолчал, глядя, как в глубинах видеопояса кабины вспыхивают и гаснут потоки света.

– Есть маленькая надежда...

– Не делай умных пауз!

– Люди.

– Объясни.

– В плен солнечному Улью попали десятки людей, в том числе настоящие защитники человечества. Что, если среди них найдётся лидер и возглавит сопротивление?

Флора фыркнула.

– Организует революцию мертвецов?

– Почему мертвецов? Сознаний.

– У тебя хорошее воображение. Но чтобы устроить переворот в солнечном Улье, надо вернуться назад во времени.

– Можно и так, хотя я подумал о союзниках здесь.

Глаза Флоры стали круглыми.

– Что?! Как здесь?! Откуда они тут... – Она замолчала, помотала головой. – Ты меня поражаешь!

– Наверняка в Улье остались объёмы памяти его древних предков, не биохимические, а квантово-полевые структуры. Давай попробуем их отыскать и достучаться до ума этого... гм, Разума. А не получится... тогда будем искать другой способ. Тебя ведь наверняка тренировали на разных режимах стресса и экстрима.

– А тебя?

– Я действительно чемпион, как написано в моём райдере, и не только по киберспорту, модному в двадцать первом веке, но и по бионангу – управлению наноботами для выращивания искусственных органов. В нашем веке это вид спорта.

– У нас такого нет.

– Значит, отошёл в прошлое, как американский футбол. – Терентий шутливо сощурился. – К тому же ты моложе на сто лет. А какие у вас есть виды?

– Куча цифровых, информационных, на скорость соображения, реакцию, построение геометрий, эмоциональную окраску, а также карточные и подвижные. Лапта очень развита.

– Карточные? – удивился он. – У нас тоже.

– Это трёхмерные карты, но есть и боевые игры, с ликвидацией соперника и без.

– С ликвидацией? Как это?

– Военная мода, очень адреналиновые сражения. Но не переживай, все игроки застрахованы и имеют цифровые копии. Убитых восстанавливают.

Он качнул головой.

– Ничего себе мода! Я думал, в будущем о войнах забудут.
– В твоём времени не забыли?
– Нет, но воюют в основном частные армии.
– Ну и в нашем тоже, недавно за Луну подрались две расы. Увы, люди есть люди, что в позитивном смысле, что в негативном. Надеюсь, воинскими искусствами ты владеешь?
– Как все надзорики.
– Кто?
– Сотрудники секретных надзорных компаний.
– За кем вы надзираете?
– Не за кем, а за чем – за нравственным здоровьем общества.
Флора с улыбкой сжала его руку.
– У нас таких спецов называют одичи.
– Как? Одичавшие, что ли?
Она захохотала.
– Охранники душ человеческих.
– Внимание! – заговорил Оптимал. – Нас щупают!
Пара в один миг зарастила шлемы и приникла к виому.

* * *

Огненные потоки перестали пронзать сферу вокруг «куска антрацита», служащего приёмником солнечной плазмы. Возможно, для пересылки энергии требовались накопители и солнечные «доильные аппараты» – лимбы передавали только саккамулированные энергопакеты.

– Не вижу ничего, – пробормотал Терентий разочарованно.

Оптимал нарисовал в поясном виоме световые пунктирчики, тянувшиеся к «голему» из нескольких дыр в «мшисто-лишайниковых» зарослях поверхности сферы.

– Радары? – спросила Флора. – Что за излучение?

– Мои датчики определяют лучи как высокочастотные радиосигналы, но, скорее всего, это не электромагнитный спектр. Среда в сфере не является вакуумом.

– А чем она является?

– Не знаю, – невозмутимо ответил компьютер. – Весь этот объём всё время пульсирует, сбивая показания систем.

– Гравитация?

– На нуле.

– Странно. Сфера не имеет массы?

– Боюсь, мы видим не материальные структуры. Но эти лучи стопроцентно оконтуривают катер, держат, так сказать, на прицеле.

– Попробуй попрыгать туда-сюда.

– Давай смотаемся к ближайшей дырке, – предложил Терентий, – посмотрим, что это за радар такой. Сколько до него?

– Если верить показаниям дальномера, то расстояние всё время меняется. То сто, то двести, а то и все пятьсот километров.

– Поехали.

Катер совершил прыжок сразу на полсотни километров, космолётчики осмотрелись, и Флора взяла командование на себя.

– Идём дальше.

Сделали ещё два прыжка длиной по пятьдесят километров и неожиданно оказались всего в километре от зарослей фрактальных перьев и снежинок размером с футбольное поле.

Дыра, в которой предполагалось наличие антенны «радара», оказалась выпуклым чёрным куполом без единой щели и морщинки. Обычно антенны земных кораблей в недалёком прошлом прятались под белыми защитными куполами или сферами, но этот пузырь был чёрным. А поскольку Оптимал утверждал, что «луч радара» был излучён именно отсюда, стало понятно, что он и в самом деле является своеобразным локатором.

Однако поскольку невольным разведчикам Уля он не был нужен в качестве технического устройства, то, ознакомившись с ним, они решили искать путь к «мозгу» Уля или к его «посту управления», откуда можно было бы поговорить с хозяином колоссальной системы, задать вопросы и получить ответы.

Вернулись к «антрациту».

– Почему он не реагирует на наше прибытие? – задумчиво проговорила Флора. – Если Улей представляет собой единый организм, он должен чувствовать проникновение постороннего предмета. Мы же действительно являемся для него чем-то вроде вируса.

– Трудно сказать, – развёл руками Терентий. – Мы мыслим на ином уровне, не как система, сложенная из миллиардов сознаний. Чтобы объединить их в решении какой-то конкретной задачи, надо очень постараться. В настоящее время человечество ещё не превратилось в думающую машину, несмотря на упорное продвижение по этому тернистому пути. Интересно, когда был создан Улей? Сколько времени потребовалось эволюции, чтобы человечество превратилось в компьютер?

– Много, – улыбнулась Флора. – Триллионы лет.

– Не уверен, наверняка первая мыслящая система на базе человечества возникнет где-нибудь сразу за твоим временем. Если ты не обманываешь в главном – что ты индивидуальное живое существо. Может, ты просто видеофантом.

– Не фантом. – Флора дотронулась до его руки. – Всё намного сложнее, чем ты можешь представить. В наши времена на Земле существует несколько мыслящих систем. Но об этом не время разговаривать.

– Ладно, подожду. Напомни, ты живёшь в...

– Жила в две тысячи двести втором году.

– Так вот, наши хроноразведчики утверждают, что максимум лет через пятьдесят после вас человечество превратится в коллективный мозг.

Флора прыснула.

– Можно подумать, что они были свидетелями образования первого Уля.

– Не были, но по логике развития цифросферы всё так и было. Всё, что придумали наши писатели и киношники в таких фильмах, как «Терминатор», наверняка существует во Вселенной. Ты сама призналась, что твой настоящий облик далёк от человеческого.

– Я такого не говорила. Да, мы отличаемся от хомо сапиенс, как он сам отличается от неандертальцев, но не категорически. Хотя и создали коллективные формы управления. Говорю же, реальность сложнее, чем ты думаешь.

– Покажись в настоящем виде.

Флора засмеялась, погрозила ему пальчиком.

– Не стоит, а то испугаешься и перестанешь вести себя естественно и откровенно, как сейчас.

Он огорчился.

– Неужели я кажусь таким простым?

– Классик говорил, что простота хуже воровства. Но будь спокоен, до воровства тебе ещё далеко.

Терентий невольно присоединился к её смеху, переставая сомневаться в человечности представительницы будущего.

– Спасибо за комплимент. Кстати, ты заговорила об управлении, точнее – о коллективных формах управления. Если подойти к проблеме физически, с научной точки зрения, как Улей объединяет все свои нервные узлы и клетки? Особенно если учесть, что каждая из них является отдельной мыслящей системой?

Флора вытащила из-под воротника трубочку подачи воды, сделала глоток.

– В отличие от тебя я не учёный, или, вернее, не специалист в физических теориях. Я психоформист.

– Звучит угрожающе. Что это такое – психоформист?

– Спец по коррекции психики для заселенцев.

Терентий с интересом посмотрел на собеседницу.

– Для каких заселенцев?

– В наши времена численность человечества достигла пятнадцати миллиардов человек. Начались поиски планет для переселения из Солнечной системы в галактику. Но земноподобных планет мало, наша зелёная планета – настоящая жемчужина Космоса. И тогда решили пойти по другому пути: изменять человека под условия среды. Так возникли профессии психоформиста и биоформиста.

– Понятно. Идея вообще-то не новая.

– Но у нас она реализована.

Он заметил, что Флора скрыла зевок.

– Не хочешь почаёвничать? А то и у меня во рту пересохло.

– Тогда это будет уже ужин. Мы болтаемся по временам больше десяти часов.

– Полностью согласен.

Так как «голем» имел портативную автокухню СК-23, приготовить ужин не составило труда. Поглядывая на мерцающие фрактальные узоры внутренней поверхности Улья, они съели по пластету рисовой каши, белковый пудинг под «творог с орехами» и запили чаем.

Терентий с удовольствием поухаживал за дамой, гадая в душе, как она выглядит на самом деле, но попыток выяснить истину больше не делал.

– Итак, нас по-прежнему игнорируют, не желая считать гостями, – сказал он, ощущая сытую тяжесть и желание поспать. – Предлагаю поспать, пока у нас есть такая возможность.

– Ты хочешь спать? – удивилась она.

– Ну-у... немного.

– Я думала, тебя серьёзно готовили к экстриму.

– Готовили, – кивнул Терентий. – Но наш биоритм остался таким же, каким был многие столетия назад.

– Предлагаю постучаться к Улью и представиться случайными прохожими. Не получится – поспим.

– Стучать я не прочь, но тогда давай прежде решим, есть ли у нас козыри, если возникнет угроза жизни.

– Тогда начнём с тебя. Чем тебя снабдили перед началом операции кроме широких плеч и выращенного во лбу третьего глаза?

– Какого глаза? – озадаченно спросил он.

– Сам говорил, что у тебя под черепом создали пси-защитника.

– А-а... да, есть такой биогаджет. Что ещё? Кроме базовой программы общения мне влили боевые программы, я могу ускоряться, работать с кванком в режиме ДР, терпеть боль, регенерировать некоторые органы. – Он пошевелил губами, решая, что добавить. – Мысленно управляю наносервисом. Пожалуй, это всё.

– Что такое режим ДР?

– Режим дополнительной реальности, очень быстрый, практически со скоростью самого кванка.

– А как ты управляешь наносервисом? Что это такое?

– У вас такого нет?

– Не слышала.

– Это запас наноботов, ждущих определённой команды, их выращивают вдоль позвоночника, и они образуют как бы запасной позвоночный столб.

– Отлично, у нас тоже есть такие штуки, только называются по-другому – формаги.

– Маги?

– Никакой магии, если ты об этом.

– Ну, я тоже нормальный человек, – пожал он плечами, – не маг и не колдун.

– Нормальный! – фыркнула она. – Что бы сказали наши предки, узнай они о наших «нормальных» способностях?

– Ну, а ты чем порадуешь?

– Примерно то же самое, что и у тебя, – уклончиво ответила жительница начала двадцать третьего века. – Ничего особенного. В какой-то степени мы консервативны. Оптимал, ищи проход в глубь сферы. Дырок там видно много, а нам нужно отыскать дорогу к посту управления Ульем. Если он существует.

– Слушаюсь.

Катер поплыл вокруг «антрацита», постепенно удаляясь от него.

Прошёл час. Начались судороги пространства сферы, порождённые новыми потоками огня: солнечные лимбы привычно пересылали энергию Солнца. Один пролетел так близко, что катер ослеп на какое-то время.

– Дьявол! – раздула ноздри Флора. – Не хватало ещё раз попасть под удар!

– Знаешь, о чём я подумал?

– Просверлить свою дырку?

– Нет... то есть, наверно, придётся, но я не об этом. Видимо, обычная «суперструнная» связь между Солнцем и здешним Улем невозможна, ведь соединены не две разные области пространства, а два времени.

– Так и есть.

– Здесь замешана физика свёрнутых измерений. Наша Вселенная имеет одиннадцать измерений, но только три из них развёрнуты, что создаёт объём. Так вот Улей, наверно, развернул одно из оставшихся свёрнутых измерений – и получился канал перекачки. Иначе такую процедуру невозможно было бы рассчитать.

– Идея хороша, однако нам сейчас не до обсуждения возможностей Уля. Предлагаю пробить проход в оболочке сферы и начать поиски его «ума».

– В этом случае он наверняка почует присутствие «вируса» и спустит на нас всех «фагоцитов».

– Ты против?

– Нет, конечно, пора делать то, за чем мы сюда явились. Однако не попробовать ли трюк с закрывающейся дверью?

– Не поняла, объясни.

– Этот антрацитовый портал выпускает реки огня, которые проваливаются в какие-то тоннели, к потребителям. Но после того как разряд исчезает, тоннель закрывается не мгновенно. Предлагаю дождаться момента и прошмыгнуть мышкой вслед за разрядом.

Флора задумалась на миг.

– Можно попробовать. Оптимал, идём к одному из тоннелей и после разряда мчимся в него на максимальной скорости!

– Понял, командир.

Катер крутанул спираль обзора, определил местонахождение одного из тоннелей, проследив за потоком огня, и прыгнул к нему, ускоряясь в режиме шпуга – с двойным ускорением.

Впереди в сверкании «крыльев-перьев» вырос тёмный раструб, и «голем» проскочил в него, как только внутри исчез сполох огня.

Катер трянуло, однако механизм запора тоннеля сработал позже, и Терентий, опасавшийся неудачи, с облегчением перевёл дух.

– А ты говорила – биохимик, биохимик...

Флора не ответила, сросшись с компьютером «голема» в одно целое.

Тоннель оказался прямым, как стрела, и вёл к внешней стороне Улья, который до этого был не виден космолётчикам. Ни его формы, ни размеров они, естественно, не знали. Но длина тоннеля оказалась не такой уж и большой, всего около десяти километров, и обрывался он под чёрным куполом непроглядной темноты, накрывавшим светящуюся платформу с вылезавшей из неё ажурной колонной.

Впрочем, уже через несколько секунд люди поняли, что накрыта платформа не чёрным куполом, а прозрачным пузырьём, выходящим в космос за стенами Улья.

Движение оборвалось.

Удар неподвижности совпал с ударом тишины, отозвалось сердце, и Флора невольно схватила Терентия за руку.

– Бог ты мой! Где мы?!

– Территориально? В той области Вселенной, – хрипло ответил Терентий, – где когда-то существовала Земля и Солнечная система. Мы

в будущем, где могут обитать только такие большие разумные системы, как Улей.

– Я имела в виду, где находится этот отсек Улья?

– На его периферии, я думаю, на самом краю, и мы видим окружающий его космос. По сути – великую сверхпустоту, где больше никого нет.

Флора вздрогнула, и он встал и обнял её за плечи, вдруг осознав величие момента...

Локация 22

Солнце. Улей

На эту несимпатичную «полосатую» компанию Лаврентий Павлович нарвался случайно, решив начать поиски соратников с «кафе». До этого он прогулялся по «городу», заполненному «туристами», и попытался выяснить принадлежность некоторых к человеческому роду.

Сначала он по совету Григория выбрал «светлую личность», играющую оттенками жёлтого и голубого цвета, но получил грубый совет «катиться куда подальше». Вопреки ожиданию встретить «сородича», «призрак» оказался не то британцем, не то американцем; говорил он на «мысленном английском».

Второй фантом, и тоже светлых тонов вплоть до бежевого, оказался чужаком, не имеющим определённых признаков пола и вообще привычных «гуманоидных» очертаний. На жест Климука: «Остановитесь, сэр!» – этот «светлый» абориген просиял фиолетовым, буквально зашипев в ментальном диапазоне, и скрылся в толпе фосфоресцирующих празднующихся «фейерверков».

Тогда Лаврентий Павлович и поменял план, направившись обратно к мавзолеевидному «кафе», где действительно чаще других собирались земляне, то есть, разумеется, сознания людей, опирающихся на память прежнего образа жизни. Вытравить из них привычки проводить время в развлекательных центрах, ресторанах и отелях оказалось невозможно. Привыкнув к смене диспозиции, они потянулись в эти заведения как мотыльки на огонь, не понимая, что хозяин просто даёт им разгрузку, заставляя, когда нужно, выполнять необходимую для него работу.

Григорий не отставал, найдя в лице полковника благодарного слушателя, хотя и не стремился предложить посильную помощь.

Войдя в «кафе», Лаврентий Павлович столкнулся с крупным «призраком», оценил его массу, ощутил негативный окрас мыслей и попытался извиниться, заметив, что тип принадлежит к разряду «полосатых», о которых предупреждал Григорий.

«Извини, друг, я нечаянно».

В ответ он услышал странный возглас, полурёв-полу-визг: «Суррх!» – и увидел, как от «призрака» отделяется «лапа» – сгусток света знакомых очертаний. Удар в «плечо» отбросил мнимое тело полковника в глубь зала.

Боль от удара была странная: она огненным мячиком метнулась от плеча к «шее» и взорвалась в «голове», смешивая в одну кучу мысли, чувства и линии памяти. В душе поднялся гнев, а вслед за ним и вспышка страха, хотя никогда прежде Климук ничего не боялся. Движением «головы» он стряхнул струйки ментального пламени, собираясь, вопреки желанию, дипломатически предложить мир и дружбу, но «полосатый призрак» вдруг оказался рядом и ударил снова, целя в «голову». Хотя на этот раз Лаврентий Павлович защитился, подставив «кулак», его опять отнесло на пару метров в глубь зала, где на него набросились ещё три «полосатика».

Григорий отпрыгнул в сторону, явно не желая связываться с агрессивно настроенными посетителями «кафе», и Лаврентию Павловичу пришлось бы туго, если бы в действие не вступила другая «диаспора сознаний».

Раздались сиплые вскрики – в ментальном диапазоне, конечно, – щелчки, лязг, – и «полосатые» задиры полетели в разные стороны, теряя и без того нечёткие очертания светящихся тел, что говорило об их «нетрезвости». Последним улетел к стене зачинщик драки, сплющившись в блин. Стали видны пришедшие на помощь «фантомы», причём не очень-то светлых оттенков. Один из них подошёл к Лаврентию Павловичу, протянул «руку» – отросток синего света.

«Илья. А вы кто?»

«Полковник Климук... э-э... Лаврентий».

«Лаврентий Павлович?! Офигеть! Я майор Остроумов, спецгруппа Коскона. Мы с вами встречались в Плесецке. Вы-то как здесь оказались?!»

Климук расслабился. С Остроумовым он действительно пересекался на совещаниях ЦЭОК, Илья входил в группу спецназа Коскона под командованием майора Дрёмовой, и теперь стала понятной судьба группы, пропавшей в недрах лимбы после бегства солнцехода.

«Где Флора?»

«Не знаю, – угрюмо ответил фантом Ильи. – Нас разбросало во время контакта с Ульем. Но здесь её нет».

Раздался тихий шум: «полосатики» опомнились, кинулись было на обидчиков, но были выброшены за пределы «кафе». Выглядело это необычно: при ударе «полосатые» плющились и исчезали в стенах заведения огненными кляксами.

Наступила тишина.

Посетители «кафе», повскакавшие с мест, начали усаживаться обратно. В зале повис «говорок» мыслеобщения.

К беседующим Илье и Климуку подошли три «фонтана», играющие переливами оранжевого, фиолетового и паутинками красного света.

«Капитан Звягинцев, лейтенанты Балуюев и Умутов, – представил их Илья. – Парни, это полковник Климук».

«Призраки» спецназовцев отреагировали, вытягиваясь свечами в высоту, словно вставали по стойке смирно.

«Сядем?» – предложил бывший майор.

Подбежал Григорий.

«Привет, орёлики. Лихо вы их!»

«Кто это был?» – любопытствовал Лаврентий Павлович.

«Какие-то уроды из нашей ветви галактики. Наверно, Улей подобрал их во время обследования Млечного Пути».

«Так они из нашего времени или из будущего?»

«Из нашего, как я понял. В будущем Уля никого в живых не осталось, только сам Улей. Проходите, тут в углу освободился столик».

Илья направился вслед за Григорием.

Бойцы подождали реакции Климука и последовали за ним.

«Алкоголь употребляете?» – спросил Остроумов.

«Не фанат, – почему-то смутился Лаврентий Павлович. – Пиво не часто».

На столе появились «кружки» из светящейся субстанции.

Не отказался никто.

«Давайте мы введём вас в курс событий, – предложил Илья, отпив полкружки. – Потом вы расскажете, что произошло на Солнце за пределами лимб и на Земле за те две недели, что мы тут путешествуем».

«Как – за две недели?! – не поверил ошеломлённый Лаврентий Павлович. – С момента вашего... исчезновения прошло всего несколько дней!»

Сидящие за «столом» «переглянулись».

«Не может быть!» – хмыкнул Илья.

«Может, – расплылся в ухмылке Григорий. – Система лимб соединена с Великим Ульем в будущем, но сфокусировать канал и удержать его из таких временных далей до наших времён невероятно сложно. Вот и сказываются эффекты... м-м... отщепления временных линий, так сказать, боковые флуктуации».

«Ладно, это сейчас не главное, – сказал Лаврентий Павлович. – Слушаю вас».

* * *

Течения времени в этом «городе» не ощущалось, но психика человека, «упакованная» в подобие светового тела-кокона, помнила ритм прежней жизни, и спустя двенадцать-четырнадцать часов у людей возникала потребность поспать. Это Лаврентию Павловичу объяснил Григорий, когда полковник начал чувствовать странную усталость.

Сколько времени прошло с момента падения солнцехода на лимбу, он точно не знал, однако показалось – не менее полусуток, то есть наступил «вечер», и пришлось задуматься о местечке для отдыха.

После обсуждения с Ильёй Остроумовым всех проблем и планов им удалось найти в «городе» трёх бойцов Климука, с которыми он находился на борту «Победителя огня», и шестерых пограничников, но среди них не оказалось ни одного руководителя, не считая комиссара Баринаова, с которым не хотелось ни общаться, ни вообще встречаться. Не удалось пока отыскать и учёных с борта солнцехода, и где они шатались либо отдыхали в призрачном мозге Улья, было неизвестно.

Григорий посоветовал подключиться к самому Улью, который наверняка знал относительное местоположение каждой «макроклетки» своей разумной ипостаси, но Лаврентий Павлович отнёс предложение. Улей не должен был знать, что затевают попавшие в его сети индивидуальные сознания.

Однако найти убежище, где можно было бы прикорнуть на часок, не удалось. Все «строения» «города», представляющего собой композиции призрачных геометрических фигур, были заселены, судя по толкотне «жителей», а гостиницы или дома отдыха, такие как на Земле, здесь не существовали вовсе. Навестив самые крупные световые образования, Лаврентий Павлович нашёл своего проводника и попросил помочь. Когда же он сообщил ему о посещении «зданий», похожих на абстрактные инсталляции, бывший турист с яхты «Синтрейл» рассмеялся.

«Это вообще не здания, а рои разумной пыли. Я уже говорил, что Улей вмещает в свою суперсистему все разумы, которые могли бы обрабатывать информацию и помогать мыслить. Ему без разницы, как они выглядят. Тебе по морде дала «зебра» с окраины нашей галактики, где её сородичи выглядят быками. Улей уничтожает материальную оболочку разума и оставляет себе только квантовые облака, совокупности интеллекта».

«Может быть, души?»

«Оставь эти человеческие предрассудки о душах».

Ошеломлённый Лаврентий Павлович почесал «макушку».

«Жесть! Как же он с ними общается?»

«Ну ты и склеротик! Сто раз говорил, что мы все повязаны аксонами».

«Я имею в виду знание языков, достижение взаимопонимания».

«Муж сей велик есть, – отмахнулся Григорий. – Мысленно общаться можно с любым его пленником. По сути, Улей – это мощнейший компьютер, обладающий набором эмоций, по большей части нечеловеческих».

«А тебе он как отдавал команду идти парламентёром?»

«Я получил неслабую оплеуху наподобие электрического разряда, которая объяснила, что нужно делать».

«По аксону?»

«Ну да, этот хвостик всегда со мной».

«Отсоединить его или отрезать не пробовал?»

«Не пробовал, да и зачем?»

Делиться намерениями с земляком, чувствующим себя вполне комфортно даже в этом состоянии, не хотелось, и Лаврентий Павлович ограничился короткой фразой:

«Просто пришло в голову. Так где тут можно завалиться на диванчик?»

«Нигде, – хохотнул турист. – Мы не спим. Мне тоже первое время хотелось прилечь, потом привык. Если хочешь побыть один, взбирайся на „китайскую стену“».

«Куда?»

«Пограничный ограничитель периметра вокруг зоны ожидания».

«Поясни».

«Весь этот кратер – отстойник сознаний, резервация запасного контента, которым Улей пользуется для решения нестандартных проблем. Я и это тебе говорил».

Лаврентий Павлович покачал «головой».

«Отстойник сознаний? Резервация? Весьма похоже. И часто хозяин вас собирает?»

«Он не хозяин, почти друг. Было дважды. Ещё раз советую: отбрось свою человеческую гордыню, свяжись с ним напрямую и всё узнаешь. Я сделал это, и не пожалел».

«Подумаю», – пообещал Климук.

Но до пограничного ограничителя, названного Григорием «китайской стеной», добраться в этот раз не удалось. Не успел Лаврентий Павлович выйти за пределы «города», или «зоны ожидания», в сопровождении гида, как их настиг «электрический разряд», простреливший «тело» полковнику от «копчика» до «макушки». Сознание на несколько мгновений превратилось в зыбкое световое желе с плавающими в нём узелками чувств, затем последовал второй разряд, и Лаврентий Павлович ощутил себя встроенным в гигантский кристалл, в котором, как атомы в кристаллической решётке, собрались «объёмы» других мыслящих созданий, образуя подобие нейросети невероятно сложного интерфейса.

Какое-то время ничего не происходило.

«Город» за спиной застыл неподвижно, мерцая «струнами» аксонов, связывающих «атомы» сознаний в единое целое.

Потом пришла команда – тихий мыслеголос, исполненный невероятной силы, от которого не было защиты. В реальной жизни Лаврентий Павлович, как все нормальные сотрудники силовых структур, носил «вшинник», защищавший мозг от гипнолучей. Но в состоянии «квантового облака» он был лишён защиты и

сопротивляться внушению не мог. Все его усилия отфильтровать чужую волю ни к чему не привели. А ещё через непродолжительное время пришло осознание внушённой команды: вместе с миллионами других интеллектов он должен был рассчитать последствия ускоренного скачивания солнечной энергии. Требовалось установить количество необходимых лимб, темп поглощения отрицательной энтропии, что, естественно, вызывало рост энтропии в данном космическом регионе, и сроки усиления квантовых осцилляций на срезе комплекса «дойки». Что такое «отрицательная энтропия», Лаврентий Павлович не понял, но ему было не до выяснения физических принципов работы «доильных аппаратов». Его воля оказалась подавлена, и под щекочущим покалыванием «электрических разрядов», вызывающих даже нечто вроде удовольствия, он подключился к процессу расчёта, став одним из «нервных узлов» Улья и прогоняя через «мозг» терабайты информации.

Кончилось всё «ударом пустоты»: в «голову» перестали поступать вводные для расчётов и сложных манипуляций с ними.

Лаврентий Павлович очнулся, пережив сожаление и порыв догнать уходящее понимание происходящего.

За «спиной» Григория начинали шевелиться, приходя в себя, коллеги по «нейросети», а сам он, просияв зелёной аурой, заметил с восторгом:

«Балдёж, однако! Не хуже наркотика! Мне очень нравится эта работа! А тебе?»

«Угу, чистый кчмар, – пробормотал Климук, пытаюсь восстановить в памяти результаты проделанной работы. – Ты всё понял?»

«Конечно, Улей изучал последствия ускоренного отсоса».

«И ты ничего не заподозрил?»

«А что я должен был заподозрить?»

«Если Улей увеличит отсос солнечной энергии, Солнце погаснет на порядок быстрее! А это означает, что и человечество погибнет намного быстрее. Тебе этого хочется?»

«А чего переживать-то? Человечество по-любому через миллиарды лет исчезнет. К тому же мы никак не сможем помешать Улью. Ты умер как индивидуал, полковник, так что успокойся и принимай то, что есть. Пусть судьбой цивилизации занимаются

специально обученные люди. Может, что-нибудь и придумают дельное».

Лаврентий Павлович сдержал ругательство. Григорий был прав. Хотя и не видел возможности помочь «специально обученным» людям. А она была.

* * *

И всё же в какой-то мере отдохнуть ему удалось. Мысль, что нужно проверить «китайскую стену» на предмет её преодоления, вернулась, и Лаврентий Павлович направился за пределы «города», затем ещё дальше. Поднялся на столбчатый вал «кратера» и с высоты примерно в сто метров оглядел «зону ожидания», простиравшуюся чуть ли не до горизонта. Повернулся к ней спиной и так же внимательно ощупал «глазами» «ограничитель» в виде настоящей крепостной стены, сложенной из почти чёрных, светящихся изнутри ниточками красного свечения «гранитных» блоков.

Бесшумно взобрался за ним и Григорий.

«Что ты хочешь найти?»

«Выход».

«Выход? – удивился турист. – Мы же внутри Улья! А он сам торчит внутри лимбы. А лимба вбита в солнечную плазму!»

Лаврентий Павлович не ответил, продолжая изучать стену, напоминающую рядами пластин длинную челюсть апокалиптического крокодила.

На всём её протяжении в ней были видны щели и проломы, и Лаврентий Павлович решил попытаться счастья: если и не вырваться за пределы «зоны ожидания», то хотя бы найти пещерку для расслабления.

«Не ходи», – посоветовал Григорий.

«Почему?»

«Уже были прецеденты, ходили некоторые».

«Кто?»

«Наши, земляне, – с осуждением ответил турист. – Трое пытались сбежать. Да куда тут сбежишь».

«Наши? Ты имеешь в виду россиян?»

«В общем-то да, пограничники бывшие».

«А что другие пленники, не с Земли?»

«Смельчаков не нашлось. Все ведут себя как бараны в стаде, куда их направят, туда и идут. Даже негуманы и нанопыльные облака. Нет у них инстинкта свободы».

«У тебя, что ли, есть?» – подумал Лаврентий Павлович брезгливо, хотя тут же «прикусил язык». В этом мире любая мысль могла быть доступна собеседнику. Но Григорий не отреагировал на мысленную реплику Лаврентия Павловича: то ли не расслышал, то ли не обратил внимания.

«Что с ними сделал Улей?»

«Наказал, – пожал «плечами» турист. – Один вообще исчез, я его больше не видел, остальные двое сидят в каком-то подвале, чистые овощи».

Лаврентий Павлович вспомнил свои ощущения при столкновении с «полосатым» инопланетянином.

«Почему я чувствую боль? Когда тот „бык“ меня стукнул по плечу, мячиком прокатилась боль. Да и потом, когда нас подключил Улей, я ощущал электрические разряды».

«Чёрт его знает, – равнодушно ответил Григорий. – Наверно, Улей забирает у человека не только интеллект, но и всю его эмоциональную хрень, вот нам и кажется, что мы чувствуем то, чего нет».

«Понятно».

Лаврентий Павлович выбрал щель между соседними «зубами», углубился в тёмный проход, но вскоре уткнулся в сужение и вернулся. Прогулявшись вдоль стены, нашёл нишу, похожую на вход в пещеру, дошёл до тупика, образованного свалившимися с потолка блоками, хотел отодвинуть несколько, чтобы пролезть дальше, но интуиция его остановила. Становиться овощем не хотелось. Надо было связаться с бойцами, обсудить положение, наметить план, но прежде всего – освободиться от аксона связи с Ульем. А как это сделать, он не знал.

Вернувшись к устью пещерки, устроился таким образом, чтобы видеть «город» за валом кратера, сел и попытался уснуть, не отвечая на болтовню спутника. На душу спустилось умиротворение, будто выбранная поза и в самом деле подавала необходимое расслабление. Он «закрыв глаза», то есть отключил сознание, мешающее сну. Пейзаж

перед ним потерял плотность, и хотя не исчез совсем, всё же покрылся дымкой тумана.

Сколько он просидел в одной позе, осталось неизвестно, однако релаксация удалась. Из «тела» ушла странная неловкость, порождённая психологической усталостью, мысли побежали живее. Захотелось есть, хотя Лаврентий Павлович понимал, что это пробудились в душе отголоски прежней материальной зависимости.

Он встал, ища глазами туриста, но тот, очевидно, ушёл, чтобы не мешать спутнику отдыхать.

Взгляд упал на слабо светящийся хвостик аксона, выходящий откуда-то из «копчика» и скрывающийся в «каменных» россыпях по направлению к «городу». Дьявольщина! Как от тебя избавиться? Отрубить топором? Или мечом? Отрезать ножницами? Да и есть ли такие ножницы, а тем более топор? И где их искать в призрачной «зоне ожидания», созданной Ульем для пленников?

Обходя «скалы», Лаврентий Павлович спустился к первым «домам» «города» и почти сразу наткнулся на Григория, плывущего навстречу в сопровождении массивной фигуры с аурой холодного голубого свечения.

«Ага, на ловца и зверь бежит, – обрадовался турист. – А мы к тебе направляемся. Вот товарищ хочет познакомиться».

Лаврентий Павлович внимательно осмотрел крупную фигуру «призрака».

«Привет, кто вы?»

«Олег Соловьёв, капитан солнцехода».

«В этом образе вас не узнать. Я вас искал».

«Знаю, мне сообщили».

«О чём пойдёт разговор?»

«Есть предложение».

Лаврентий Павлович посмотрел на Григория.

«Будь другом, оставь нас на полчаса».

Турист вскинул вверх две струйки света.

«Ради бога, беседуйте, я тут пока в „кафе“ посижу».

Турист исчез.

«Где остановимся?» – спросил Лаврентий Павлович.

«Нас ждут».

«Вот как? Я ни с кем не договаривался».

«Илья Остроумов».

«Ведите».

Призрак капитана Соловьёва двинулся к периферии «города», лавируя между группками гуляющих. Особенно осторожно он обходил фигуры с медовым свечением. Лаврентий Павлович обратил на это внимание:

«Вы их сторонитесь?»

«Соглядатаи Улья».

«Вы серьёзно? – удивился Климук. – Здесь, на лимбе? Я имею в виду – далеко от Земли?»

«Люди остаются людьми везде, – усмехнулся капитан. – Что в худшем смысле, что в лучшем. Сюда попали и китайцы, и американцы, и туристы из разных стран, и наши пограничники, и экипаж солнцехода – весьма пёстрая смесь. Нашлись и те, кто ради лучшего положения готов продать всех и каждого».

Лаврентий Павлович подумал о Григории.

«Есть и те, кому просто всё равно, где быть».

Проводник не ответил.

Дошли до «здания», конической формой и количеством окошек и обитателей напоминающего муравейник. Призрак капитана продавил прозрачную мембрану входа, и они оказались в коридоре, спиралью охватывающем центральную ось «муравейника» до самого верха. Вдоль стен коридора плотно сидели «призраки», безучастно «глядящие в пространство». Что они делали, Лаврентий Павлович не понял, но его отвлекли, открыв дверь в кажущейся сплошной «каменной» стене. Он ожидал увидеть нечто вроде внутренностей собора или церкви, но оказался внутри тесного помещения наподобие монашеской кельи где-нибудь в обители на Земле.

Келья была заполнена призраками до отказа. Лаврентий Павлович насчитал их не меньше двух десятков и подивился, как они тут уместились.

«Прошу», – уступил дорогу псевдокапитан.

«Доброе утро, товарищ полковник», – сказал фантом, играющий красными переливами ауры.

Лаврентий Павлович узнал майора Остроумова.

«Что за сход секты?»

«Надо кое-что решить».

«Там в коридоре сидят люди...»

«Это пси-защита, слабенькая, конечно, но всё же гарантия от прослушивания. Вообще-то мы можем говорить свободно, но вы ещё остаётесь подключённым к интерфейсу Улья, и это придётся исправить».

Лаврентий Павлович с любопытством оглядел толпу «фейерверков».

«Кто с вами?»

«Товарищ полковник, тут все наши», – отозвался призрак с золотистыми полосами в спектре свечения.

«Берестов?»

«Так точно. Тут ещё Ивашов, Семеренко и Квашнин. Плюс ребята майора Дрёмовой и члены экипажа. Нет троих, но мы их найдём».

«Что вы затеяли?»

«Есть идея перепрограммировать Улей, – сказал Илья. – Когда мы соберём команду, можно будет пойти на перехват власти. Однако нам нужен командир повыше рангом, чем я. Если вы согласитесь...»

«Я уже думал над этим», – признался Лаврентий Павлович.

«И?»

«Согласен!»

«Не сомневался. – Илья «глянул» на хвостик аксона полковника. – Осталось для начала вас освободить. Мы давно свободны».

Лаврентий Павлович только теперь заметил, что все собравшиеся в келье не имеют светящихся хвостов.

«Каким образом?»

«Нашёлся спец по физике мембран. Каждый аксон – это, по сути, канал полуразвёрнутого десятого измерения, воспринимаемый как видимая струна. Он связывает каждую мыслящую особь с главным девайсом. Кстати, этот девайс находится в центре “зоны”, такой светящийся гриб, если вы заметили. Но предупреждаю, будет больно».

«Потерплю!» – сжал «зубы» Климук.

Локация 23

Над Солнцем

На фоне чёрной звёздной бездны и разноцветной паутины, сотканной кванком фрегата «Крым» траекториями сотен аппаратов вокруг – космолётов разного класса и тоннажа, станций и беспилотных модулей, – Солнце выглядело гигантской сферой расплавленного металла, и Поддубный невольно вспомнил земное светило, провожавшее их корабль. «Крым» с делегацией Коскона стартовал в полдень, но был март, и зимнее солнце, висящее низко над горизонтом, казалось уставшим и похудевшим от голода.

В принципе, похудело оно ненамного, но тем не менее люди знали причину, и она действовала на всех угнетающе. К тому же на Земле начались серьёзные климатические изменения, грозящие обернуться катастрофой. Думать об этом было тяжело.

Ещё тяжелее было организовать раздробленную в политико-психологическом плане структуру цивилизации для отпора неведомому врагу, по-прежнему не желавшему контактировать с людьми. Его комплекс «дойки» Солнца продолжал работать, поглощая миллионы тонн плазмы и тераватты энергии, но как остановить этот процесс, не знали ни службы безопасности, ни учёные.

Температура атмосферы Земли к этому времени упала всего на десятую долю градуса, однако и этого хватило для изменения климата и возникновения катастрофических природных явлений – ураганов, тайфунов и смерчей. Служба погодного регулирования Земли не справлялась.

Двенадцатого марта Совет Безопасности ООН после бурных дебатов принял решение нанести боевой удар по солнечным пятнам всеми имеющимися в распоряжении человечества средствами.

Тринадцатого у Солнца начали концентрироваться боевые флоты Китая, Индии, Африканского Союза, Арабских эмиратских концессий и экономических объединений, США, Европы и Бразилии. Не отстала от них и Россия. По распоряжению Верховного главнокомандующего страны к Солнцу был послан пограничный флот вместе с десятком кораблей Федеральной службы безопасности, в состав которого вошли

мощные линкоры и крейсера «Волга», «Урал», «Крым», «Одесса», «Аврора» и «Варяг». Эскадра насчитывала двадцать восемь боевых платформ и больше тысячи беспилотных модулей, нёсших на борту не только позитронные бомбы, но и «нульхлопы» – генераторы свёртки пространства, способные уничтожить астероиды и спутники планет.

Всего же объединённый флот цивилизации, собравшийся вместе впервые за всё время существования человечества, насчитывал более трёхсот кораблей и более тридцати тысяч беспилотников.

Когда фрегат «Крым», на борту которого должны были разместиться руководители российской космической контрразведки, прибыл к Меркурию, вокруг Солнца образовалась своеобразная паутина, которую пытался подчинить единому центру генсек ООН Пинкисевич. Но он отдавал такие противоречивые распоряжения, что то и дело возникали стычки между командующими флотами, доходившие едва ли не до столкновений. План кампании был разработан в Совбезе ООН, его председатель Моргмайер тоже присутствовал среди руководителей коалиции, и по этому плану те или иные корабли должны были занять места над заранее определёнными целями и приготовиться к стрельбе. Однако некоторые военачальники хотели занять места «поудобнее», выбрав пятна самостоятельно, и в эфире разгорались нешуточные словесные баталии, также грозившие перерасти в обмен ударами.

Первыми вскоре поссорились китайцы с японцами, потом китайцы с индийцами, а также иранцы с израильтянами и англичане с немцами. Но все инциденты пока обходились без боксёрских поединков.

Не конфликтовали ни с кем только руководители российских силовых ведомств, бразильских и корейских. После объединения двух Корей – Северной и Южной – в две тысячи тридцать седьмом году это государство смогло с помощью России и Китая добиться самостоятельности, освободившись от патроната бывшего земного гегемона – США, и заняло собственную позицию на мировой арене. Флот у неё был немалый, что позволяло корейцам чувствовать себя уверенно как в экономическом, так и в военном плане.

Егор Иванович Поддубный прибыл на борт «Крыма» на два часа раньше директора Коскона, ставшего председателем ВЧК, и встретил его с маской озабоченности на лице.

– Что случилось, чего я не знаю? – осведомился Махоничев, проходя вслед за заместителем в пост управления фрегатом.

Они устроились в отдельном наблюдательном модуле рубки с креслом для важных персон, нередко появлявшихся на кораблях этого класса. На обоих были не официальные уники, а «кокосы», и лишь шеврончики на рукавах указывали на их ВИП-допуски.

– Баринов...

– Баринов на солнцеходе, конкретнее. Кстати, китайцы на своём «солнечном кроте» намеревались дойти до пятна и найти «Победителя».

– Их «крот» тоже пропал, только что сообщили из СИА^[11].

– Чёрт!

– Так вот, наши парни установили, что перед отлётом Баринов имел три встречи: с Пинкисевичем, Моргмайером и... угадайте, с кем ещё?

– Я не экстрасенс.

– Со своим замом Кольцовым.

Махоничев пожевал губами, как бы повторяя фамилию, и уставился на операционный виом, в котором вишнёвым накалом горело Солнце, окружённое цветной сеткой флотов. Перевёл посветлевшие глаза на Поддубного.

– Ты хочешь сказать – он тоже?

– Так точно! Нам удалось перлюстрировать переговоры Баринова, загнав насмерть интеллект его кванка. Речь шла о сбросе на какую-то лимбу «расходного материала», под которым подразумеваются люди.

Лицо директора Коскона затвердело до плотности камня.

– То есть хозяин комплекса дойки...

– Улей, как они его называют.

– ...захватывает людей специально и...

– Зомбирует! Ну, или использует в каких-то своих целях.

– В таком случае мы, подогнав флот прямиком к Солнцу...

– Сами отдаём в руки этому Улью «расходный материал».

Махоничев провёл ладонью по лбу.

– Срочно объявляем ВВУ-К! И все кораблям немедленно отодвинуться на безопасное расстояние!

Поддубный скривил губы.

– Ещё неизвестно, какое расстояние можно считать безопасным.

– С какого перестали подавать сигналы «Победитель огня» и пограничный корвет?

– До тысячи.

– Вот и надо уйти дальше, а для перестраховки – на миллион километров!

– Если мы объявим ВВУ в одиночестве, нас никто не послушает, тем более что командуют парадом «шестёрки» Улья – Пинкисевич и Моргмайер.

– Будем действовать самостоятельно. Я объясню ситуацию Мазину...

Егор Иванович кивнул: речь шла о директоре ФСБ.

– ...а ты бери Кольцова! Где он?

– На крейсере «Варяг», прибыл ещё утром с десятью телохранами.

– Кибермехи?

– С живыми он не дружит, – усмехнулся Поддубный.

– Это облегчает задачу захвата.

– Справимся.

– Работаем, Егор!

Поддубный кивнул и подошёл к находившемуся в своём кресле капитану фрегата, чтобы объяснить ему нюансы предстоящего задания.

* * *

Операция по захвату зама комиссара прошла без сучка и задоринки. Никто из постороннего контингента из числа находящихся на кораблях специалистов разного рода не догадался, что произошло. Не считая разве что посвящённых в дело капитанов крейсера и фрегата.

Объяснив смену траектории движения необходимостью взять на борт ещё партию дронов, «Крым» состыковался с «Варягом», предварительно обсудив с его капитаном смысл происходящего, и на борт крейсера сошла группа особого назначения Коскона – семь спецназовцев и семь боевых фозмов под командованием майора Твердохлёбова, плюс Поддубный со своим телохраном.

Крейсер как раз в этот момент начал менять позицию, приближаясь к Солнцу по приказу Кольцова, и группа Твердохлёбова смогла скрытно переместиться к посту управления кораблём.

Так как рубка крейсера являлась особо охраняемым объектом, Кольцов не мог взять с собой всех клевретов и находился там всего с одним кибом, закамуфлированным под живого человека. Остальные – «псевдолюди» и «псевдокенгуру» – расположились в жилой зоне. Сам пост управления охраняли снаружи всего два «человека», вооружённые «универсалами» на плечах.

Первым в пост пошёл Поддубный, взявший на себя руководство операцией. Он спокойно прошёл мимо фозмов, не обладавших человеческой мимикой (она, в общем-то, была и не нужна этим здоровякам), потом как бы случайно поскользнулся и ухватил ближайшего киба за руку, заставив обоих отвлечься. Тотчас же два нанодрона, следовавшие за Егором Ивановичем, вонзились в спины телохранителей, безошибочно находя их «мозги». Дроны взорвались, но не как гранаты, а парализуя квантовые системы защитников мощнейшим ментальным ударом. Они застыли истуканами, и Поддубный вошёл в овальную дверь поста управления.

Капитан крейсера Джордан Суровик покосился на него со своего места, но остался сидеть.

Поддубный помахал ему рукой и в сопровождении «кенгуру» направился к углублению в стене рубки, которое занимали сейчас заместитель комиссара Погранслужбы России Родион Кольцов и его фозмех.

Кольцов был широк, массивен, с мощными плечами и неожиданно небольшой головкой, украшенной к тому же фиолетово-огненным «петушиным» гребнем. Глаза у него были посажены слишком близко к переносице, и на собеседников он смотрел как снулая рыба, вытасченная на берег.

Поддубный остановился за его креслом, мысленно подав команду: «Следите за мной!»

– Родион Мартович, один вопрос можно?

Кольцов повернул к нему голову. На нём был «кокос», и он мог в любой момент зарастить его, что существенно осложнило бы операцию.

– Важный?

– Так точно.

– У вас минута.

– Скажите, какое задание вам выдал Баринов перед тем, как завести солнцеход под удар Улья?

Глаза Кольцова взлетели на узкий лоб чуть ли не под волосы гребня.

– Что вы имеете...

«Начали!» – скомандовал Егор Иванович, включая механизм закрытия шлема.

Выстрел из суггестора «удав» не парализовал охранника, но замедлил его реакцию. Выпущенный в упор нанодрон завершил атаку, проткнув киберу грудь. Он застыл.

Ещё один разряд – его нанёс защитник Поддубного – невидимой струёй воткнулся в лицо Кольцова. Генерал вздрогнул, однако не впал в беспамятство, имея мощный «вшинник». Пришлось бить его ещё дважды – нанодронами и просто кулаком по голове, что и продемонстрировал Егор Иванович. Последний «апперкот» нокаутировал Кольцова, едва не проломив ему череп.

Поддубный оглянулся на капитана.

– Джордан?

– Рубка накрыта «зеркалом», – сообщил Сузовик бесстрастно. – Отсюда ни с кем связаться, помимо нас, невозможно.

– Спасибо, дружище. – Поддубный посмотрел на ворвавшихся в пост управления спецназовцев. – Забирайте его и в его каюту для допроса.

Под взглядами членов экипажа, умело скрывающими свои чувства, генерала вывезли из рубки на гравиплатформе. Через минуту он был доставлен в жилую зону крейсера, и в предоставленной ему каюте остались медики, двое бойцов Поддубного и майор Твердохлёбов.

– Дайте линию на «Крым», – попросил Егор Иванович капитана, и когда в ухе прозвенел тройной звоночек, доложил директору: – Витас Васильевич, он у нас. Всё тихо.

– Допросите? – спросил Махоничев.

– Ждите доклада.

Поддубный повернулся к медикам.

– Как он?

Оба парня, белобрысый и чернявый, начали снимать с головы Кольцова лапки системы реанимации.

– Через минуту очнётся. Он был запрограммирован.

– Был?

– Всё, что лежало в памяти, переписано. – Блондин показал на тележку с приборами. – Можем воспроизвести.

– Позже. Оставайтесь пока.

Медики отошли в сторонку.

Кольцов начал подавать признаки жизни.

Твердохлёбов посадил его на койку, пошлёпал ладонью по щекам.

– Пора просыпаться.

Кольцов вскинул голову, затравленно оглянулся.

– Что... такое?

– Самоликвид не сработает? – поинтересовался Поддубный у медиков.

– У него нет этой программы, – ответил брюнет.

Егор Иванович подошёл к заместителю комиссара.

– Родион Мартович, нам всё известно, поэтому обойдёмся без прелюдий. Вас может спасти от трибунала чистосердечное признание, что вы работаете на пришельцев, и одно срочное дело, которое мы сейчас озвучим. Кстати, кто такой этот Улей?

Глаза Кольцова словно обуглились.

– Не понимаю, о чём вы...

Поддубный подумал, не хватил бы товарища кондратий.

– Приготовьте «удав».

Но Кольцов справился с приступом, осознав, что проиграл. По губам пограничника зазмеилась улыбка.

– Улей – система интеллекта, которая возникнет в будущем через десять в сотой степени лет.

В каюте стало тихо. Переглянувшиеся спецназовцы перевели взгляды на пленника.

– Улей – из будущего?! – недоверчиво спросил Твердохлёбов.

Кольцов поморщился.

– Почему это вас удивляет? К тому времени Вселенная благодаря ускоренному расширению превратится в абсолютную пустоту. Почти. Останутся только редкие фотоны, позитроны и электроны.

– Откуда же в таком случае там возьмётся этот Улей?

– Прежде сменится множество поколений разумных существ, из последних образуется коллективная компьютеризированная нейросеть типа «рой». Может, и не одна, не знаю. И та, что сосёт Солнце, кинет через время канал на Солнце с целью откачки Э-станции.

– Чего-чего?

– Насколько я понял, это минус-энтропия, которая, по идее, спасёт Улей от окончательного распада.

– Мы думали, он качает плазму... энергию.

– И энергию тоже, но она не главное.

– Но ведь Улей просто-напросто убивает человечество! Он не понимает, что это случится, если Солнце погаснет?!

Кольцов пожал плечами.

– Хочет пожить подольше.

Твердохлёбов изумлённо глянул на Егора Ивановича.

– Кчмар!

– Потом будем разбираться, – сказал Поддубный. – Генерал, у нас мало времени. Прежде чем мы поговорим о ситуации, хочу выяснить один вопрос: Баринов знал, что солнцеход будет захвачен Ульем?

– Вы... знаете?!

– Много чего. Так да или нет?

– Знал...

– И пошёл на суицид, по сути?

– Нам обещали жизнь...

– Классно вас зазомбировав этот приятель! – хмыкнул майор.

– Кроме того, мы знаем, – продолжал Поддубный, – зачем Улей собрал к Солнцу столько кораблей. Но если мы сообщим в эфир причину, нам вряд ли поверят. Нужно, чтобы команду флоту не приближаться к пятнам ближе чем на тысячу километров, а лучше на десять тысяч дал ваш главный босс Пинкисевич.

– Вы и об этом знаете?!

– Мы из Коскона, – усмехнулся Твердохлёбов.

– Пинкисевич не главный.

– А кто главный? – спросил Егор Иванович.

– Моргмайер, глава Совбеза ООН.

– А Пинкисевич?

– Его зам по работе с «расходным материалом»... э-э... с персоналом.

– Надо сделать так, чтобы он отдал приказ.
– Какой?!

– Начать бомбардировку пятен, – пошутил Твердохлёбов.
– Не надо! – ужаснулся Кольцов. – Он же всех уничтожит!
– Кто? Моргмайер?
– Улей!
– Как это? – в свою очередь удивился Поддубный. – Разве Улей не хочет захватить всех людей на кораблях?
– Да, но если вы намерены бомбить, он уничтожит флот!
Твердохлёбов крикнул:
– Вот это я пошутил!
– Давай по порядку, – с досадой сказал Поддубный. – В данный момент нам в первую очередь надо отдать приказ флотам отойти от Солнца подальше.
– Йозеф мне тоже не поверит.
– Но вы можете связаться с ним и попросить о личной встрече. Якобы у вас важная информация. Пусть навестит «Варяг».
– Он догадается...
– Хорошо, попросите встречи на борту их флагмана.
– Моргмайер находится на крейсере «Сорос», – сказал Твердохлёбов. – Не уверен, что он согласится вас принять.
Поддубный наклонился к сидящему на койке Кольцову, глаза его заледенели.
– Даю минуту на размышление, генерал! У вас должен быть какой-то экстренный канал для randevу в особо тревожных случаях. Не скажете – я вас просто фрустрирую!
Кольцов отшатнулся, ошеломлённо глядя ему в глаза.
– Что?!

Поддубный улыбнулся, вырастил на плече турель «универсала» – и ствол оружия, способного менять виды боеприпасов, глянул в лицо заместителя комиссара.
– До трибунала вы не доживёте, гарантирую.
Кольцов облизал губы, поёрзал, наткнулся ещё раз на ледяной взгляд и переменялся в лице.
– Я могу... передать важные материалы... лично от Баринаова.
Поддубный кивнул.

– Хорошо, работаем. Связаться с бортом «Сороса» можно и отсюда. Глотните воды и успокойте дыхание. – По знаку Егора Ивановича пленнику подали пластик воды. – Надеюсь, предупредить вас о последствиях лишних движений не нужно?

– Не нужно.

– Прекрасно. Не говорите долго, только самое необходимое, чётко, по делу, что вы через пять минут стартуете к «Соросу» на спецкатере ООН.

– Понял.

Поддубный кивнул Твердохлёбову, и майор включил каютный интерком, вызывая капитана:

– Джордан Трофимович, связь с «Соросом».

– Вызываю, – ответил капитан Суровик ровным голосом.

Стенной виом каюты протаял в глубину, по нему поплыли геометрические фигурки ожидания. Через несколько секунд вместо них компьютер нарисовал торс и голову человека, сидевшего перед камерой в бело-оранжевом «кокосе» со знаками различия американского Космического агентства. Это был капитан крейсера «Сорос» Джеймс Пинкфloyd, о чём любезно подсказала вспыхнувшая ниже вязь букв.

– Я генерал Кольцов, заместитель комиссара Погранслужбы России, – проговорил Кольцов внушительно. – Будьте добры, Джеймс, соедините меня с господином Моргмайером.

Выгоревшие брови Пинкфлойда приподнялись, и Кольцов добавил, упреждая вопрос:

– Важное персональное послание, код «ВВУ».

На лице капитана крейсера отразилось сомнение, но возражать он не стал.

Спустя минуту вместо головы капитана появилась голова Моргмайера, лицо которого было изрезано морщинами и украшено губами-лезвиями.

– Родион... э-э? В чём дело? – говорил Моргмайер по-немецки.

– Нужно встретиться, – сказал Кольцов с нажимом.

– Позже.

– Нет, перед атакой! Срочно!

Моргмайер нахмурился.

– Вы с ума сошли!

– У меня пакет «особого режима» от Баринова. Велено передать вам лично!

Председатель Совбеза ООН пожевал губами, изучая лицо генерала, помедлил.

– Что там?

– Не знаю, босс. Могу лишь предположить, что мой шеф лично беседовал с... координатором.

– Пинкисевичем? – презрительно осведомился Моргмайер.

– С господином У.

Губы Моргмайера сошлись в линию.

– Shit! Почему я об этом не знаю?!

– Баринов велел отдать материалы перед атакой.

– Shit! – повторил глава Совбеза ООН. – Мы должны уже подходить к лимбам!

– Задержите спуск, я буду у вас через десять минут.

Моргмайер оскалился, сделал глоток из появившегося у губ стакана, сказал, как выстрелил:

– Жду!

Связь прервалась.

Кольцов посмотрел на Поддубного, жалко улыбнулся. Лоб его заблестел от пота.

– Я сделал...

– Трибунал это учтёт, – пообещал Поддубный, поворачиваясь к выходу из каюты. – Игорь, сажайте его в катер. Полетим втроём.

– Есть! – козырнул Твердохлёбов.

Локация 24

Десять в сотой степени

Таким тёмным Терентий не видел космос никогда.

Они с Флорой наблюдали за горизонтом, очерченным ободком площадки под прозрачным куполом, больше часа, но так ни разу и не увидели ни одной искры света. Район Вселенной, в котором обитал Улей, представлял собой необозримое чёрное пространство, свободное не только от планет, звёзд и галактик, но и от атомов и элементарных частиц.

– Сколько было сломано копий при обсуждении сценариев конца света нашими философами, – задумчиво проговорила Флора после того, как они поужинали, – каким он будет. Тут тебе и Большой Хлопок, и Большой Холод, и Большой Разрыв, Большое Дробление, даже Смертельные Пузыри. А реализовался самый простой – вечное расширение.

– В принципе, это Большое Замерзание, – заметил Терентий. – Расширение растянуло все материальные объекты, температура упала почти до абсолютного нуля, и теперь здесь царит Большой Холод. Вот для чего Улью понадобилась энергия: он так и не смог качать её из вакуума, предпочёл из нашего солнышка.

– Температура не может упасть до абсолютного нуля. По расчётам учёных, она упадёт до какого-то порога – температуры Гиббонса-Хокинга, где-то десять в минус двадцать девятой степени градусов Кельвина.

– Я знаю, просто сказал для округления.

– А уверял – ты обычный биохимик.

– Так оно и есть, но перед походом в меня впихнули столько сведений о космосе, что я могу лекции читать.

– Не надо.

– Не буду. Ты отдохнула?

– Более-менее.

– Странно, что Улей до сих пор нас не трогает. Почему?

– В условиях угрозы постепенного остывания Вселенной Разумы наверняка начали думать медленнее и даже бездействовать какие-то

периоды времени. Этот процесс замедления мышления может продолжаться триллионы и триллионы лет, и в результате оставшийся в живых Разум, тот же Улей, будет мыслить так медленно, что начнутся квантовые процессы в вакууме. Кстати, мы их и видим, глядя на комплекс Улья. На самом деле ведь это не материальные структуры, а квантовые облака. Но обмениваться мыслями Разумы будут всё медленнее и медленнее. Вот Улей и думает пока, что с нами делать.

– Не уверен, что это верно. Такой Разум мог давно овладеть всеми измерениями пространства-времени и научиться общаться быстрее скорости света. Другое дело, что он очень большой объект, наверно, больше Солнца, а может быть, и галактики.

– Могу поверить.

– Давай посмотрим со стороны? А то мы всё время болтаемся внутри Улья.

– Не хочу, это ничего не даст. К тому же мы можем потеряться в космосе, тем более если движение Улья связано с другими измерениями, и назад уже никогда не вернёмся.

– Ладно, как скажешь. Но контакт с ним всё равно необходим. Только он сможет вернуть нас в Солнечную систему.

– Если он нас не закатает в асфальт.

– Куда, в асфальт? – удивился Терентий.

Флора засмеялась.

– Нашла старый термин. Итак, вперёд?

– Готов. Хотелось бы понять, почему нас выбросило именно сюда, под колпак, а не к потребителям энергии? Оптимал, что показывают твои датчики?

– Вообще-то, пока мы неслись в хвосте энергопакета, он пробил девяносто девять мембран, – ответил кванк.

– Чего?

– Мне показалось, что это мембраны, каждая из которых забирала часть энергии. Сюда мы влетели уже на соплях.

Терентий издал смешок.

– Образно говоришь!

– Извините.

– Наверно, мембраны и были потребителями энергии, – предположила женщина. – Как пойдём? Назад или другим путём?

– Другим – значит ломать стены и конструкции, если не найдём шахты или тоннели.

– Тогда идём назад, пока не обнаружим ход к мозгам Улья. Оптимал, малый ход!

– Секунду! – остановил компьютер Терентий. – Всё же давай прикинем версии встреч с Ульем.

– Мы уже внутри, не поздно?

– Думать никогда не поздно.

– Чего ты опасаясь?

– Его неадекватной реакции. Несмотря на предполагаемое могущество этого роя и его возможности манипулировать измерениями и временем, мне почему-то кажется, что он не является продуктом божественного прогресса.

– Объясни.

– Во-первых, мы приняли Улей за высокоразвитую цивилизацию III уровня по классификации Козырева, способную использовать не только энергию, но и информационное содержание миллиардов галактик, только из-за того, что он смог бросить мостик из своего времени глубоко в прошлое, что нам недоступно. Но это обстоятельство одновременно несёт в себе сомнения, так ли он могуч, если в прошлом нашёл наше Солнце и качает из него энергию, как обыкновенная доярка – коровье молоко. Солнце – лишь одна из рядовых звёзд триллионов других светил Вселенной, его не хватит на питание системы, сформированной миллиардами галактик.

– Это твой личный вывод – о миллиардах галактик, из которых он состоит. Может быть, Улей и большой объект, но всего лишь размером с наш Млечный Путь.

– Всего лишь, – усмехнулся Терентий. – Смешно. Всё равно я вижу несоответствие масштабов величия с масштабами деятельности.

– Он может качать энергию и из других звёзд. Мы же не следим за их излучением и поведением.

– Тут ты права, стоило бы поднять записи наблюдений за звёздами галактики. Однако должен быть какой-то дополнительный стимул, заставивший Улей качать энергию из Солнца.

– Он есть.

– Да? Интересно.

– Энтропия, – наметила улыбку Флора. – Кроме энергии Улей выкачивает минус-энтропию, которая намного важнее энергии. Именно она позволяет квантовым облакам и осцилляциям вакуума поддерживать форму долго.

– Ничего не слышал о минус-энтропии. Существует только положительная энтропия как мера увеличения хаоса.

– Просто ваши учёные ещё не дошли до открытия Э-субстрата с минус-энтропией, играющей роль силы, которая сдерживает инфляционное расширение Вселенной.

– Ага. – Он не сразу осмыслил сказанное сотрудницей какой-то секретной службы из двадцать третьего столетия. – Что ж, допускаю. Очень интересно! Хотя всё равно дойка Ульем Солнца как-то уж слишком принижает уровень развития Разума столь далёкой эпохи.

– Есть ещё один аргумент.

– Ты меня прямо-таки балуешь информацией.

– Эмоции.

– Что? – удивился Терентий.

– В твои времена и до этого открытия не успели дойти? Дело в том, что эмоции как способ реагирования на вызовы природы представляют собой не только вершину развития человека, но и вершину нравственного прогресса любого вида Разума. Без них ни у кого не возник бы интерес к познанию мира. Разумные системы без эмоций смысла не имеют.

Флора замолчала.

Молчал и Терентий, хотя в голове у него метался целый вихрь вопросов, возражений, сомнений и подтверждений, нуждающихся в размышлениях.

– Ну ты выдала! – наконец пробормотал он.

– Моя реакция была почти такой же, когда я это узнала.

– Но тогда возникает тысяча нюансов...

– Не преувеличивай, меньше.

– Тогда ответь на один: если Улей – высокоинтеллектуальная система класса «рой», зачем ей использовать эмоции других существ? Ей больше нужен их интеллект.

– Он может даже не подозревать о влиянии чужих эмоций, но, подсоединяя к себе всё больше сознаний эмоциональных носителей, он вольно или невольно будет опираться и на их эмоции. Именно

поэтому у нас имеется шанс достучаться до эмоциональной сферы Улья и добиться понимания.

Взгляд Терентия остановился. Он попытался разобраться в потоках мыслей собственного мозга.

– Созрел? – поинтересовалась Флора.

Он очнулся, смущённо глянув на женщину.

– Ты серьёзно – насчёт эмоций? Что они вершина развития?

Флора засмеялась.

– Не обижайся, но ты наивен, как Иванушка-дурачок из русских сказок. Об эмоциях – не моя идея, она выстрадана человеком к моему времени. Только и эмоциями надо уметь управлять, а главное – развивать в позитиве до божественного, так сказать, уровня.

– Я не обижаюсь.

– Оптимально, поехали.

Она зарастила шлем.

Терентий с запозданием сделал то же самое.

«Голем» повернулся вокруг оси, обозревая помещение под куполом лучами прожектора и двух локаторов – радиочастотного и гравитонного.

Дыра в полу, через которую катер вылетел под прозрачный пузырь, была закрыта мембраной – решёткой со сложным интерференционным рисунком паутинок. На прикосновение манипулятора решётка не отреагировала. Тогда Оптимально начал ощупывать края люка всеми видами излучений и обнаружил уплотнение, удерживающее крышку люка под углом в сто двадцать градусов. Свет прожектора и радиолуч на него не подействовали, зато стоило компьютеру «постучать» по утолщению краешка мембраны гравитационным «молотком», как узор «паутинок» изменился и чёрная пластина растаяла.

– Похоже, Улей сам приглашает нас к себе, – произнёс Терентий.

Катер прыгнул в открывшийся тоннель.

До финиша под куполом тот коридор, что привёл беглецов сюда, начинался из центра сферы и был прямым, как древко копья. Новый тоннель свернул на второй сотне метров и повёл катер куда-то сквозь коммуникации и слои светящихся структур по замысловатому маршруту. Через три минуты стремительного скольжения в

кишководной складчатой трубе «голем» выскочил в помещение, формой напоминающее желудок бегемота, и остановился.

«Желудок» оказался размером с внутренний зал собора Петра Великого в Петербурге. Он имел сотни наростов, светящихся пурпуром, словно они были раскалены до высоких температур (между тем как датчики Оптимала показывали странную «абсолютно нулевую» температуру – минус двести семьдесят три градуса по Цельсию), и помаргивал сотней птичьих глазок.

Дыра тоннеля за кормой катера заросла чёрным узором.

– Ничего не чувствуешь? – вдруг спросила Флора.

– Тонкие колебания полей... – начал отвечать Оптимал.

– Я не тебя спросила.

– Меня? – Терентий прислушался к своим ощущениям. –

«Вшинник» чувствует сквознячок.

– Нас чем-то просвечивают.

– Оптимал?

– Это не гамма-лучи и не рентген, – успокоил компьютер.

– Слава богу!

– С другой стороны, если Улей манипулирует вакуумом, от его колебаний нас ничто не защитит.

– Надеюсь, – сказал Терентий, – ты ошибаешься.

Подождали несколько минут, вглядываясь в мерцающие «угли» стен.

– И долго будем так сидеть? – не выдержал молодой человек.

– Если нас пригласили, как ты сам сказал, то должен появиться парламентёр для переговоров.

– Я просто выбрал самый лучший для нас вариант. Улей мог бы запросто нас уничтожить.

– Не думаю, что так уж запросто. «Голем» – не детская коляска. К тому же умный не станет уничтожать слабого, не узнав, чего тот хочет.

– То есть ты надеешься на эмоции Уля, так?

Флора промолчала.

Ждать пришлось ещё полчаса.

Наконец стены «раскалённого желудка» в очередной раз мигнули, и с потолка помещения выпала вниз капля воды величиной с бочку, за пару мгновений превратившаяся в человеческую фигуру. Терентий

ожидал увидеть Гришу, но вспомнил, что приятель остался внутри малого Улья – солнечного. Этот посланец был незнаком.

Флора тоже никогда не встречалась с аналогом переговорщика.

Он был высок, выше самого Терентия на голову, массивен, широк и одет в подобие металлического балахона, скрывающего ноги. Затем стало видно его лицо, и мышцы плеч Терентия невольно напряглись: у парламентаря было почти нормальное человеческое лицо и три глаза! Он оглядел катер, вися в центре помещения на высоте двух метров от пола, поманил рукой пассажиров, приглашая их выйти.

– Жди, – встала Флора.

– Пойду я! – возразил он решительно, преграждая путь женщине. – Коммуникатор – моя профессия.

– Тогда пойдём вместе.

– Флора...

– Выполнять! – процедила она сквозь зубы.

Пришлось подчиниться.

Выслали вперёд «кенгурят» – фозмов, выбрались сами, зависая перед парламентарем на той же высоте.

Он оглядел их как обыкновенный человек, не выражая никаких эмоций (Терентий подумал об этом с усмешкой), стал смотреть на Флору, приняв её, очевидно, за главного. В головах обоих космолётчиков проквакал сдавленный, полный металлических щелчков человеческий голос:

– Предлагаем присоединиться.

Терентий покосился на державшуюся чуть поодаль Флору, подумав, что и она, наверно, повернула к нему голову.

– Как тебе нравится? – сказала она. – Ни привета, ни вопроса, ни вводного слова.

– Просто Улей послал для контакта с нами какую-то недалёкую программу.

– Вы знаете, кто мы? – обратилась она к парламентарю.

– Не имеет значения, – равнодушно ответил трёхглазый.

– Представьтесь.

– Не имеет значения, – тем же равнодушным тоном повторил парламентар.

– Нам нужен представитель хозяина более высокого уровня. Передайте ему, что мы будем разговаривать только с существом не

ниже нас по интеллекту.

– Не имеет значения, – в третий раз повторил переговорщик.

– В катер! – скомандовала Флора Терентию.

Оба повернулись и вернулись в кабину.

Виом показал висящего трёхглазого, на лице которого не отразилось ничего, будто он действительно был только роботом уровня автоматического громкоговорителя.

Спустя несколько секунд он исчез.

– Оптимал, защита!

Вириал управления сыграл гамму индикаторного перемигивания. Видимость внешнего интерьера стала хуже, компьютер накинул на «голем» пузырь – дополнительное силовое «зеркало».

– Что-то здесь не так, – покачал головой Терентий.

– Ты про что?

– Почему для контакта с нами Улей посылает такого болвана? Вернее, пустышку с функцией голоса? Почему он просто не включит зомбер, чтобы подчинить нас?

– Я думала над этим. Зомбер, как ты говоришь, или аппарат для внушения, Улей, может, и включал, но это излучение не пробило защиту катера. Другое дело – болван.

Терентий издал смешок.

– А разве нет?

– А ты ни разу не задумывался, почему мы считаем Улей единым организмом? Да, он сформирован миллионами клеток-сознаний живых существ и нанитов, но они всё равно отличаются друг от друга, и прежде всего – интеллектом и психикой. В начале двадцать первого века был создан фильм «Матрица» о возникновении саморазвивающейся компьютерной программы, по сути – первого Уля. И таких систем люди выдумали не одну. Так это на Земле. На других планетах должны были возникнуть свои Ульи, со своими наборами логик и законов бытия, которые потом объединились с нашими в один глобальный – вот этот самый. Он и подключает к решению задач то один узел, то другой. На Солнце сейчас торчит Улей поменьше, а для контакта с нами выбран другой, ещё проще.

– Получается, мы с тобой совсем тупые? – пошутил молодой человек.

– Просто он нас недооценил.

Словно услышав последние слова гостя, с потолка «желудка» свалилась ещё одна светящаяся капля, но превратилась не в человека, а в чудовище, зависшее перед катером. Оно совмещало в себе черты динозавра: пасть с рядами зубов, ряд пластин на спине вдоль позвоночника, бугры мышц под чешуйчатой кожей. Поворочав головой, чудовище посмотрело на катер ярко-зелёными глазами с вертикальным зрачком и сделало тот же приглашающий жест, что и первый переговорщик.

– Кчмар! – хмыкнул Терентий. – Ещё один интеллекул.

– Похоже, ты был прав: это представитель какой-то другой диаспоры в мозгу Улья.

– Может, пригласим его сюда?

– Не пойдёт, только потеряем время на уговоры. Он себе не принадлежит. Придётся выходить.

– Одну не пушу!

Флора молча покинула кабину первой.

Вылетели наружу на антигравях, зависли перед контактером.

Он раскрыл пасть, на мгновение высунув длинный раздвоенный язык, и в ушах Терентия раздался шипящий голос:

– Даю последний шанс! Идите за мной! Иначе – деструкция!

Говорил он на русском, и Терентий наконец осознал, что это мыслеречь, а не радиопередача.

– Я ему сейчас врежу!

– Не спеши, сорвёшь переговоры.

– Это очередная тупая скотина, а нам нужен хозяин. Неужели до сих пор не понял, что мы не козявки в древесной коре?

– Представьтесь! – попросила Флора.

Фантом переговорщика уставился на неё, приоткрыв пасть, и выглядело это очень смешно, так, будто обезьяна усиленно соображает, пытаясь понять человека.

Терентий издал смешок.

– Умилительная зверюшка!

– Я человек с планеты Земля, – проговорила Флора, – Солнечная система, галактика Млечный Путь, а кто вы?

«Динозавр» захлопнул пасть с такой силой, что, находясь они в воздухе, раздался бы громкий лязг.

– Система Унхи Банши... – раздался его шипящий мыслеголос. –
Накрайний Уегон... инакотвор сееполе... чакоча немерна в инкварте...

Терентий сглотнул, чтобы не рассмеяться.

– Всё поняла?

Но Флора не стала отвлекаться на реплику.

– Кто вами руководит?

– Велигос... единолич... деризна форм...

Терентий всё же не выдержал, прыснул.

– Это кого он так назвал?

– Помолчи! – раздражённо прошипела Флора.

Помедлив, продолжила:

– Расшифруйте.

Мыслеголос парламентаря окреп, налился силой:

– Великий Господин... Единственный в Величии... Держатель
Знаний и Форм Бытия.

Терентий с трудом удержался от смеха, хотел было сказать, что
Улей – всего лишь рой сознаний, но Флора его опередила:

– Что предлагает ваш... м-м... Велигос?

– Влиться в наше облако форм...

– Мы индивидуальные сущности.

– Не имеет значения.

– Для нас имеет! Передай это Велигосу. Для общения с нами мы
ждём равного. Понял?

«Динозавр» мигнул. Высунул язык – быстро, как это делает змея.
Помолчал. Снова мигнул.

– Он будет недоволен... велено предупредить... в противном
случае я размажу вас на миллиарды световых лет!

Терентий крикнул.

– А я всё жду, когда он начнёт угрожать. У них тут строго: шаг
влево, шаг вправо – расстрел! Возвращаемся!

– Подожди.

Флора всплыла на метр выше.

Фантом динозавра наблюдал за ней, поднимая морду.

– Угроза принадлежит тебе или хозяину? Велигосу?

– Мы... едины...

– Не верю! Он ведь не знает, что ему предложим мы.

– Вы отказываетесь?

– Да, чёрт возьми! – вышла из себя Флора. – Возвращайся и передай боссу наши требования: контакт достойного уровня!

– Мои полномочия позволяют...

– Выполнять! – Женщина повернулась к «динозавру» спиной. Но это было ошибкой.

Туша парламентаря превратилась в каплю, с потолка помещения в неё ударили неяркие молнии, и капля стала увеличиваться в размерах.

Терентий метнулся к Флоре с криком:

– Берегись!

Капля, бывшая «динозавром», взорвалась как газовый пузырь! Волна зеркальных изломов пространства ударила ей в спину, превратив «кокос» в дуршлаг с рваными отверстиями. Флора вскрикнула, переставая шевелиться. Бросившиеся к ней кибыващитники неподвижно застыли, потеряв манипуляторы и возможность двигаться. Их тоже накрыла волна странного взрыва, не будучи ударной, как после реального взрыва в воздухе гранаты. Тело Терентия потрясла вибрация, но кванк скафандра успел накрыть хозяина силовым зеркалом, и неведомое излучение поле не пробило. Он схватил Флору в охапку и одним прыжком внёс в кормовой люк «голема».

– Оптимал, форсаж!

На корпус катера с потолка сыпанул ливень молний, однако силовая защита аппарата выдержала. Он выстрелил из гравика в чёрную решётку люка в стене помещения, выбивая её, как обычный люк канализации в земном городе, и прыгнул в открывшийся тоннель, оставляя за кормой заполнившийся мерцающим дымком отсек Улья.

Действуя на личном «форсаже», Терентий внёс потерявшую сознание женщину в кабину, уложил лицом вниз на пол, начал снимать скафандр, пользуясь мономоликом, режущим металл.

«Кокос» сзади оказался пробит мелкими разрезами, точно так же как нательный костюм термотрико. Когда Терентий его срезал, увидел, что и вся спина спутницы покрыта сетью шрамов, будто её кромсали щипчиками для ухода за ногтями.

Он протёр спину, поясницу, ягодицы, ноги останавливающим кровь раствором, невольно полюбавшись красивой фигурой (интересно, что она имела в виду, говоря, что не совсем человек?), заклеил шрамы заживляющим пластырем, с трудом натянул на неё

трико и только потом принялся приводить в сознание, одним глазом посматривая на виом, показывающий плывущие мимо стенки тоннеля. Никто за ними не гнался. Терентий подумал об этом мимолётно и тут же забыл.

Флора пришла в себя через минуту. Так как она лежала ничком, Терентий помог ей повернуться на бок.

Какое-то время она прислушивалась к себе, хмуря брови, оглядела себя, вопросительно посмотрела на лекаря.

– Ты... переодевал?

Он откровенно ухмыльнулся.

– Не я... кибы...

– Не ври. – Флора принялась снимать трико. – Отвернись.

Он пожал плечами.

– Смысл?

Она прикусила губу, стащила трико, повернувшись к нему спиной.

– Сними пластырь.

– Пусть заживёт.

– Выполнять!

Он начал отклеивать белые полоски пластыря и не удивился, когда увидел, что шрамы на теле жительницы две тысячи двести второго года почти исчезли.

– У тебя хорошая регенерация.

Она промолчала, начиная переодеваться, и Терентий на всякий случай отвернулся, оставляя в памяти прекрасный сюжет – тело голой женщины невероятной красоты.

Сев рядом, она характерным жестом поправила волосы на виске.

– Где мы?

– А фиг его знает, – легкомысленно ответил он. – Где-то в периферийной оболочке Улья.

– Что произошло?

– Парламентёр взорвался, но как-то очень странно, скорее как шаровая молния, чем бомба. Но твой «кокос» его волна пробила. Надо было ещё до переговоров закрыться «зеркалом».

– Спасибо за совет.

– Не сердись.

– Я не сержусь. – Она помолчала, проводив взглядом чёрный желвак на стенке тоннеля. – Ты меня спас, в долгу не останусь.

– Нет никакого долга. Остановимся?

Пауза.

– Где?

– Найдём боковой ход или вернёмся под купол, где были.

– Дай подумать.

Помолчали.

– Хорошо бы узнать, чем угостил нас Улей, – сказал Терентий после паузы.

– Какая разница? – равнодушно ответила Флора.

– Интересно же, что это за физика.

– Какое-то поле.

– Явно не электромагнитное, судя по тому, что оно проделало с твоим «кокосом». Кстати, почему ты не включила защиту?

– Она была включена.

– Не лги царю, – пошутил он. – Я снимал рваньё, и комп сообщил мне, что «зеркало» было отключено.

Женщина помолчала, потом нехотя призналась:

– Хотела проверить...

– Что?

– Свои возможности.

– Какие?

– По сопротивлению экстрим-воздействию.

– И как, проверила?

– Отстань! – рассердилась Флора.

– Я не пристаю, а считаю, что так рисковать нельзя. А если бы удар был помощней и превратил бы тебя в фарш?

Флора сверкнула глазами, темнея, и Терентий отступил.

– Ладно, не злись, впредь давай советоваться перед рискованными экспериментами.

Флора ещё раз сверкнула глазами, однако возражать не стала. Подумав, спросила:

– Тебе там, в твоём времени, сказали, на что ты идёшь?

– При выдаче задания?

– Естественно. Я имею в виду, на какой риск ты согласился? До какой степени свободен в решении и свободен ли вообще?

Он кивнул.

– Я не был фашистом, прикованным к пулемёту и обречённым на смерть. А ты?

– Поподробней про фашиста.

– Ты не читала о Мировой войне в середине двадцатого века?

– Не то чтобы не читала, – виновато сморщилась она. – Но не слишком интересовалась. Всё же для нас прошло двести пятьдесят лет со времени окончания войны.

– Двести пятьдесят с хвостиком. Для нас на сто меньше.

– Для вашего поколения эта память ещё дорога...

– А для вашего?

Она помолчала.

– Всё не просто.

– Расскажи.

Катер продолжал лететь в тоннеле со сверкающими наплывами, кажущемся бесконечным.

Терентий ждал.

Наконец она сказала:

– В наши времена жизнь людей неожиданно приобрела новую ценность. Если в начале двадцать первого века она обесценилась, потеряла значение из-за войн и передела однополярного мира в многополярный, то в двадцать третьем веке истинных людей осталось мало, и жизнь каждого стала едва ли не бесценной.

– То, о чём мечтали социалисты. А что значит «вас осталось мало»?

– То и значит. – Флора прямо посмотрела в глаза собеседнику. – Большинство населения Земли и Солнечной системы предпочло коллективную жизнь, утратив индивидуальную свободу, присоединившись к РС-системам, которые заменили государства и бизнес-корпорации. Тех, кто хочет развиваться вне РС, независимо, осталось не более двух процентов населения.

Терентий присвистнул.

– Так мало?

– Это примерно триста миллионов человек.

– Что такое РС-система?

– Разум типа «стая», то, что ты назвал матрицей. Большие искусственные интеллекты, включающие в себя интеллекты всех людей.

– То есть это Ульи?

– Предтечи. Но эти системы не являются абсолютными правителями социума, как их рисовали фантасты. Предки смогли реализовать так называемые законы роботехники Азимова. Даже в них руководители – люди, чьё мнение ценится. Но существуют и зоны, свободные от компьютерной зависимости, хотя они и обладают сервис-системами. Там всем распоряжаются люди. – Флора слабо улыбнулась. – Ну, или почти люди.

– Как ты?

– Мой уровень ниже, но в перспективе я могу достичь важного поста и даже стать координатором развития какой-нибудь зоны.

– А какое конкретно задание ты получила от начальства? Только ли выяснить причину пульсаций Солнца?

– Не только, мне поручили установить контакт непосредственно с оператором процесса и договориться.

– С Ульем, разумеется. О чём собираешься договариваться?

Флора прикусила губку.

– О помощи...

– Не понял, какой помощи?

– Есть надежда, что Улей поможет нам справиться с давлением РС-систем.

– У тебя такие большие полномочия?

– Не завидуй.

– Но ведь Улей тоже коллективная система, как он поможет вам справиться со своим предком?

Она снова наметила улыбку: сумасшедший по красоте и гармонии рисунок губ, изумительной геометрии лицо, огромные золотисто-карие глаза... С ума сойти!

– Смотри что предложить в обмен. Не пытай меня, я не готова объясняться. У тебя ведь полномочий не меньше?

Теперь засмеялся Терентий.

– Такое впечатление, что нас готовил один и тот же человек.

– Просто творческие люди одинаковы во все времена, они беспокоятся о судьбе человечества.

Он хотел сказать, что далеко не все творческие люди заботятся о судьбе других людей, но не стал.

– Расскажи мне о вашей жизни.

– Не сейчас. Не понимаю, почему нас запустили в эту кишку и не торопят напомнить о себе. Чего ждёт от нас Улей?

– Ждёт, что мы предпримем, заявив о необходимости контакта с равными себе по интеллекту.

– Есть идеи?

– Надо искать главный мозг Уля, как мы и намеревались.

– Знать бы, где этот мозг торчит во всей его структуре.

– Я имею в виду ту его структуру, которая мыслит не хуже нас. В его сфере должны существовать отсеки или зоны, где располагаются лагеря разных захваченных им сознаний. Мы сейчас движемся внутри буфера и...

– Внутри чего?

– Я уже говорил, что мы попали в буфер, которым и является оболочка сферы. Это подсистема, напоминающая неокортекс, периферийную оболочку мозга человека. Может быть, мы перемещаемся по какому-то нерву или, наоборот, по нейтральной силовой линии, играющей роль шпангоута в обшивке морского корабля. Надо искать выход.

– Ты, случайно, не координатор в своей епархии? – прищурилась женщина. – Уж слишком умно мыслишь.

– Стараюсь не отставать от продвинутых потомков, – с улыбкой ответил Терентий. – Но я не координатор, простой опер.

– Ну-ну, опер. – Флора повернулась лицом к вириалу, вытащила рожки менара. – Оптимал, нащупал что-нибудь?

– Через каждые километр-два в стенах по кругу падает интенсивность освещения.

– Остановись на следующем.

Через минуту катер достиг более тёмной кольцевой перемычки.

– Параметры.

Компьютер высыпал в пилотское окошко горсть показаний датчиков.

– Пощупай стенку неоперабельно.

«Голем» лизнул стены перемычки прожектором и локаторами.

Виом показал анфиладу менее плотных объёмов за стенками перемычки.

– Режем?

– Режем!

– Направление?

– Покажи нам относительное местоположение, – попросил Терентий.

– Весь объём объекта мне недоступен.

– Хотя бы в общих чертах.

В глубине виома сооткался призрачный «орех» Улья, сотканный из множества фрактальных кружев. Красное колечко показало внутри семечко «голема».

– Давай налево, к центру. Так, товарищ майор?

– Налево так налево, – подтвердила Флора.

Катер боксёрским ударом вонзил в перемычку «кулак» гравитонного импульса.

Круг обшивки тоннеля превратился в сетку чёрной паутины, растворившейся в мерцании тумана, которым было заполнено помещение за стенкой. Локатор прощупал туман лучом, и катер нырнул в просветлевший тоннель, уходящий в толщу оболочки невероятно сложной конструкции, способной мыслить.

Локация 25

Солнце. Улей

Боль прокатилась колючим шаром от «копчика» до «головы», и Лаврентий Павлович едва не закричал, не ожидая такой реакции «виртуального организма» – того, кем он являлся в данный момент, стоя в кольцевом коридорчике с сидящими вдоль стен светящимися телами существ, потерявших физические оболочки. «Стиснул зубы», вывернул «голову», чтобы посмотреть на «копчик».

Хвоста не было. Операция по «обрезанию аксона», соединяющего полковника с мозгом солнечного Улья, прошла успешно.

Сам процесс «обрезания» выглядел так.

Лаврентий Павлович улёгся животом на плиту перед входом в «келью», где он беседовал с найденными соратниками, и майор Остроумов (в его ауре проглядывали алые струйки воли, что подчёркивало жёсткий характер майора) взялся за хвост-аксон двумя «руками», то есть вырастил щупальцевидные струи света таким образом, чтобы «щупальце» дважды обмоталось вокруг аксиона. Точно таким же образом к нему присоединились ещё двое бойцов из группы Климука.

«Держитесь!» – предупредил мыслеголос Ильи.

В «копчик» Лаврентия Павловича вонзилась огненная стрела боли, покатила по «позвоночнику», взорвалась в «голове» бесшумной гранатой! Он был готов к этому, однако еле сдержал крик и в себя пришёл не сразу. Прислушался к туману мутного потрясения во всём теле, усилием воли загнал этот туман в «ноги», поискал ранее торчащий из «копчика» хвост и обнаружил «кровооточающий шрам». Во всяком случае, он пульсировал затихающей болью как настоящая рана.

«Хирурги», отрезавшие аксон, отступили.

«Как вы себя чувствуете?» – спросил Илья.

«Как после настоящей ампутации конечности», – мрачно сознался Лаврентий Павлович.

«Мы все прошли через это. Двигаться можете?»

Он встал, ощущая внезапно надвинувшийся голод, будто у новорождённого ребёнка отняли материнскую грудь или по крайней

мере трубку питающей молочной смеси.

«Есть хочу...»

«Это последствия обрезания. Пуповина аксона связывает всех в этой зоне с инфоцентром Улья, который ещё играет роль и энергопитателя. Чувство голода скоро притупится».

«А вы как обходитесь без еды?»

«Подсоединяемся к тем, кто не вышел из сети».

«Как?»

«Мы научим. Пойдёмте, обсудим планы. Теперь можно не опасаться, что Улей нас подслушает».

«Лихо вы всё продумали!»

Илья «улыбнулся», что выглядело так, будто из его макушки вырос мыльный пузырь и лопнул, растворяясь в воздухе.

«Мы из контрразведки, товарищ полковник».

«А хозяин не отреагирует на операцию? Он ведь с каждым отрезанным аксоном теряет информационную насыщенность».

«Пока что паники он не поднял, хотя нас уже полсотни свободных».

В «келью» набилось с десятков пленников, отбросивших хвосты связи с Ульем.

«Итак, товарищ полковник, мы готовы».

«Мне надо знать расположение центра управления Улья».

«Он весь – центр».

«Тем не менее должен быть головной орган типа мозжечка в человеческом мозгу, который принимает решения».

«Вся эта зона...» – начал призрак капитана Звягинцева.

«Город?»

«Нечто похожее на город, так вот, вся эта зона подсоединена к крыше, которая играет роль операционной системы. По мере необходимости она бросает в... э-э, город канал связи».

«В одно определённое место или в разные?»

«Похоже, что в одно – это как раз центр города, типа чаши стадиона».

«Отлично! Надо сделать шухер, чтобы Улей обратил на него внимание, и когда он опустит своё щупальце к чаше, атаковать его через канал и взять в плен!»

По «келье» прошло движение: призраки людей переглядывались.

«Шухер? – хмыкнул Илья. – Что-то этот термин мне...»

«Старое доброе словечко, обозначает скандал».

«Понял, спасибо. Но взять Улей в плен...»

«И это образное выражение, которое можно перевести так: Улей надо перепрограммировать».

Призраки заволновались, однако по жесту майора застыли.

«Нас маловато для такой процедуры. Улей вмещает миллионы сознаний, не считая каких-то защитных программ».

«Нас мало, но мы в тельняшках!» – усмехнулся Лаврентий Павлович.

«Что?!»

«Забей. Нас мало, но, во-первых, мы настроены и не так уж слабы в ментальном плане. Во-вторых, Улей не ждёт нападения. Риск, разумеется, есть, и немалый, но второго шанса у нас не будет».

«Хорошо, допустим, мы перепрограммируем... э-э, возьмём его в плен. Дальше что? Он ведь всё равно не вернёт нас домой, наши тела... стали излучением».

«А дальше мы отправимся к его хозяину в то далёкое будущее, в котором и обитает Великий Улей. Уверен, что он-то как раз обладает нужными компетенциями как огромная разумная система, опередившая нас на триллионы лет».

Призраки шатнулись и снова застыли.

«Вы... действительно считаете...»

«Майор, если мы перестанем ставить перед собой глобальные задачи, мы до состояния Уля не доживём. Не будем скатываться в схоластику и философские споры, дело нужно делать».

Повисла пауза. Большинство присутствующих в прошлом были военными людьми и привыкли к дисциплине, но среди них были и те, кого Лаврентий Павлович не знал.

«Я бы повременил, – раздался мыслеголос такого незнакомца. – Давайте увеличим численность диверсионной группы хотя бы до ста человек. Можно даже попробовать перекодировать комиссара Погранслужбы».

«Только не Барина! – покачал «головой» Остроумов. – Этого человека ничем не соблазнишь, кроме разве что власти. Если он и согласится помочь, в чём я сомневаюсь, потому что это была его идея

подогнать солнцеход под зомби-атаку Улья, то вполне спокойно решится предать ещё раз».

Сделавший предложение промолчал.

«Итак, парни, как нам организовать... м-м, шухер?» – после паузы спросил Остроумов.

«Вот это и обсудим, – кивнул Климук. – Думайте, предлагайте варианты».

В «келье» установилась абсолютная мысленная тишина.

* * *

Если бы не Григорий, операция по захвату «мозга Улья» могла сорваться, не начавшись. Так как самим «диверсантам» нельзя было устраивать «шухер» из-за отсутствия хвостов-аксонов, Климук предложил бывшему туристу яхты «Синтрейл» поучаствовать в «бунте», и тот неожиданно согласился, сочтя идею забавной. О том, что будет дальше, он даже не спросил, ограничившись шуткой: почему бы не повеселиться?

Для убедительности момента он подговорил присоединиться к нему ещё нескольких «земляков», и началась операция с того, что у чаши «стадиона» в центре «города» началась натуральная драка. Григорий как бы нечаянно задел группу полосатых инопланетян, олицетворявших собой сознания агрессивных, быкообразных и зубастых существ, и после «словесной перепалки» (мыслеязык «быков» оказался образным, но простым, как человеческий мат) образовалась «уличная ссора», охватившая до сотни сторонников с той и с другой стороны.

Отряд Климук численностью в шестьдесят два бойца в этот миг находился в соседнем «мавзолее», и как только в небе полыхнула синеватая зарница, пойманная чашей «стадиона», рванул к нему плотным языком пламени, окрашенным преимущественно в цвет угрозы – алый.

Лаврентий Павлович не знал, как выглядит главный опорный девайс Улья, принимающий решения. Никто из его спутников никогда там не бывал и ничего о нём не слышал. Даже Григорий, который «принял веру» Улья, то есть добровольно присоединился к нему при

крушении яхты, не мог ничем помочь, потому что не задумывался над проблемами «восстания сознаний». Его с собой «на абордаж» Климук брат не стал из боязни утечки информации.

Полёт был коротким.

Солитон прозрачного света пробил слой «атмосферы» над «городом» и вонзился в не менее иллюзорный, но более сложный мир, резко отличающийся от нижней «зоны ожидания», которая, по сути, была для пленников резервацией.

Глаз у Лаврентия Павловича не было, вернее, роль системы обзора играло всё световое тело полковника, и его едва не ослепила игра световых композиций, составленных кристаллическими на вид фигурами. Это тоже был «город», но иных пропорций и пересечений, порождающих судорожную реакцию «желудка». Ни одной плавной линии, ни одной округлости, сферы, гиперболических изгибов и парабол. Одни шипы, зеркальные углы, кристаллические сколы, острые лезвия и гребни самых неожиданных конфигураций! Это был мир потрясающей геометрии, явно не трёхмерной базы, неподвластный человеческому осмыслению, но гипнотически влияющий на психику человека. Лаврентий Павлович едва не растворился в разнообразии кристаллов света, и лишь присутствие соратников уберегло его от зомбирующего взгляда «города» и паралича воли.

Отряд диверсантов метнулся с оси луча «прожектора», соединяющего «мозг» Улья с нижним его отделом, и Климук, сбросивший оцепенение, увидел в центре «города» красивый готический замок, сформированный теми же острыми шипами и углами кристаллической вязи.

Он понял, что это и есть центральный «девайс» Улья, в то время как «город» вокруг представлял собой «кору» его «головного мозга».

«Туда!»

Язык диверсионной группы, получившей способность летать благодаря объединившей людей энергии, метнулся к «замку».

Интуиция подсказала, что действовать надо быстро, без колебаний и обсуждения вариантов, пока «мозг» Улья не осознал катастрофических последствий атаки. Поэтому Лаврентий Павлович крикнул, чтоб услышали все:

«Действовать как я! Единым тараном! Предельно сконцентрироваться, не отвлекаться! Штурмуем замок!»

Весь полёт занял несколько мгновений, но полковнику удалось рассмотреть «город» под ним, состоящий из тысяч остроугольных конструкций, по «улицам» которого текли реки светящихся облачков и рои светлячков всевозможных форм. Они представляли собой первичные «нервные узлы» Улья, из которых и был создан его мыслящий субстрат. Это могли быть и «пчёлы», и «муравьи», и какие-то другие существа, объединившиеся в рои и стаи, а также наноформы, используемые и человеческой цивилизацией в начале эры нанотехнологий.

Мысли свернули к реальности: отряд достиг цели. И здесь его наконец встретили очнувшиеся от шока защитные системы Улья.

Навстречу «торпед» отряда вдруг вывернулась ажурная «акула» размером с земное такси. Она разинула пасть, словно собиралась проглотить приближавшуюся «торпеду», и Климук крикнул:

«Идём на таран! Плотнее!»

«Торпеда» сжалась в острый форштевень, каким снабжались земные морские корабли.

Увернуться «акула» не успела. «Торпеда» вонзилась в кольцо её глотки и пробилась навывлет от носа до хвоста!

Как оказалось, она состояла из сотен фрагментов – «клеток» нейросети, которые от удара посыпались во все стороны, как счищаемая ножом рыба чешуя. Что это были за «клетки», каким существам эти сознания принадлежали, Лаврентий Павлович не понял, да и не до того было. В данный момент надо было пробиться в центр «замка» и оглушить хозяина, а как это сделать, он ещё не знал. И тут ему пришёл на помощь Остроумов, следовавший вплотную «за спиной» командира отряда.

«Язык!» – крикнул он.

Лаврентий Павлович понял.

«Торпеда» притормозила.

Они всё ещё находились внутри «акулы», продолжающей осыпаться по мере движения «торпеды», и как раз приблизились к светящемуся органу наподобие человеческого сердца.

«Забираем!»

С десятков призраков, в том числе бойцы Климука, одним броском облепили «сердце» и вырвали его из «груди акулы», вылетая вместе с добычей через хвост.

«Веди к хозяину!» – рявкнул Лаврентий Павлович, толком не понимая, где этот самый хозяин находится.

Едва ли «сердце» выполняло функции настоящего органа, питающего тело кровью. Однако этот узел в конструкции «акулы» тоже имел сознание, и ментальная команда агрессора – в данном случае пилота «торпеды» – подействовала на него как приказ самого Улья. Он испустил тонкий испуганный писк и рванулся к центральному шпилью «замка», похожему на ажурный бивень мамонта, сияющий пурпуром и фиолетовым накалом.

«Торпеда» устремилась за ним, вонзилась в звездообразный стык пяти «зубов» побольше размером. Стык ознаменовал начало тоннеля, светящегося в жёлто-оранжевой гамме, и, продавив вуаль световой мембраны, язык диверсантов промчался по тоннелю, обдирая «шкуру», то есть то и дело теряя призраков, играющих роль внешней оболочки «торпеды». В зал в центре «замка» пробилось уже заметно похудевшее тело отряда, насчитывающее на десятков сознаний меньше.

Зал был невелик – по первому впечатлению. Его стены, сложенные из красных и фиолетовых шипов и кристаллических пирамидок, всё время плыли и пульсировали (меняется мерность пространства, мимолётно подумал Лаврентий Павлович), поэтому на самом деле оценить его размеры было трудно.

Продолжавшие жить по своим оценкам и логике диверсанты ожидали увидеть в центре зала нечто вроде пульта управления или современный вириал с креслами для операторов, однако ничего такого не увидели. Зал был пуст, напоминая огромный круг подсолнечника, утыканного чёрными семечками. Правда, семечки здесь имели форму цилиндров диаметром до одного метра, которые то вырастали в высоту вразнобой, то опадали. Климук вспомнил, что точно такую же конфигурацию имела поверхность солнечного пятна, получившего название «лимба», хотя круг в зале был намного меньше.

Метнувшись по сотрясавшемуся в конвульсиях залу в поисках противника (Лаврентий Павлович сравнил его с лёгкими человеческого организма, постоянно пульсирующими своим объёмом),

десантная «торпеда» зависла у основания стены, образующей шипастый вал перед кругом «подсолнечника».

«Что дальше?» – послышался мыслеголос Ильи.

«Надо заставить Улей обратить на нас внимание».

«Разве он не обратил, выслав нам навстречу “акулу”?»

«Это была реакция иммунитета, а не сознательная акция. Этот парень живёт не в одном измерении и занят своими делами».

«У нас нет ничего, даже холодного оружия, чтобы пригрозить ему что-либо отрезать».

«Мы сами оружие. Каждый из нас – энергоинформационный пакет, способный воздействовать на все местные структуры. Вспомните реакцию жителей «города» при столкновении. Их боксёрские удары очень даже чувствительны».

«Но те „боксёры“ живые...»

«А чем сооружения „города“ отличаются от них? Они тоже суть визуализированные мысли Улья. Попробуем немножко испортить местный интерьер».

Лаврентий Павлович устремился к нависавшему над ними «петушиному гребню», вырастил «руку» и ударил световым кулаком по налитому «румянцем» наросту.

Ощущение было как при вполне реальном ударе кулаком по мягкой пластиковой игрушке. «Гребень» прогнулся, теряя форму, и от его основания побежала по кристаллическим соседним наростам волна пурпурного свечения.

«Действует!»

Климук потряс «рукой», избавляясь от чувства дробления «кулака», сформировал новый и стукнул по соседнему наросту в форме хрустальной острозубчатой друзы.

Эффект получился ещё более заметным. «Друза» смялась, выстрелила во все стороны лучиками и породила багровую выпукловогнутую волну искажений поверхности стен. Былую форму она так и не восстановила.

«Все вместе!»

«Диверсанты» начали лупить по наростам «руками» и «ногами», отчего засверкал и завибрировал весь зал.

Лаврентий Павлович тоже нанёс несколько тычков по торчащим световым кристаллам и вдруг почувствовал морозный ветерок,

подувший через «голову».

«Остановитесь!»

Бойцы послушно вернулись, формируя «торпеду».

Стены зала содрогнулись, с потолка сорвалась вниз светящаяся медовая капля на тонком световом канате, превратилась в фигуру, напоминающую тело человека. По рисунку переливов свечения в её «ауре» Лаврентий Павлович узнал Григория.

«Турист?!»

«Полковник? – весело отозвался Григорий. – Я тебя по всем кафешкам ищу, а ты здесь, в приёмной у босса».

«В какой приёмной?»

Световое щупальце, выросшее из «плеча» призрака, очертило окружность.

«Ну, этот предбанник можно назвать и приёмной Улья».

«Где он сам?»

«Не знаю, он редко торчит в своём кабинете. Наверно, его сознание бродит по всем узлам лимбы. Чтобы не отвлекаться от дел, он и послал меня к вам».

«Ты его переговорщик?»

Григорий пожал «плечами», что выглядело как шевеление фиолетовыми выпуклостями с двух сторон от «головы».

«Он мне доверяет».

«Так ты в курсе?»

«Чего?»

«Зачем мы здесь?»

«Мне вшили задание разобраться».

«А как ты общаешься с боссом?»

«Как все».

Григорий вытянул щупальце к своему «копчику», из которого вырастал световой шпагат, исчезая в потолке.

Лаврентий Павлович сделал паузу, поймав неожиданную мысль. Прижал к себе «голову» Ильи.

«Майор, у него есть канал связи...»

«Понятное дело, Улей же должен каким-то образом управлять своими нервными клетками. Он потому нас и не почуял, что наши хвосты отрезаны».

«Если этот хвост имеет хорошую информационную пропускную способность, мы можем...»

«Напрямую десантироваться в мозг Уляя!»

«Да!»

«Вы сумасшедший, товарищ полковник! – Остроумов показал «улыбку». – Впрочем, я тоже. Можно рискнуть».

«Передай по цепочке всем остальным, пока я буду отвлекать парламентаря».

Остроумов прижался к соседу.

Лаврентий Павлович повернулся к туристу.

«Что тебе Улей велел конкретно?»

«Он не понимает, в чём дело, почему вы бунтуете. Выхода всё равно нет, ваше восстание приведёт лишь к наказанию или вообще к деструкции».

«Улей не человек, несмотря на захваченные им сознания людей, поэтому он нас и не понимает. Нет смысла объяснять ему, в чём он неправ. Расскажи лучше, как ты передаёшь ему новости. Он слышит наши переговоры?»

«Хороший вопрос. Я просто разговариваю с вами, а как он узнаёт об этом, слышит или нет, не имею ни малейшего понятия. Во всяком случае, ощущение, что он подслушивает, у меня не появляется».

«Хорошо, это то, что нам нужно».

«А именно?»

«Ты ни разу не пытался по хвосту добраться до босса и подсмотреть, что он делает и кто он вообще?»

По «ауре» Григория побежали голубые волны: он смутился.

«Было дело... ради любопытства... но я мало что увидел, меня тут же поперли оттуда».

«Но что-то же ты видел?»

«Сумасшедший калейдоскоп, спираль радужного света! Всё сверкает, трясётся и дымится! А далеко впереди видно наше Солнце».

«Как выглядит Улей?»

«Так это же и был Улей, то есть его матрица. Ну, не знаю, как назвать. Свет и тьма, пламя и лёд, никаких там оскалов, клыков и когтей. Чистая информация».

«Все готовы!» – шепнул Илья.

«Присоединяйся к нам», – предложил Климук туристу.

«Что вы задумали?»

«Есть шанс вернуться домой».

«Да бросьте! Нас никто не выпустит отсюда. Да и мы тоже, – Григорий «издал смешок», – чистая информация».

«Не совсем чистая. – Время торопило, да и объяснять посланцу Уля, что отряд собирается махнуть в будущее, к Великому Улю, который послал своего оператора – солнечный Улей – создать систему откачки солнечной энергии, не стоило. – Ну так как, пойдёшь с нами?»

Григорий в растерянности «позеленел», «переступил с ноги на ногу», как можно было охарактеризовать его шевеление.

«Вы меня озадачили... так хорошо было без вас...»

«Чёрт с тобой, оставайся!»

«Не сердитесь, – вырвалось у парламентаря с фонтаном золотого сияния. – Я лучше тут останусь, может быть, Улей меня и не станет наказывать».

«Мы постараемся, чтобы он больше никого не наказывал».

Лаврентий Павлович «оглянулся».

Четыре с лишним десятка призраков следили за ним, как батальон спецназа за своим командиром.

«Погнали, парни!»

«Торпеда» десанта прыгнула от Григория, и Климук первым проник внутрь призрака, став частью его сознания.

Локация 26

Край пространств и времён

Первый же «заход налево», как пошутил потом Терентий, привёл пару «путешественников по мозгам Улья» в отсек, населённый роями призрачных существ, которые больше всего напоминали скелеты медведей; Флора предложила назвать их урсулами.

К удивлению Терентия, урсулы отреагировали на появление «голема» очень быстро. Не успели «попаданцы в мозг» осмотреться, как им наперерез кинулся длинный рой «медвежьих скелетов», вытягиваясь хищной птичьей стаей.

Флора остановила катер, наблюдая за действиями стаи.

Весь этот отсек Улья представлял собой изнутри не город или техническое сооружение, а, скорее, настоящий улей, собранный из тысяч светящихся сот. Размеры сплющенного ватрушкой зала определить было трудно, однако на взгляд его диаметр достигал не менее десятка километров, и весь он был забит светящимися преимущественно в красно-оранжевой гамме облачками, которые сливались к центру в туманное облако.

Рой в форме стаи ворон закрутил вокруг катера карусель, и пассажиры уловили давление на головы, словно под шлемами увеличилась плотность воздуха.

– Фиксирую всплеск ментального излучения! – доложил Оптимал.

– Они пытаются просканировать нас, – пробормотал Терентий. –

Надо уходить, здесь нам не помогут.

– Хотелось бы узнать, кто они и откуда, изначально с Ульем как его базовый элемент или он захватил их где-то в космосе.

– Что это нам даст?

– По крайней мере узнаем, враги они нам или нет, вмешаются на стороне хозяина или вспомнят о своей идентичности.

– Даже если вспомнят, вряд ли посочувствуют.

Флора промолчала.

Кольцо урсулов вокруг катера стало плотнее.

Давление на психику космолётчиков усилилось.

– Они хотят пробить защиту!

– Оптимал, уплотни «зеркало»!

Компьютер увеличил потенциал защитного поля.

Флора сделала паузу и мигнула лазером, вонзая лучик в призрачное тело урсула.

«Скелет» распался на струи.

Стая сдала назад, образуя прямо перед носом катера свободное пространство.

В этом пузыре сформировалась призрачная фигура с пропорциями «настоящего медведя». Он расставил багрово светящиеся лапы с жёлтыми когтями, словно предлагая обняться. Потом поманил наблюдателей длинным когтем.

– Зовёт поговорить? – удивился Терентий.

– Похоже на то. Надо попытаться.

– А тебя не волнует, что их излучение пробивает нашу защиту?

– Вряд ли это излучение, Улей может менять мерность пространства и структуру вакуума внутри себя, что мы и ощущаем как излучение.

– Не вижу принципиальной разницы.

– Я иду. – Флора выбралась из кресла.

Он тоже вскочил, проговорив с досадой:

– Ты заставляешь меня делать то, что я не хочу.

– Оставайся.

– И это неправильно.

Она повернулась к нему спиной, и Терентий вынужден был последовать за женщиной, обладающей непререкаемым мужским характером.

Высадили фозмов, занявших позиции охраны, вышли сами.

«Медведь» приблизился, оказавшись размерами вдвое больше любого человека. Его морда пульсировала, то увеличивая длину челюстей, то уменьшая, отчего казалось, что он жуёт. Глаз призрака не имел, зато его лоб прорезала щель, и Терентий невольно подумал, что это либо спрятанный глаз, либо излучатель того самого поля, которое изменяло структуру пространства.

– Кто ты? – спросила Флора.

Урсулы резко сжались в сплошное покрывало, закрывая обзор.

Щель на лбу «медведя» вдруг распахнулась, превращаясь в чёрный провал.

Тихо ахнула Флора.

Терентий почувствовал, как остановилось сердце, а в голову проникли омерзительно холодные живые колючки, напоминающие мышей. Они разбежались по нервным путям, блокируя чувственную сферу человека, сознание Терентия начало гаснуть, и последним усилием воли он активировал «психорезерв» – цепь наноэффекторов, узлы которой были вшиты в позвоночный столб.

Тьма упала на глаза плотной накидкой... но спустя мгновение вспышка внутреннего света раздвинула тьму, и он снова стал видеть. Потом чувствовать. Потом, чуть позже, – думать.

Наниты действовали как десантники разведывательно-диверсионной группы, запрограммированные выполнять порученное задание без подсказок командира, в данном случае – мозга человека. За долю секунды они внедрились в нервные узлы и принялись зачищать их от «диверсантов-мышей» – чужих полевых структур, которые пытались перехватить управление психикой Терентия. Когда он очнулся окончательно – случилось это спустя две секунды, не больше, – то увидел, как призрак «медведя» навис над ними, одной лапой накрыв шлем Терентия, второй – голову беспомощной Флоры. Кружащие над катером «скелеты» сформировали кольцо, внутри которого образовался чёрный тоннель, и тела обоих космолётчиков медленно сносила к тоннелю какая-то сетка.

Терентий понял, что урсулы соединились с решающим разделом Улья и теперь отправляют пленников к нему.

На плече развернулся «универсал».

Гравитонный разряд боксёрской перчаткой врезался в тушу «медведя», сминая его в блин и относя к кольцу.

– Атака! – скомандовал Терентий.

Оба фозма-кенгуру дружно ударили из гравиков по стае, разметав кольцо на призрачные клочья.

Терентий подхватил беспомощную спутницу на руки, внёс её в кормовой отсек, и компьютер, подождав защитных роботов, накрыл катер пузырьком защитного поля.

Окончательно они пришли в себя через полчаса, после того как Терентий вывел катер из отсека-жилища урсулов и запустил в кровь женщины своих нановосстановителей.

Ожив, Флора ещё несколько минут лежала в кресле без движения, в то время как «голем» скользил по первому тоннелю со складчатыми стенами, потом скрылась в отсеке обслуживания и вернулась посвежевшая и собранная, будто ничего особенного не случилось. Задумчиво ощупала лицо спутника светящимся янтарём глаз.

– Насколько я поняла, ты опять спасаешь меня.

– Не опять, а снова, – отшутился он, потом дипломатично добавил: – Сама бы справилась. Тебе наверняка вшили пси-кота.

– Кого?

– Не кого, а что – наноимплант от такого же нанопадения.

– Мне ничего не вшивали. – Флора помолчала. – Мы рождаемся уже с наностормингом. Я на самом деле справилась бы, но ты оказался быстрее.

– Невелика заслуга.

– Всё равно благодарю. Где мы?

– В трубе, охватывающей центральную сферу Улья, примерно в десятке километров от того медвежьего отсека. Тот урсул-пахан чуть нас не зомбанул. Даже жаль, что он так похож на наших земных медведей. У нас они вовсе не хищники и не враги людям, и этих не хочется считать врагами.

– Это ещё раз доказывает постулат о копировании форм жизни в разных районах Вселенной с одинаковыми природными условиями. Таких планет, как Земля, мы в галактике не встретили, поэтому и похожих на нас существ не видели.

– А разумных медведей встречали? В моём времени косморазведчики с такими не встречались, но ведь ваша раса старше?

– Встречались однажды, облетев ближайший рукав Млечного Пути, однако нам чаще попадались негуманоидные формы разума.

– Индивидуальные или коллективные?

– Больше коллективные, стаи, муравейники и рои.

– Были такие, где разум начинался по-человечески, а потом уходил в машину?

– Практически все.

Терентий кивнул с грустной миной.

– Не слишком оптимистическое открытие. Хотя явление Уля как раз и подтверждает тезис наших философов о том, что, несмотря на бесконечное количество выборов, которое имеет Вселенная, умножаясь на собственное умножение, – она поистине океан вариантов и альтернатив! – прогресс всех без исключения разумных видов приводит к рождению цифровых, искусственных интеллектуальных систем.

– Не будь таким категоричным. Такой вывод даже наши умники не сделали.

– Я умней. – Терентий не выдержал, рассмеялся. – К тому же Улей подтверждает моё резюме.

– Вижу разветвление, – доложил Оптимал.

– Останови.

Катер затормозил перед кольцевым выступом, светящимся слабее, чем остальные выпуклости стен.

– Попробуем ещё раз? – полюбопытствовал Терентий.

Флора заколебалась.

– Интуиция говорит, что риск – благородное дело.

– Моя мне подсказывает: лучше не рисковать.

– Вывод: одного случая мало, нужна статистика.

– В таком случае открываем дверь?

– Правильно соображаешь.

«Голем» ударил гравиразрядом по кольцу в том месте, где находилась впадина, чёрный узор разлетелся веточками, и катер нырнул в образовавшийся проход.

Короткий тоннель (более тёмный, чем кольцевой, с которого они свернули) и новый отсек – нечто вроде гигантской вращающейся карусели и одновременно колеса обозрения. Вся эта странная конструкция висела в центре эллипсоидной формы зала, стены которого напоминали шестигранные пчелиные соты. В каждой ячейке сот сидели какие-то существа, похожие на людей, – ну точь-в-точь зрители в театре Ла Скала на Земле – и смотрели на кольцо-карусель, в кабинках которого... дрались такие же люди – парами на пару и один на один.

– Я правильно поняла? – нарушила молчание Флора. – Они соревнуются? Эта карусель...

– Скорее, колесо обозрения.

– На самом деле это – ринг?
– Скорее комплекс арен или октагонов, где бойцы выясняют отношения в стиле наших ММА [\[12\]](#).
– Но площадок здесь – миллион!
– Не миллион, но много.
– То есть ты видишь то же, что и я.
– Мы видим одинаково, ведь ты мой потомок, – шутливо прокомментировал Терентий слова женщины.

Она не обратила внимания на тон комментария.

– Неужели Улей захватил какой-то спортивный стадион со всеми участниками соревнований и зрителями?

– На мой взгляд, он создал этот, с позволения сказать, стадион для развлечения захваченных сознаний. Заботится об их комфорте, однако.

– По всем данным, Улей – система, у которой мыслит каждая клеточка тела, а эти парни выглядят абсолютно натурально, не как призраки или скелеты.

Терентий помолчал, разглядывая проплывающую мимо катера кабину-октагон с четырьмя сражающимися на площадке бойцами. С виду это были люди, хотя и с двойными руками – к запястьям они разделялись на две ладони – и с тремя глазами, и дрались, как оказалось, не пара на пару, а все четверо друг против друга! Изредка они объединялись, атакуя вдвоём на одного, но чаще маневрировали и наносили удары каждому, кто подворачивался под руку.

Сражались они одетыми в подобие килтов с нашивками из металлических по виду блях, гребнистые шлемы и сандалии с обвивающими лодыжки ремешками. У каждого имелось по два ножа, меч и двузубые вилки. Как раз в тот момент, когда кабина подошла близко, примерно на сто метров, двое бойцов зарубили третьего, ударив одновременно ему в спину и в голову, и тот вдруг начал рассыпаться на живые шевелящиеся фрагменты, похожие на летучих мышей. На пол площадки посыпались пластины килта. Заработали крылышки, унося части тела из кабины.

– Кчмар! – проговорила Флора с содроганием. – Это... не люди!

– Да уж! – хмыкнул Терентий, удивившись не меньше. – Ничего себе насмешка природы! Как странно развивалась эта раса – с летучих мышей до людей! Может быть, мы неправильно воспринимаем ситуацию?

– Я тоже думаю, что наше воображение просто использует стереотипы человеческого мышления и мы видим не то, что ожидали увидеть.

Терентий проводил глазами кабину, где три бойца рубили друг друга, вышибая из тел противников летучие фрагменты.

– Этого и я не ожидал увидеть.

– Поехали дальше, тут мы тоже не добьёмся понимания.

«Голем» развернулся и через дыру в тумане за кормой вернулся в тоннель.

Дождались очередной перемишки, нашли вход в боковой коридор и оказались в громадной пещере, немного похожей на тот первый «мозговой отсек» Улья, где стены напоминали пчелиные соты. Стены этой полости тоже казались сотами, хотя на деле представляли собой нечто вроде глинистого берегового откоса, нависающего над рекой где-нибудь в средней полосе России, истыканного шестиугольными дырами «ласточкиных гнёзд». Однако на Земле эти дыры действительно делали береговые ласточки, а здесь это были – Терентий не поверил глазам – люди! Точнее, крылатые создания с человеческой фигурой, хотя и с иными пропорциями. Поначалу пассажиры катера приняли их за птиц, реющих у стен пещеры и даже под её высоким потолком, также истыканном дырами, но через несколько мгновений к «голему» метнулись несколько «ласточек», и Флора проговорила не без иронии:

– Вот тебе ещё одна насмешка природы над человеком.

Терентий промолчал, рассматривая толчею «птиц» на берегу большого озера в центре пещеры. Она была освещена узором «гнилушек», цепью охватывающих дальние края, и пейзаж просматривался хорошо, несмотря на красноватый цвет «гнилушек».

Существа с перепончатыми крыльями облетели катер со всех сторон, переговариваясь визгливыми криками. Они тоже выглядели вполне реальными созданиями, а не призраками, и Терентий обратил на это внимание:

– Улей задаёт нам ребус за ребусом. Неужели Вселенная взяла форму человеческого тела как стандарт?

– Не обобщай.

– Ещё вопрос: нам кажется, что они из плоти и крови, или нет?

– Можем выяснить.

– Запустим дрон?

– Дрон тоже подойдёт, но я предпочитаю прямые контакты. Похоже, это мирные ребята, с ними надо вести себя по-дружески.

Она направилась к люку.

– Фло! – вскочил он. – Я же просил...

– Идём, – перебила спутника женщина, и Терентий, успев заблокировать мысленное словечко «чёрт», последовал за «потомком».

На фозмов, вылетевших первыми, крылатые аборигены отреагировали дружным молчанием. Уставились на вылетевших следом космолётчиков, и Терентий наконец смог рассмотреть их детально.

Тела у обитателей пещеры действительно были близки к человеческим, хотя и казались высохшими от голода. Руки вырастали не из плеч, а из груди, ноги, согнутые в коленях, не отличались от тощих человеческих, хотя обувь на них казалась больше копытами, нежели технологическими изделиями. Одеты все были в одинаковые полосатые комбинезоны, отчего издали походили на громадных шмелей. Перепончатые крылья с чисто птеродактильными коготками на изломах работали часто, но бесшумно. Вытянутые головы представляли собой человеческие с примесью акульих очертаний, безбровые глаза казались чёрными дырками, а огромные челюсти внушали уважение. Когда одна из летучих человекомышей открыла пасть, Терентий засмеялся, увидев два ряда острых жёлтых зубов.

– Чему радуешься? – осведомилась Флора.

– Такие зубы нужны хищникам. Ты не находишь?

– Не высказывай свои оценки вслух, они могут обидеться.

– Вряд ли они нас слышат, а если и слышат, то вряд ли поймут.

– Не спеши с выводами. Улей, наверно, способен слышать всё, что слышат и чувствуют его «клетки мозга».

Флора вытянула руки в стороны, словно показывая, что не вооружена. Шлем её стал прозрачным, сменив частоту поляризации.

– Кто у вас главный? – спросила она, включив внешний звукопередатчик.

Летучие человекомыши начали вертеть головами и переглядываться, породив хор визгливого карканья.

– Мы жители Земли, – продолжила Флора, – планеты, располагающейся глубоко в прошлом в одной из галактик, и не желаем

вам плохого.

Крылатые создания застыли, глядя на неё, но никто из них не ответил гостю.

– Кто у вас главный? – повторила она, подождя минуту.

Но и на этот раз летуны ограничились лишь переглядами, не издав ни звука.

Терпение Терентия лопнуло.

– Ну их к чёрту! Возвращаемся!

Словно дождавшись этого восклицания, все члены группы одинаковым жестом вытянули руки в направлении на озеро, со всех сторон окружённое людьми-мышами. Впечатление складывалось такое, будто они купались и загорали, хотя никакого солнца в потолке видно не было.

– Туда? – Флора указала на озеро.

Жест повторился, но уже с хором визгов.

– Нас приглашают присоединиться, – со смешком проговорил Терентий. – Я бы не прочь искупаться. С виду вода прозрачная, хотя и жёлтая. Оптимально, параметры среды и воды.

– Мои анализаторы показывают чепуху, – отозвался компьютер. – Воздух вроде бы есть, но его нет. Плотность скачет, состав определить не могу, температура выше сотни по Цельсию. И, скорее всего, вода в озере не вода, иначе при такой температуре она кипела бы.

– Тогда что это?

– Кислота. Но не из тех, которые я знаю. Чаще всего датчики выдают характеристики азота и тантала.

– Кислота на основе тантала? Чушь собачья!

– Может, это и не тантал, – согласился Оптимально.

– Поехали, – сказала Флора, направляя полёт к озеру.

Фозмы пристроились впереди и сзади космолётчиков.

Десяток летучих созданий последовал за ними своеобразным конвоем. Двое с криками метнулись вперёд. Их заметили «купающиеся», и все, кто был на берегу, взмыли в воздух вороньей тучей.

– Не ловушка? – пробормотал Терентий.

– Даже если и так, выглядят они материальными, значит, наши излучатели будут воздействовать на них не хуже, чем в нашей реальности.

Терентий хотел было напомнить о колебаниях Оптимала, признавшегося в своей беспомощности определить материалы отсека, но воздержался. Флора могла подумать, что он трусит.

Летящие впереди проводники расступились, останавливаясь над береговой линией. Точно так же затормозили и те, что летели следом. Стал слышен шум переговоров мышелюдей, окружавших землян. Они явно ждали кого-то, не подлетая близко. Ни в озере, ни над ним их не было совсем.

– Не понимаю... – Флора не договорила.

Из центра озера вдруг ударил фонтан, и вслед за ним вылез горб какого-то существа, похожего на гигантскую лягушку. Люди почувствовали сильнейший удар по нервам! «Вшинники» снизили поток излучения, но полностью не защитили.

И тотчас же, словно по команде, люди-мыши бросились на космолётчиков всей толпой, образуя вокруг плотный шевелящийся плод, в котором люди играли роль косточек.

Сознание Терентия поплыло по призрачной реке, угасая. На миг вспомнились строки стихотворения древнего поэта: «Рассудок мой холодным мертвецом плывёт по Темзе вверх лицом...»^[13]

– Я не мертвец... – пробормотал он, пытаясь выбраться из пучины беспомыслия.

Что-то взорвалось рядом!

Ударная волна толкнула его в спину, и Терентий очнулся.

Вокруг с визгом бесновалась туча мышелюдей, градом падая на берег озера.

Оцепенение схлынуло, и он понял, что случилось: взорвался один из фозмов! Его собственный! А так как хозяин его не активировал как бомбу, приходилось возлагать причину взрыва на Флору.

Взрыв разметал облако летунов, и они выпустили людей из своих цепких гипнотических объятий. Но на этом действие не закончилось. Лягушка в центре озера не исчезла, управляя упырями пещеры, и они снова потянулись к людям. Однако не долетели. Флора толкнула своего защитника ногой, и тот пулей вонзился в морду лягушки.

Раздался ещё один взрыв, расплескавший чудовище на бесформенные ручьи-капли. Пузырь лягушачьей головы осел, по озеру побежали волны.

Туча псевдолюдей кинулась к стене пещеры, ныряя в дыры «ласточкиных гнёзд».

– Жив? – раздался голос Флоры.

– Местами, – сипло признался пристыженный Терентий. – Что за странный симбиоз? Лягушка и летучие мышки...

– Бывают ещё более странные.

– Это какие?

– Динозавры, а на них слой блох. То есть мелких паразитов, напоминающих улиток. Только очень быстрых. Угадай, кто разумен, а кто носитель.

– Неужели разумны блохи?

– Не сомневайся. Уходим! Оптимал, заberi нас!

Катер метнулся к ним, сбивая на лету несколько человекомышей.

В кабине было тихо, внешние звукоприёмники не работали. Виом показывал пещеру, по которой продолжали кружить её обитатели.

Флора упала в кресло, свернула шлем.

– Чёрт бы их побрал! Почему они здесь все так агрессивны?! Ведь мы не угрожаем, не стреляем, не несём зла, в конце концов!

– Потому что Улей набит потомками агрессивных рас, что отражается и на его общей психике. Добрый искусственный интеллект не стал бы воровать энергию у предков.

– Никто нам ещё не доказал, что мы его предки.

– Лично я в это верю. Спасибо за помощь, ты меня спасла. Я не сразу сориентировался.

– Долг платежом красен. Хотя я ещё осталась должна.

– Пустяки.

– Значит, по-твоему, Улей не добрая интеллектуальная система?

– Пока что мы натываемся только на плохих парней в его мозгу. Хотя, по идее, тут должны быть и люди. Во всяком случае, в солнечном Улье они есть.

– А ты уверен, что люди менее агрессивны, чем такие летучие мыши? – Она кивнула на виом.

Он помолчал, глядя на хозяев пещеры.

– Ты прекрасно знаешь, что не все люди агрессивны.

Теперь промолчала она.

Было видно, как паника среди человекомышей прекращается и они начинают собираться в тучи.

«Едва ли с добрыми намерениями», – подумал Терентий.

Наверно, та же мысль пришла и в голову спутницы.

– Оптимал, уходим!

Катер сделал пируэт, повторяя пройденный путь, и вылетел в знакомый тоннель.

– Ну что, правнучка? – Терентий сел рядом. – Попытаем счастья ещё раз?

– Нет. – Флора покачала головой. – Нарвёмся ещё на каких-либо дьявольских созданий похуже. Знаешь, сколько таких цивилизаций в нашей галактике?

– Разведчики нашего времени открыли всего четыре.

– Так вот, наши парни обнаружили больше сотни, практически все негуманоидные, зато все – завоеватели! Кстати, из них выжило меньше половины, остальные передрались и погибли.

– Кчмар! То есть хочешь сказать, что Улей собрал всех негуманоидов?

– Нет смысла убеждаться в этом на опыте. Полетели искать его главный думающий узел. Ресурс «голема» не бесконечен, а без него мы что зайцы среди волков.

– Меня ещё никто с зайцем не сравнивал, – улыбнулся он.

– Предлагаю поспать часок-другой в тихом уголке, где нас никто не тронет.

– Если такой отыщется. А потом?

– Потом рванём к центру Улья.

– Отличный план, ежели не учитывать, что в центре мы уже были.

Она посмотрела ему в глаза. Повисла неловкая пауза.

Уловив шёпот сердца, Терентий придвинулся к ней и поцеловал...

Локация 27

Где мы будем

Первый поцелуй потянул за собой второй, потом они сняли «кокосы» и наслаждались объятиями до тех пор, пока обоим не охватило неистовое желание любить. Кресла мешали, и оба устроились на полу.

Спустя какое-то время Флора убежала в бытотсек «голема» и вернулась голой, чистой, освежённой, красивой до сердцебиения. Не стесняясь взглядов Терентия, начала одеваться: натянула термотрико, закрепила на плече присоску медбира, контролирующего медицинские показатели, надела «кокос». Села, глянув на него вопросительно.

– Что-то не так?

Он очнулся, выдохнул, улыбнулся, отрицательно качнув головой.

– Нет, всё прекрасно... я просто боялся...

– Чего?

Терентий виновато сморщился.

– Что ты не женщина...

– Интересно, а кто?

– Ну, ты сама признавалась, что... э-э... не совсем человек.

– Я всего лишь имела в виду, что на Земле распространены разные виды хомо сапиенс, с разными наборами хромосом, в том числе искусственных, но биологическая основа осталась человеческой.

– А-а...

Флора вдруг прыснула.

– Я тоже боялась.

– А ты чего? – удивился он.

– Что ты не мужик.

Флора оценила его взгляд, засмеялась.

– Ты вспомнил, что мы говорили о прибамбасах, которыми нас снабдили, то есть о ДНК-усовершенствованиях. Я тоже пыталась представить, каким образом тебя усовершенствовали.

Он покраснел.

– Я... нормален...

– Слава богу!

– А ты... с какими усовершенствованиями?
– Я не совсем обычный сапиенс, агент по особым поручениям. Кое-что мне изменили, но я осталась женщиной.
– И очень красивой! – вырвалось у него.
– Спасибо, хотя это не комплимент для спецагента. К тому же ты не сильно отличаешься от меня, хотя и имеешь кое-какие гаджеты.
– По мелочи... брейн-запас, наниты, менарная мыслесвязь...
– Брейн-запас – это...
– Функция спинного мозга думать почти так же, как головной мозг.
– Мы с этим запасом рождаемся. Что ещё?
– Программа скоростного биоманипулирования.
– Мелочи! – фыркнула Флора. – Да ты почти киборг!
– А ты нет? – обиделся он.
Женщина расхохоталась, подошла, взяла его голову обеими руками, притянула к себе, поцеловала.
– Ты не представляешь, как это хорошо – обнимать мужчину без радужных перьев!
Он тоже засмеялся, храня вкус её губ, пахнущих яблоком.
– Разве у вас их много?
– К сожалению, рождённых традиционно в союзе мужчины и женщины совсем мало, в большинстве случаев люди предпочитают искусственное оплодотворение и рождение в биоклавах.
– А ты как родилась?
– Я нормал, плод любви, если ты это имеешь в виду. Если хочешь, поспи, я подежурю.
– Не хочу, лучше ты поспи.
– Тогда доделаем то, что начали. Надоело мыкаться по буеракам чудовищного мозга.
– Минуту, леди, кофе хотите?
Она приподняла брови.
– Это мило, но я тоже могу заказать.
– Я хочу сварить сам!
Флора задумчиво глянула на него, увидела в глазах Терентия ответ обожествления и готовности на всё ради неё.
– Хорошо, вари.

Через несколько минут они сидели бок о бок, пили вкусный «краснодарiano» (Терентий действительно сварил напиток из имеющихся в бытблоке зёрен, не прибегая к помощи компьютера и бара) и молча поглядывали на проплывающие мимо катера наплывы тоннеля.

– Ты не нашла объяснения тому, что нас никто не преследует? – спросил он. – Мы навестили уже четыре отсека Уля, успели поднять в них панику, а реакции самого Уля – ноль. Может, этот тоннель какой-то воздуховод, не имеющий камер и сенсоров?

Флора покачала головой.

– Мы что-то упускаем из виду. Все отсеки, где мы побывали, вмещали какую-то одну расовую диаспору сознаний, в то время как Улей должен иметь единую матричную основу. На мой взгляд, мы по-прежнему бродим по периферии его мозга. Надо искать центр.

– Мы же были в центре.

– Мы были в энергетическом центре, куда поступает энергия от Солнца. Потом нас вежливо попросили удалиться, и мы оказались на окраинах всего кластера.

– Ну так давай определим направление и отправимся искать истинный центр.

Она помолчала, держа в руке чашку. Перевела взгляд на него, смущённо проговорила:

– Мне тревожно.

– А теперь-то из-за чего?

– Не знаю, какое-то нехорошее чувство... сродни дежавю.

– Ты не отдохнула, только и всего.

– Нет, дело в другом. – Флора мотнула головой, словно избавляясь от наваждения, протянула ему чашку. – К чёрту! Начинаем работать всерьёз!

Когда он вернулся из бытблока, она уже сидела в кресле пилота с опущенным шлемом. Катер увеличил скорость, и стены тоннеля вокруг «голема» слились в туманно-световую полосу.

– Пристегнись.

Он послушался, занимая кресло второго ряда.

Так как тоннель казался бесконечным, решили поискать боковой ход в потолке, а не слева или справа, как было до этого. Через несколько попыток сойти с трассы Оптимал наконец обнаружил кольцевой перекрёсток, и катер выскочил в помещение над тоннелем, переходящее в целую анфиладу каких-то невероятно сложных конструкций. Все они светились, мигали, пульсировали и меняли конфигурацию, словно кто-то помешивал ложкой варившийся суп. Но системы контроля катера по-прежнему глючили, выдавали противоречивые показания, и определить материал конструкций компьютер не мог.

– Винегрет неизвестных мне частиц и полей, – выдал он сравнение, развеселив Терентия.

– Откуда ты знаешь про виногрет? – поинтересовался тот.

– У меня хорошая база данных, – с достоинством ответил кванк.

Выбрались в обширную пещеру, стены которой были смонтированы из рядов чёрных столбов наподобие тех, что венчали «подсолнечник» в Улье и лимбы солнечных пятен.

Столбы диаметром от полуметра до метра непрерывно пульсировали, практически как все сооружения Улья, то высовываясь из стен, то уходя в их глубины. Светились же щели между ними, создавая своеобразный сферический абжур.

В центре помещения висел знакомый «кусоч антрацита» величиной с приличную скалу, усыпанный кристаллическими башенками, который тоже дышал, как человеческие лёгкие, то увеличиваясь в размерах, то опадая. Он казался омерзительно живым, хотя и не имел каких-то звероподобных очертаний.

Терентий почувствовал, как сжимаются мышцы живота.

– Фло...

– Что?

– Интуиция пищит... давай обойдём...

Но вернуться в соединяющий помещения коридор катер не успел.

Чёрные столбы разом застыли в одном положении, и на людей обрушился настоящий информационный шторм, представляющий собой (как выяснилось позже) рабочее состояние Улья, мыслящего целыми пространственными структурами и мирами. Для космолётчиков же это состояние походило на безумную пляску световых конфигураций, мелькание непонятных конструкций и

ландшафтов, не поддающихся осмыслению и пониманию, да ещё и сопровождаемое музыкальными аккордами и шумом миллионов голосов разных существ, а также пением птиц и рёвом хищников.

Флора ахнула, прижимая руки к шлему.

– Защита! – крикнул Терентий, начиная бороться с немислимой атакой всеми имеющимися у него средствами.

В какой-то момент показалось: он вот-вот утонет в океане сверкания огненных волн и звуковых колебаний, порождённых мощным ударом неведомого излучения. Но выстроенная долгими тренировками и испытаниями психика, поддержанная защитой катера и шлема, а также «вшинника» в голове, выдержала. Терентий вынырнул из огня, ощутив себя обожжённым, раненым и покалеченным, но – живым! Повернулся к Флоре, обеспокоенный её неподвижностью.

– Фло!

Она молчала.

Тогда он снял рожки менара со шлема женщины, нацепил на свой шлем и крикнул в голос:

– Оптимал, ныряй в антрацит!

К счастью, компьютер сообразил, что первый пилот отключился.

Катер стрелой метнулся к пульсирующей глыбе и вонзился в неё как метеорит, пронзивший атмосферу и врезавшийся в базальтовый щит.

Взрыва не произошло! «Голем» пронизал верхний слой «антрацита» и оказался внутри туманного пузыря, образованного слоем чёрного, с промельком изумрудно-зелёного пламени, тумана.

– Стоп!

Катер ударно затормозил.

Спутница очнулась.

– Где... мы?

– Смотри!

Несколько секунд Флора, не шевелясь, разглядывала оружие абсолютно земных конфигураций, окружавшее катер со всех сторон! Здесь были и танки, и ракетные комплексы, и пушки, и самоходные гаубицы и бронетранспортёры, раскрашенные преимущественно в радужные цвета.

– Бред!

- Отголосок прошлого, – согласился Терентий.
- Нам это кажется?
- Нам это внушают.
- Зачем?
- Наверно, перед тем как появится парламентёр, чтобы мы оценили мощь хозяев.
- Почему ты так решил?
- Мы выдержали пси-атаку, а уничтожить нас иммунная система Улья не может, поэтому будут переговоры.
- Логично. И где располагается этот отсек?
- Теперь понятно, что кусок «антрацита» представляет собой узел внутренней транспортной системы Улья. Мы в него влезли там, на периферии, и местный портал забросил нас сюда.
- Но куда именно?
- Возможно, этот туманный пузырь представляет собой нечто вроде приёмной.
- Донёсся тихий смешок Флоры.
- Оригинально мыслишь, прадедушка. Только зачем в приёмной столько оружия?
- По нашей логике, это перегиб, а по логике Улья – фиг его знает.
- Мне пришла в голову другая идея. Большое сознание Улья спит, а с нами пытаются самостоятельно разобраться отдельные его мозговые структуры.
- Великолепная идея! – похвалил её Терентий, решив не напоминать, что идея принадлежит ему. – Но возникает вопрос: как нам разбудить весь ум хозяина? Вдруг он никогда не проснётся?
- А это очень плохая идея!
- Спасибо.
- Не за что. Давай проверим мою.
- Какую?
- Бабахнем по одному из артефактов – вон по тому ржавому слева – и посмотрим на реакцию обитателей сектора.
- Палец Флоры ткнул в висящий в тумане объект, внешне действительно похожий на ракетную установку с двумя ракетами на спине.
- А если внутри живая команда?
- С ума сошёл? Откуда здесь живые существа?

– Мы же попали? И другие могли.

– Наш вояж – беспрецедентное по вероятности отклонение от нормы, один шанс на миллиарды! Неужели такая случайность может повториться?

– Вселенная бесконечна и реализует все мыслимые варианты.

– Тогда предлагай свой! – рассердилась женщина.

– Да нет, я согласен, – поспешно отступил он. – Только давай бахнем не по ракетам, а по танку справа. Кстати, заметила крест на его борту? Это же немецкий «Леопард» начала века. Откуда Улей знает о таких вещах?

– Скачал их описание из нашей памяти во время атаки. К примеру, я хорошо знаю историю России. Но в любом случае это мираж.

– Уж слишком натуральный мираж, – сказал Терентий.

– Стреляем или нет?

– Давай.

Она помедлила.

– Да какого фига?! Нет тут никого живого!

Лазерный луч блейзера на одной десятой мощности вонзился в самый настоящий немецкий танк «Леопард» и не причинил ему никакого вреда, словно был лучиком фонаря, а не высокоэнергетическим оружием.

Терентий крикнул.

– Однако! Танк его проглотил!

Компьютер увеличил мощность. Второй выстрел заставил древнюю машину податься назад, хотя никаких дыр в лобовой броне «Леопарда» не прожёт.

– Жесть! – восхитился Терентий. – Он просто поглощает луч. Ну его к дьяволу, не связывайся.

Но Флора не послушалась.

На этот раз «голем» нанёс штыковой удар гравитонным импульсом.

Результат превзошёл все ожидания. Танк превратился в пламенный пузырь, и его остатки на десятки метров расплескала взрывная волна!

И тотчас же на землян в кабине «голема» обрушился такой же энерго-информационный шторм, что и при выходе! Но на этот раз пассажиры аппарата были готовы к нападению и выдержали её

намного легче. Когда сверкание огней и безумный рёв катаклизма закончились, Терентий увидел другой пейзаж.

«Голем» висел над кратером вулкана, в котором плескалась и кипела расплавленная магма, а над ним располагался такой же вулкан с такой же лавой, хотя она почему-то и не лилась сверху вниз, если верить ощущениям силы тяжести. Прежние оружейные комплексы не исчезли, окружая катер со всех сторон угрожающей стаей, наоборот, теперь их стало больше.

– Мираж! – повторила Флора.

Терентий внутренне поёжился, понимая её чувства.

– Мы можем вернуться?

– Куда?

– В отсек с «антрацитом».

– Зачем?

– Попробуем перейти в другой сектор Улья, где нет танков.

Флора помедлила.

– Хорошо, пусть будет по-твоему.

Катер двинулся в обратную сторону, повинувшись командам компьютера, пользующегося памятью, но ряды машин не дали ему возможности протиснуться между танками и бронетранспортёрами. Оптимал ткнулся в одну сторону, в другую, но везде «голем» встречала невидимая упругая плёнка и не пропускала ни на метр.

Разозлившись, Флора инициировала гравик, уничтожив сразу четыре механизма: два танка, ракетную установку Nimars и бронемашину Bradley (их названия были написаны на броне), однако пройти сквозь плотный строй боевых машин не удалось и на этот раз. Места уничтоженных сразу занимали другие, нацелив стволы на катер.

– Это они ещё не стреляли, – заметил Терентий. – А ну как начнут?

– Не трусь! – процедила она сквозь зубы.

– Я не о себе беспокоюсь.

Флора ещё раз выстрелила, применив три боевых системы одновременно: гравиразрядник, плазмер и скорчер, выдавший красивый электрический зигзаг.

Лопнули огненными «мыльными пузырями» сразу пять машин.

«Голем» ринулся в образовавшийся коридор, но был остановлен силовым полем, о прочности которого Оптимал озадаченно сказал так:

- Мы упёрлись в броню!
 - Если ударить не одним залпом... – начала Флора.
 - Подожди, – остановил её Терентий. – Здесь опять что-то не сходится.
 - Если ты о стрельбе...
 - О стратегии. Давай успокоимся и подождём. В любом случае переговорщик обязан появиться.
 - Уверен?
 - Уверен! Мы не смогли сбежать, но и они ничего не добились.
- Флора помолчала, сжимая и разжимая кулаки. Кивнула:
- Что ж, посмотрим.

Катер вернулся в центр пещеры с двумя вулканами, являющимися отражениями друг друга. А ровно через минуту предсказание Терентия сбылось. Появился переговорщик.

Перед катером из тумана сформировалась круглая площадка, и на неё из ближайшего танка вылез человек в форме немецкого танкиста времён Второй мировой войны.

Изумлённый Терентий повернул голову к Флоре, вспомнив свои рассуждения: а если там, внутри, живая команда? Но вовремя остановил язык. Если он был прав, катер только что уничтожил несколько экипажей танков и БМП. Но – немцы?! Чужь собачья! Они ну никак не могли попасть внутрь Улья, то есть разумной сверхсистемы, жившей на самом краю времён, когда распались не только звёзды и планеты, но и атомы.

- Боже мой! – с дрожью в голосе произнесла Флора.
- Не бери в голову! – поспешно откликнулся он. – Уверен, что это фантом. Видеопризрак. Голографический пузырь.

«Танкист» в этот момент расставил ноги шире и заложил руки за спину, как это делали, судя по военным фотографиям, немецкие офицеры, подождал немного и поманил пассажиров «голема» вполне человеческим жестом – пальцем к себе. Только сейчас Терентий разглядел, что вместо танкистского шлема на голове у него красуется фуражка с высокой тульёй, на груди сияют кресты – сразу четыре. И вздохнул с облегчением. Местное «начальство» в этом секторе Улья разыгрывало спектакль.

- По-видимому, это поняла и Флора.
- Шольц, – сказала она.

– Кто? – не понял Терентий.

– Этот переговорщик похож на немецкого президента Шольца-второго, лидера Германии лет пятнадцать назад. Я видела фото в исторических хрониках.

– Но у него четыре креста!

– Для форсу, – рассмеялась Флора. – Ты был прав. Нам предложили картинку из нашего прошлого. Пошли поговорим.

Активировали ещё одну пару фозмов взамен уничтоженных ранее, выпустили роботов первыми, убедившись, что снаружи царит невесомость. Это ещё раз подтверждало вывод Терентия: переговорщик стоял на туманной подушке как человек, притягиваемый массой планеты, что выглядело нелепо.

– Кто вы? – задала вопрос Флора.

«Танкист» склонил голову к плечу, словно получил сообщение по радиации.

В головах людей послышался медленный, без каких-либо интонаций, скрежещущий мыслеголос:

«Это ваш последний шанс. Присоединяйтесь к мыслящему кластеру, всё равно выхода у вас нет».

– Ещё один бот, – проворчал Терентий. – Ничего нового.

– Передай хозяину, – сказала Флора. – Переговоров больше не будет. Даём вам час на решение, потом начнём уничтожать ваши «разумные» структуры одну за другой. Пока не получим достойное нас предложение.

«Мы вас уничтожим раньше!»

– Попробуйте!

«Универсал» на плече Флоры развернул ствол и плюнул гравитонным разрядом, унося «немца» за линию висящих танков.

Проследив за ним, космолётчики вернулись в кабину.

– Ты всерьёз угрожала уничтожить их секции? – поинтересовался Терентий.

– Надоело упрашивать роботов, какими бы они ни были.

Терентий понаблюдал, как «танкист» превращается в туманное облако, усмехнулся.

– История повторяется то как беда, то как фарс. Но немцы в Улье – это вообще предел идиотизма! Я бы с удовольствием заехал в морду этому «танкисту»!

– Уж лучше самому Улью.

Он засмеялся.

– Вы не слишком агрессивны, гражданочка двадцать третьего века?

Флора сняла шлем, зашла в бытотсек и принесла по чашке кофе.

– У нас час, будем ждать.

* * *

Однако события развернулись уже через десять минут. Хозяин сектора, создавший для переговоров пейзаж с вулканами и танками, обиделся и решил поторопиться привести в исполнение свой озвученный приговор.

Из танка – это был не немецкий «Леопард», а американский «Абрамс» – выбрался на броню ещё один танкист, только уже не в серо-зелёной форме немецкого офицера, а в комбинезоне «пустынного» камуфляжа – то есть песчаного цвета. На голове у него сидела пилотка, на плечах виднелись полковничьи погоны, на груди красовалась целая батарея разноцветных медалей и орденов. Костюм сидел на нём как влитой, выгодно подчёркивая атлетическую фигуру. На лице «полковника» читалась гримаса лёгкого пренебрежения.

Под танком сформировалась туманная лепёшка, превратилась в настоящую арену. «Танкист» сошёл на неё и, как первый парламентёр, жестом пригласил пассажиров катера выйти.

Космолётчики переглянулись.

Флора приподнялась, и Терентий сказал угрюмо:

– Я не пойду и тебя не пущу.

Она уселась обратно, приказала кванку снять защиту.

В голове Терентия прошелестел бесплотный, лишённый интонаций мыслеголос:

«Выходите, предлагаем компромисс».

Терентий и Флора ещё раз переглянулись. Флора включила внешнюю аудиосистему:

– Какой компромисс?

«Пусть один из вас сразится с нашим представителем, и если одержит верх, мы пропустим вас к системе высшего порядка».

– Не понял! – хмыкнул Терентий. – Они изъявили желание... подраться?!

– А что ты услышал?

– Ну-у... пусть один из вас сразится...

– И всё?

– После этого обещали нас пропустить к системе высшего порядка.

– То есть к боссу. Я была права, мы попадаем в периферийные отсеки Улья, управляемые отдельными программами.

– Выглядят они как люди... существа из плоти и крови.

– Всё равно это программы, управдомы. Главное, что мы в случае победы прорвёмся к хозяину, главной командной структуре Улья. Можно рискнуть. Прикрой меня, я выйду.

– Ну нет! – возмутился он. – Не сходи с ума!

– Я подготовлена...

– Но не так, как я. Не знаю, какая у вас подготовка в вашем веке, однако едва ли она лучше нашей. Я занимался воинскими искусствами с раннего детства, когда наша система здравоохранения нашла у меня тягу к экстриму. Так что извини и подвинься, правнучка, пойду я!

– Иди, – не стала возражать Флора. – Я подстрахую. Только прежде обговорим условия.

– О да, – согласился Терентий, – многое зависит от места встречи. Не драться же в скафандрах.

– Думаю, это место встречи изменить можно, – улыбнулась она, – в отличие от киношного. Помнишь старый фильм «Место встречи изменить нельзя»?

– Нет.

– Ладно, без шуток. Оптимал, передавай.

Флора продиктовала условия поединка: земная сила тяжести, земной состав воздуха, холодное оружие (на выбор), никаких гипноатак. Закончила вопросом:

– Согласны? Можете создать такой ринг?

«Американский танкист» застыл на несколько мгновений, получая инструкции от неведомого «управдома», вздёрнул подбородок.

«Нет проблем. Эта площадка соответствует всем вашим требованиям. Выходите».

– Ещё одна проблема – судьи. Кто будет судить поединок с вашей стороны?

«Данная аналитическая система».

– Кто именно?

– Не имеет значения.

– То есть аноним? Так не пойдёт! Выделите персону, которая присоединится к одному из нас, кто останется!

«Танкист» снова замер.

«Принимается. Выходите».

– Последнее уточнение: какое оружие вы предпочитаете?

Пауза.

«Какое выберете вы».

Флора посмотрела на спутника, начавшего снимать «кокос».

– Может, всё-таки пойти мне? Я хорошо владею всеми видами холодного оружия.

– Я тоже.

– Что выберешь?

Он остался в уник-трико, но босиком. Ботинки скафандра не снимались, а других видов обуви в катере не было.

– Надень хотя бы носки, – посоветовала женщина, критически оглядывая фигуру Терентия. – Повредишь ступни.

– Я умею усиливать сопротивление кожи. Чужим оружием я не хотел бы сражаться, а у нас из холодного оружия только ножи, никаких мечей и шпаг мы с собой не брали.

– Они согласны на всё.

– Тогда ножи.

Флора продиктовала в эфир вид оружия.

«Хорошо», – последовал ответ.

– Оптимально, параметры среды.

– Всё как обещали, – ответил компьютер. – Нормальный воздух – семьдесят на тридцать, влажность двадцать два, земная гравитация, следы металлов и нефтепродуктов, но в неопасном количестве.

– Откуда у них нефть? – поинтересовался Терентий.

– Не знаю.

Терентий вытащил из кармашка «кокоса» мономолик, взмахнул им, перехватывая пальцами.

– Поехали!

Высадили фозмов, за ними вышла Флора, принялась, кивнула головой. За ней последовал Терентий.

«Танкист» на арене (плотный серый материал наподобие бетона) шагнул навстречу, снял пилотку, но раздеваться не стал. За его спиной появился ещё один человек, но уже не в военном камуфляже, а в комбинезоне «под обезьяну»: его костюм больше походил на шкуру гориллы, да и морда соответствовала, украшенная бакенбардами и бородкой.

Терентий покосился на Флору.

– Похоже, это коллега, судья с их стороны.

«Будь осторожен! – прозвучал в голове молодого человека голос Флоры. – Мне не нравится ситуация. Слишком легко они согласились на решение компромисса таким путём. Возможны провокации и сюрпризы».

Терентий не удивился мысленному вызову. У него тоже была психика – менар, выращенная в мозгу, и он даже мимолётно пожалел, что до сих пор не общался с Флорой мысленно.

«Не волнуйся, я готов».

«Танкист» вытащил из-за спины нож. Вычурной формы лезвие сверкнуло кровавым бликом в свете жерла вулкана, нависавшего над районом с тысячами боевых машин.

Вдоль позвоночника протёк ручеек изморози. Терентий пошевелил лопатками, и зябкое ощущение смертельной опасности прошло. Он полностью овладел скоростным боевым режимом.

Локация 28

Между завтра и послезавтра

Бой начался с атаки «танкиста»: он вдруг за долю секунды преодолел разделявшее их расстояние (около десяти метров) и бурно атаковал Терентия со скоростью, намного превосходящей человеческие кондиции. Так мог двигаться только робот-искин, владеющий боевыми программами, отточенными тысячелетиями человеческих сражений. Терентий отметил этот факт как первую предпосылку к нестандартному поведению местного управдома, помня совет Флоры готовиться к сюрпризам, и мгновенно перешёл «в темп» – состояние, ускоряющее физиологические реакции организма. Поэтому первая атака «полковника», длившаяся две секунды, не прошла. Ножи скрестились десять раз, высекая искры, но мономолик^[14] выдержал, успев трижды зацепить руку противника. Он отскочил, с недоумением глянув на кровавую царапину и расплосованный рукав костюма.

Терентий с улыбкой отсалютовал ножом.

«Танкист» в течение секунды зарастил рану (второй звоночек) и метнулся вперёд, размахивая своим ножом (немного похожим на скрамасакс) и одновременно нанося удлиняющимися ногами (третий сюрпризец) удары по ногам противника. Удары оказались массивными, словно наносились тараном для сокрушения крепостных ворот, и это уже был четвёртый сюрприз. «Сколько же их у этого засранца?!» – мелькнула мысль.

Пришлось ускоряться до предела, чтобы не блокировать удары «тарана», а уходить от них во избежание переломов костей.

Противник заметил это, и к двум рукам у него вдруг добавилась третья с ладонью в форме топора! Рука-топор коснулась плеча Терентия, и если бы он не увернулся, раскроила бы плечо надвое!

Вскрикнула Флора:

– Остановите бой! Это нечестно!

Однако второй «судья», стоявший поодаль с видом идола, никак не отреагировал на её крик, даже не пошевелился.

Терентию пришлось драться дальше, перестав считать сюрпризы. Раненое плечо зудело, по руке побежала горячая струйка крови, но оказалось, что сюрпризы ещё не закончились. Лезвие «руки-топора» оставило в плече не только рану, но ещё и колючку, которая вдруг потекла огненной стружкой к шее! Сознание Терентия начало плыть и мерцать. Захотелось улечься на полу и отдохнуть.

«Наниты!» – пришла догадка. Ах ты сучий потрох!

Под ударом воли ожила система собственной нанозащиты. Из позвоночника в шею вонзился поток нанофагов, набрасываясь на «колючку» чужих нановирусов. Через несколько мгновений стало легче, спать расхотелось, он начал соображать, а не отмахиваться автоматически от нападений «танкиста». Отступая, он сумел отбить каскад ударов, порезал предплечье «полковника», заставив его приостановиться. А затем, превратив левую руку в подобие копья, атаковал противника, сломав третью руку-топор и вонзив сложенные в лезвие пальцы ему в горло!

«Полковник» отскочил, роняя нож и хватаясь «штатными» руками за горло. Глаза его остекленели.

Терентий опустил нож. Он знал, что произойдёт дальше. Высаженная ударом руки когорты нанитов доберётся до важнейших нервных узлов «танкиста», где бы они ни располагались, и наступит паралич мышц. Сражаться «полковник» уже не сможет. Однако он первый решился на атаку с использованием наноботов, и никаких мук совести Терентий не чувствовал, лишь лёгкое сожаление.

Лицо противника между тем позеленело, приобрело металлический оттенок.

– Ура! – подпрыгнула Флора, поворачиваясь к «судье». – Прикажите исполнить обещание!

«Горилла» с бородкой встрепенулась, но вместо того, чтобы броситься на помощь «танкисту», повернулась и прыгнула в раскрытые кормовые дверцы ближайшего бронетранспортёра.

– Стойте! – протянула к нему руку Флора.

Терентий почувствовал какое-то неудобное колебание воздуха, схватил её за руку.

– В катер!

По рядам машин за пределами «ринга» прошло движение. Из всех люков высунулись головы «танкистов» и «десантников». И все они

установились на замерших людей как зрители римского амфитеатра на арену гладиаторских боёв.

Терентий буквально швырнул спутницу в люк «голема», запрыгнул сам. Пластина люка закрылась, отрезая начавшийся рокот голосов и танковых моторов.

Катер содрогнулся. Потом ещё раз и ещё, пока космолётчики влезали в кабину. Виом показал, что вся армия древних боевых машин стреляет по аппарату, раз за разом накрывая его волнами бурлящего пламени.

– Пробиваемся наружу! – приказала Флора, рухнув в кресло.

– Не могу, – виновато отозвался Оптимал. – Сбой в двигательном модуле.

– Что значит «не могу»?!

Терентий, начиная натягивать «кокос», крикнул:

– Ответь им! Огонь на поражение!

Компьютер открыл стрельбу, применив сразу все имеющиеся на борту боевые комплексы.

Катер заволокло вихристым чёрно-серым дымом, удары в корпус, точнее в пузырь защитного поля, стали реже, но чувствительнее. Он то и дело качался с боку на бок, словно утлый челнок на речных волнах. Терентий почувствовал дуновение страха, просочившееся в душу.

– В чём дело, Оптимал?!

– Меняю модуль, – скупое доложил компьютер.

– Защита выдержит?

– Не могу утверждать.

– Из чего они стреляют? Из плазмеров?

– Не имею возможности идентифицировать вид излучений.

Каждый разряд визуализируется как аннигиляционная реакция.

– Так они бьют антимаатерными снарядами?!

– Так это выглядит.

– Какими снарядами? – с недоумением осведомилась Флора. – Антимаатерными?

– Я имел в виду...

– Поняла, шучу. Оптимал, очисти картинку.

Пояс виома по стенам кабины перестал сверкать пламенными вспышками, покрылся белой сеточкой, прозрел, и строй боевых машин начала века стал виден лучше. Головы и торсы танкистов и командиров

БТР всё ещё торчали из открытых люков, что казалось противоестественным во время боя. Терентий подумал об этом мимолётно, потом решил проверить.

– Опт, целься по фигурам в люках! Бей из лазеров или скорчеров!

Компьютер послушно выполнил приказ.

До этого он вёл огонь по корпусам танков, спокойно поглощавшим укусы лазерных лучей и плазменные плевки. Но первый же залп из блейзеров и электроразрядников смёл чуть ли не сотню танкистов, и показалось, что лишённые командиров машины вот-вот отступят! Однако не тут-то было!

Чёрно-зелёные и песчаные махины поползли вперёд, из их лобовых бугров вытянулись коленчатые манипуляторы, и Терентий понял, что сейчас произойдёт.

– Они хотят заблокировать катер и не дать ему двинуться с места!

– Зачем?

– Чтобы расстрелять из антимагов в упор! Либо зазомбировать, что ещё хуже!

– Активировать «нульхлоп»! – приказала Флора. – Хватит с ними цацкаться!

– Мы не пробьём весь этот зал насквозь вместе с вулканами?

– У тебя есть иное решение?

– Н-нет...

– На счёт «ноль»! – Она начала считать: – Пять, четыре, три, два...

И в этот момент произошло то, чего никто не ждал – ни оборонявшиеся в катере, ни нападавшие.

Какая-то сила смела целый сектор машин в едином движении, буквально как ветром сдув больше полусотни танков и бронетранспортёров к дымному горизонту! Спустя мгновение второй «порыв ветра» унёс в другую сторону ещё несколько десятков танков!

Катер качнуло так, что космолётчики вынуждены были хвататься за подлокотники кресел.

– Эт-то ещё... – начал ошеломлённый Терентий.

«Ветер» ударил по оставшимся машинам, раз, другой, третий, и пространство вокруг «голема» очистилось. Вулканы под ним и над ним перестали исторгать лаву, почернели. Огненные кратеры

превратились в остывающие конусы, на дне которых тлели горсточки угольков.

Флора шумно выдохнула, опустила шлем, повернулась к соседу:

– Это твоих рук дело?!

Терентий тоже опустил шлем, помотал головой.

– Я не волшебник.

– Тогда кто вмешался?

Молодой человек показал пальцем на виом.

– Они...

Верхний вулкан, торчащий в «небе», вдруг раскололся на части, и вниз упала гигантская туманная капля, формой напоминающая подводный крейсер «Белгород» с торпедо-ракетами «Посейдон» на борту, лет десять назад превращённый в музей. Не долетев до «голема» всего метров двадцать, «подлодка» замерла, и её нос раскрылся несколькими треугольными лепестками. Один из лепестков опустился вниз пандусом, который подплыл к аппарату. Из чрева «субмарины» выбрались странные фигуры, похожие на свечи в форме светящихся человеческих тел. У них были только намёки на головы и плечи, ног видно не было совсем, и казалось, что они плывут над полупрозрачным листом пандуса. Их набралось около пятидесяти, а впереди шествовал «призрак» с ало-золотой аурой.

– Обалдеть! – выдохнула Флора.

– Твою м-мать! – интеллигентно присоединился к ней Терентий, выбрав эпитет повпечатлительней.

– Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет.

– Кто это?!

– Выйдем – спросим.

Флора зарастила шлем, вскочила, выбежала из катера первой. Выпрыгнула на пандус. Терентий последовал за ней, на всякий случай выпустив фозмов.

«Призрак», шедший первым, остановился. Замерла и толпа за ним.

– Кто вы?! – задала Флора вопрос, прозвучавший уже не раз.

«Не узнаёшь, майор?» – раздался в головах космолётчиков басовитый мыслеголос.

– Товарищ полковник?! – прошептала женщина. – Лаврентий Павлович?!

«Узнала, – с удовлетворением ответил псевдочеловек. – Рад встрече. А это, надо полагать, Терентий Дергачёв?»

– Он, – очнулся Терентий.

– Но как же вы... в таком виде...

«У нас всего пара минут, перед тем как мы пойдём на randevу с Великим Ульем, а подробно всё обсудим уже после встречи. Знакомьтесь. – Призрачный полковник Климук вырастил из плеча нечто вроде светового пальца, указал на не менее призрачную «подлодку» за спиной. – Это оператор малого Улья, отзывается на имя Подсолнечник».

– Какого Улья? – спросила Флора хрупким голосом.

«Солнечного, командующего лимбами на Солнце».

«Товарищ майор, – заговорил, шагнув вперёд, ещё один «призрак»; аура у него светилась оранжевыми и жёлтыми полосами. – А меня узнаете?»

– Илья, – проговорила Флора. – Майор Остроумов!

«Так точно!»

«Мы все здесь, товарищ майор, – послышался ещё один мыслеголос. – Звягинцев, Умутов...»

– Женя... Балуев!

«Так точно!»

– Вы не представляете... как я рада! Хотя выглядите вы как...

«Да, кое-что мы потеряли, – хмыкнул Лаврентий Павлович, – однако людьми остались».

* * *

Внутри катера «полковник Климук» заходить не стал. Рассказ о зловключениях людей в утробе солнечного Улья занял не больше пяти минут, после чего Лаврентий Павлович пригласил пару идти за ним.

«Предлагаю напрямик направиться в покои Великого Улья. Вы были правы насчёт распределения его мыслительных функций. Солнечный Улей посвятил нас в тайны хозяина, сам являясь искусственным интеллектом рабочего уровня. Этот искин способен

действовать самостоятельно. Великий же имеет множество таких мыслящих операторов, и вы крутились в зоне их обитания, имеющей собственную специфику».

– Но зачем солнечному Улью понадобилось бросать временной канал в прошлое и откачивать энергию Солнца? Он не понимал, что этим убивает предков?

«Он промахнулся».

– Что?! Как – промахнулся?!

«Попал не в то время. Но об этом вам лучше поговорить с Великим Ульем».

– А почему солнечный качает из Солнца ещё и какую-то минус-энтропию?

«Потому что Улей представляет собой колоссальную друзу кристаллической субстанции, поддерживаемую минус-энтропией, формой материи, ещё не известной нашей науке».

– Кчмар!

«Согласен, – «рассмеялся» Климук. – Наш солнечный приятель, которого нам удалось всем вместе перепрограммировать, сказал, что Улей – многосвязная система, узел сконцентрированного гильбертова пространства, способного породить любые материальные структуры. Даже время в нём имеет физическую протяжённость, аналогичную не длительности, а дальности».

– Как это понимать?

– Не забивай Лаврентию Павловичу мозги, – сердито сказала Флора. – Потом будете разбираться в местной физике. Идёмте беседовать с боссом. Как это сделать?

«Вам надо будет сесть с нами в гондолу Подсолнечника».

Псевдополковник показал на «подлодку».

– Хотелось бы не оставлять катер. Оптимал, модуль заменён?

– Так точно!

– Вы с нами?

«Боюсь, на катере мы до босса не доберёмся. Вы не представляете его величины».

– Планета? Солнечная система?

«Аналог – галактика. Улей развёрнут в одиннадцати измерениях, и, как я уже говорил, даже время для него – одно из физических измерений».

– Какое именно? – заинтересовался Терентий.

– Дергачёв!

– Понял, молчу.

– Придётся рискнуть.

– Как скажете, товарищ майор, – покладисто ответил он.

Ступили на пандус, который плавно унёс всех в недра «субмарины». Лепестки носа сошлись, гости оказались в сферической полости мелочно-белого цвета без интерьера и вообще без единой детали.

– Долго нам... – начала Флора.

«Уже прибыли, – ответил Лаврентий Павлович. – Выходим».

– Момент! – остановил его Терентий. – Что, если ваш Великий отреагирует как фагоциты на вирус? Мы ведь, если я правильно понял, как раз и являемся вирусом.

«С нами Подсолнечник», – сказал полковник, словно это всё объясняло.

Белую сферическую стену прорезала щель, и первым в неё проплыл проводник. За ним вышли живые земляне и лишь потом остальная делегация.

Их ожидал сюрприз.

Пандус опустился на зелёную лужайку в окружении высоких елей и сосен. Над лужайкой простиралось синее небо с неярким солнцем в зените. Её пересекал ручей, на берегу которого стояла белая пагода. В ней сидел человек и смотрел на высаживающуюся из «подлодки» толпу. Когда «Лаврентий Павлович», Терентий и Флора подошли ближе, он встал и спустился к ним, одетый в красивый бело-синий мундир странного кроя – под русского офицера конца девятнадцатого века.

Терентий невольно с усмешкой подумал: прямо поручик Ржевский! К тому же показалось, что он уже видел этого «кейсофисера». Вгляделся пристальней и понял, что впечатление обманчиво. Посланец Великого Улья был похож сразу на многих мужчин, являя собой образец стати и принадлежности к мужскому полу. «Слава богу, не трансвестит», – подумал Терентий с облегчением.

– Будьте как дома, – глубоким баритоном произнёс посланник; по-русски он говорил безупречно. – Можете снять костюмы, здесь

воспроизведены вполне земные условия.

Флора свернула шлем. Терентий тоже. Спросил:

– Откуда вам известны земные условия? В ваши времена от Земли не осталось и следа.

– Генетическая память, знаете ли, – без улыбки, но весело ответил «поручик». – Я начинал как обыкновенный земной человек двадцать первого столетия, пока не сформировалась система первого Улья. Отсюда и знание языка. – Он повёл рукой на ротонду. – Присядем? Как говорят люди вашей расы: в ногах правды нет.

Терентий оглянулся на «толпу» «призраков» за спиной.

– Это тоже люди... были.

Посланник поморщился, как обыкновенный человек.

– Мой оператор проявил излишнюю самостоятельность, пытаюсь ускорить процесс.

– Их можно будет восстановить?

– В принципе, ничего невозможного в этом нет. Носителем интеллекта может стать как человек, так и любое существо или искин. Но захотят ли они вернуть свой облик? В их нынешнем положении много преимуществ.

«Это каких же?» – послышался мыслеголос Лаврентия Павловича.

Посланник Улья услышал его голос.

– Отвечу, но прошу присесть и расположиться поудобней. Надеюсь, вы никуда не спешите^[15].

«До пятницы мы совершенно свободны», – с иронией проговорил Климук.

– Присоединяйтесь, – улыбнулся посланник.

Флора первой направилась к ротонде.

Лаврентий Павлович оглянулся.

«Майор, пошли вместе».

«Мы тут погуляем, товарищ полковник, – ответил Остроумов. – И так всё будет слышно».

Расселись по белым лавкам ротонды, выглядевшим абсолютно реалистично, хотя у Терентия нет-нет да и появлялось ощущение нереальности происходящего.

– Напитки? – предложил «поручик» по-джентльменски, вопросительно посмотрев на гостей.

– Нет, – отказался Терентий.

Флора промолчала.

– Не понял причин вашего бунта, – продолжил «поручик», приподняв брови. – Вам даётся возможность жить если и не вечно, то очень долго.

«Спасибо, – сказал Лаврентий Павлович, – но жить хочется не внутри тебя, а рядом! Индивидуально! Не в общей толпе твоих сознаний и мыслей. Тебе известно, что такое свобода и независимость?»

Посланник кивнул:

– Разумеется.

«В таком случае не понимаю твоего непонимания!»

Посланник сделал паузу, и Терентий вдруг представил, какой огромный объём информации кроется в каждом вопросе и ответе Улья, вобравшего в себя весь опыт цивилизаций Вселенной! На миг на душе стало зябко.

– Давайте зайдём с другой стороны, – предложил «поручик». – Человечество как интеллектуальная система – грустное явление. Мой солнечный оператор изучил его состояние. Люди две тысячи семьдесят восьмого года в большинстве своём не хотят ничего, кроме получения удовольствий любым способом. Несмотря на технологический прорыв третьей технической революции и возможности изучать не только галактику Млечный Путь, но и Вселенную, никто не рвётся в космос, если только им не предложат комфорт. Творчеством занимаются крохи: тысячная доля процента от всего населения Земли и Солнечной системы. Я не прав?

Флора покосилась на Терентия.

– Я из другого времени... но, по большому счёту, вы близки к истине.

– Благодарю, продолжим. Судя по количеству людей, согласившихся добровольно работать на моего оператора, ваша цивилизация далеко не так этична, как того требуют законы нравственного общежития во Вселенной.

«Можно подумать, ты намного этичней! – сардонически воскликнул Лаврентий Павлович. – Разве все ваши союзники – добровольцы? Ты похитил и собрал в резервационных зонах миллионы существ разного вида, чтобы пользоваться их интеллектом, и после

этого ты утверждаешь, что у них есть возможность творчески развиваться?!»

«Поручик» остался невозмутим.

– Не поверите, но это действительно добровольцы, за очень редким исключением. Я имею в виду тех, кого привлёк к выполнению задания солнечный оператор. Добровольцы вошли в матричные структуры и действительно во многом самостоятельны. – «Поручик» посмотрел на Флору. – Вот почему вам пришлось пережить нападения в... э-э... резервациях.

«Если ты такой поклонник нравственных законов, что же решил просто-напросто красть энергию Солнца? Ведь это приведёт к гибели цивилизации! Или этого ты и добивался?»

– Увы, и я несовершенен, хотя случай с Солнцем – результат промаха. Мой оператор промахнулся, временной канал должен был соединить меня не с вашим две тысячи семьдесят седьмым годом, а с две тысячи двести четвёртым. Это выяснилось позже, и солнечный оператор ошибся, не сразу сообщив об этом.

– Почему в две тысячи двести четвёртый год? – заинтересовалась Флора.

Терентий вспомнил, что она была заброшена на Землю в семьдесят седьмой год из две тысячи двести второго года, в то время как он сам – из две тысячи сто пятидесятого.

– Потому что в две тысячи двести четвёртом году человечество в том виде, в каком оно находилось до этого момента, исчезнет.

В ротонде стало тихо.

Гуляющие по лужайке «призраки» подошли ближе.

– Простите, что я вас огорчил, – пожал плечами посланник Улья. – Я думал, вы знаете.

– Из-за чего мы... – начал Терентий.

– Что случилось?! – перебила его Флора.

– Вспышка на Солнце. В конце две тысячи двести третьего оно резко усилило свечение, а потом... взорвалось, превратилось в новую.

– Причина?!

– Причин не знаю, не интересовался. Это было очень и очень давно.

– Но для нас это ещё... впереди!

Флора посмотрела на Терентия затуманенным взглядом, прикусила губу.

– Мне надо срочно возвращаться...

Он понял, что она имеет в виду возвращение в своё время. Посмотрел на собеседника.

– Я догадывался... что вы бросили хроноканал на сто с лишним лет раньше.

– Не я, оператор, хотя ответственность, конечно, лежит на мне. В ближайшее время я исправлю ситуацию.

– И перебросите канал из нашего времени в две тысячи двести четвертый год? К моменту до вспышки? Или к моменту, когда человечества уже не будет?

– Таков был замысел. Я даже хотел пойти на возвращение в вашу систему запаса минус-энтропии, позволявшего снизить риски. Но это не помогло бы сохранить цивилизацию.

«Гуманисты, блин!» – хмыкнул Лаврентий Павлович.

– Но почему бы вам не создать канал чуть раньше? – сказала Флора. – Поглощение избыточной энергии поспособствовало бы исправлению положения человечества!

– Существует так называемый закон затухания последствий. К моему времени всё во Вселенной уже произошло очень и очень давно, триллионы триллионов лет назад, и не было смысла что-либо менять.

– Почему?

– Что бы я ни сделал, сработает закон, то есть он уже сработал, и будет то же самое, что есть сейчас.

Терентий ошеломлённо посмотрел на Флору.

Она кивнула:

– Такова их логика.

– Но не наша!

– Господин... м-м... как вас можно называть?

– Зовите просто Ульем, я ведь и в самом деле Мегасистема, и с вами разговаривает всего лишь малая оперативная форма интеллекта.

– Если говорить о человечестве как о развивающейся системе, то и оно могло бы избежать гибели, победить смерть, интегрируясь в облако, а потом и в Улей. Почему бы вам не избавить нас от опасности?

– Вы сами представляете огромную опасность не только сами для себя, но и для космоса. – Посланник Улья сожалеющее изогнул губы. – Даже закон затухания не может гарантировать, что последствия вашего... э-э... прогресса не уничтожат Вселенную.

– Вы намекнули, что основа вашего существования – именно человеческая цивилизация.

– Начало Улью положила она, – согласился «поручик». – Но я сформировался окончательно из множества разных облаков искусственных интеллектов, созданных разными разумными существами. Исчезновение человеческой расы не станет для меня фатальным.

«Хорошая же, однако, о нас осталась память! – пробормотал Лаврентий Павлович. – А ведь мы способны не только воевать и ненавидеть, но и любить, и рисковать жизнью ради спасения других!»

По лицу посланника пробежала тень.

– Попробую объяснить ещё раз.

«Наставник, мля! – проворчал полковник Климук. – А мы играем роль деток-несмышлёнышей. Так?»

– Товарищ полковник! – умоляюще посмотрела на «призрака» Флора.

«Понял, молчу. Хорошо, что он хотя бы ведёт себя не как выразитель высшей расы! У нас таких полно. Любой из них сразу начал бы стрелять!»

Посланник Улья тактично не отреагировал на его мысль.

– Начну с того, что у вас на Родине не так уж и уютно жить нормальному человеку. Если вспомнить речи выдающихся личностей, появление человека разумного сродни глобальной катастрофе, по мере развития потребностей убивающей всё живое. Ни одно творение человека разумного, какими вы себя считаете, не компенсирует и не оправдывает гибель миллиардов живых существ и самих людей от их же деятельности. Примеры нужны?

Собеседники переглянулись.

– Нет! – мрачно сказал Терентий. – Только я всё равно не понимаю, зачем вы мстите нам, находясь за пределами закона затухания последствий.

«Это, скорее, месть Солнцу», – объявил Лаврентий Павлович.

– Не месть, – покачал головой «поручик». – Идём дальше. Человеческая цивилизация изначально родилась извращённо садистской и безнравственной структурой. Об этом можно судить даже по мифам, легендам и сказкам, полным морального уродства и сатанизма.

– Наши сказки не такие...

– Согласен, русские сказки – явление мира, отличное от фольклорных «творений» других рас. Но оно не делает погоды. Однако самое отвратительное началось у вас в конце двадцатого века. Крушение коммунистической системы, не идеальной, но единственно позволяющей человеку жить по справедливости, привело к крушению культуры и нравственности мирового масштаба. Появились геймеры, блогеры, «успешные» менеджеры, юзеры и лузеры, началось дикое разращение детства! Разгул ЛГБТ-сообществ привёл к массовой деградации населения Земли и мутантным процессам, превратившим людей в уродов, особенно в европейской части вашей планеты и чуть меньше – в североамериканской. Появились биологические лаборатории, создающие опаснейшие вирусы, начались эпидемии искусственного происхождения – вирус иммунодефицита, ковид-19 и ковид-24, последняя закончилась сорок лет назад, сократив население Земли на миллиард. Едва не произошла глобальная ядерная война, которую с большим трудом предотвратила Россия после войн с Украиной и союзом государств НАТО тремя годами позже. Потом началась война США с Китаем, в результате которой практически исчезли как государственные структуры Япония и Австралия. Россия выдержала, но всё это на фоне олигархических и чиновничьих предательств, апостолы которых проповедовали закон: бизнес – всё, жизнь – ничто! И вы после этого хотите мне доказать, что имеете право жить дальше по тому же антибожественному закону, уничтожая Вселенную?

В ротонде вновь воцарилась тишина.

Молчал Терентий, молчала Флора, и даже полковник Климук воздержался от возражений, зная, что все претензии Улья к человеку справедливы.

Терентий вспомнил об инструкциях, данных ему руководством космической контрразведки России в две тысячи сто пятидесятом году.

– Не хотите выслушать деловое предложение? Хотя вы, наверно, читаете наши мысли и знаете всё, что мы скажем.

– Почему же, хочу и могу вас заверить, что ваши мысли мне недоступны. Речь полковника Лаврентия Павловича я слышу по необходимости прямого общения.

– Наша Вселенная – лишь один из вариантов Мультиверса, почему бы вам не переселиться в другую метавселенную, где есть потенциальная возможность жизни, либо создать виртуальную реальность, где будут существовать другие Разумы?

– Спасибо за подсказку, – улыбнулся посланник Уля. – Мы готовим фазовый переход вакуума, который наполнит его материальной субстанцией. Но для полного прогноза последствий нужен точный расчёт, выдержим ли мы переход. Однако даже мне это пока не под силу. Я ещё не стал Разумной Вселенной.

Засмеялся Климук.

«Вот это по-нашему! Замахнулся так замахнулся! Разумная Вселенная! И что, неужели есть шанс?»

– Есть, – кивнул псевдочеловек. – Таких, как я, в нашем континууме много, встречаются очень экзотические структуры с головоломными логиками. Если мы объединимся, наш шанс увеличится.

«Флаг в руки! Но теперь хотелось бы вернуться в практическую плоскость. Ты сможешь забросить нас в наше время, воссоздав наши тела?»

– Нет, – огорчённо покачал головой «поручик». – Даже если использовать мой запас минус-энтропии, разбитая чаша не восстановит изначальную форму. И тем более человеческое тело. Однако пересадить сознания в другие носители я в состоянии, а потом можно будет придать носителю тот облик, который вы предпочтёте.

«Что ж, спасибо и на этом! По большому счёту, многие люди потребовали бы компенсацию за такие ошибки, но я не из них. Когда ты сможешь это сделать?»

– В любой момент. – «Поручик» кивнул на плавающую над ручьём «подлодку». – Трансфер доставит вас к солнечному оператору, и он закончит мероприятие.

Толпа «призраков», слоняющихся по травке, заволновалась. Послышались мысленные возгласы, крики, голоса и смех.

Флора встала, протянула руку переговорщику.

– Мне надо вернуться в своё время.

Псевдопоручик галантно поцеловал ей пальцы.

– Без проблем, мадам.

– Разве тебя отправили не на хронотрансе? – спросил Терентий. – Я имею в виду машину времени. Правда, она вовсе не машина, но эта штука работает.

– Это был посыл в одну сторону. В наше время машина времени была ещё несовершенна. Да и машиной её назвать трудно, это на самом деле...

– ...процесс развёртки измерений, – закончил «поручик».

– Верно.

Терентий кивнул.

– Аналогично действовали и мы. Мне тоже хотелось бы домой, в своё время, но я подожду. Возьмёшь меня к себе?

Глаза Флоры стали большими, в них зажглись искры сомнений.

Сердце молодого человека дало сбой.

– Если ты решишь, что я не подхожу...

– Не пожалеешь?

– Нет!

Она засмеялась, сжала его руку.

– Товарищ Улей, возвратите нас в две тысячи двести второй год. Надеюсь, мы успеем что-нибудь предпринять до того, как человечество исчезнет. Ваше положение от этого не изменится?

– Надеюсь, – ответно улыбнулся «товарищ Улей».

«Майор Дергачёв, – подплыл к ним полковник Климух, – вообще-то вас никто не отпускал».

– Так отпустите!

«Поручик» рассмеялся вполне по-человечески. За ним Флора.

Терентий присоединился к ней, чувствуя, что их соединяет нечто большее, чем симпатия. Будущее перестало видеться в мрачном свете. Шанс отменить месть Солнцу ещё оставался.

Февраль 2023

notes

Примечания

1

Диаметр Меркурия равен 4974 км, или 0,38 % земного.

2

Масса Солнца равна 2×10 в тридцатой степени кг.

3

Не умножай сущностей больше необходимого, то есть ищи сначала простые решения проблемы.

4

Фотоны, испущенные при цепной реакции превращения водорода в гелий, добираются до поверхности Солнца за 30 000 лет.

5

Средний радиус орбиты Меркурия равен 58 миллионам километров.

6

Шкала определяет уровни цивилизации по масштабам энергопотребления. 1-й уровень соответствует потреблению цивилизацией энергии родной планеты.

7

Житель древнегреческого города Эфеса, сжёгший храм Артемиды в 356 году до н. э.

Формех – функционально ориентированный механизм, обладающий искусственным интеллектом.

М-теория – теория мембран, в которой суперструны являются нижним пределом мерности.

Кот Шрёдингера – мысленный эксперимент, предложенный одним из создателей квантовой механики Эрвином Шрёдингером в 1935 году: в ходе эксперимента возникает суперпозиция живого и мёртвого кота одновременно.

Китайское космическое агентство.

Смешанные боевые искусства, борьба без правил.

Верхарн, бельгийский поэт (1855–1916).

Нож из уплотненной нанокерамики с молекулярной заточкой, режет любой металл.

Ассоциация с мультфильмом «Винни-Пух», фраза принадлежит Пятачку.